Франсиско Франко: путь к власти

Креленко Д. М.

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Представленную работу, посвященную Ф. Франко Баамонде, можно назвать эскизом к портрету на фоне эпохи. Личность, долгое время считавшаяся одиозной в нашей исторической науке, а главное — в нашем общественном сознании, требует более внимательного изучения. Без малого сорок лет генералиссимус и каудильо определял судьбу Испании, дав свое имя самобытной политической системе. Однако верно и то, что он был типичным представителем своей страны и своей эпохи. В центре внимания исследовании — история превращения лейтенанта в авторитарного руководителя государства.

Для специалистов-историков и политологов и всех, интересующихся историей географически далекой, но ментально весьма близкой нам Испании.

- Д. М. КРЕЛЕНКО
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА IV
  - ГЛАВА V
  - ГЛАВА VI
  - ГЛАВА VII
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

Д. М. КРЕЛЕНКО
ФРАНСИСКО ФРАНКО: ПУТЬ К ВЛАСТИ

ВВЕДЕНИЕ

Кабинет адмирала Канариса в здании центральной квартиры абвера на берлинской набережной Тирпица был, как и полагается подобным местам, украшен официальным портретом, изображающим вождя нации, главу правительства и государства, главнокомандующего вооруженными силами. Словом, на рабочем месте шефа германской военной разведки все было честь по чести за исключением небольшой детали — изображенный был лишен чернявой жидкой челки и усиков щеточкой, о которых, вероятно, подумалось читателю. В отличие от своего коллеги, диктатор, украшавший кабинет адмирала-шпиона, был круглолиц, пожалуй, излишне полноват, обладал раздвигающими лоб залысинами, да вдобавок был облачен в испанский мундир. Словом, безмолвным свидетелем всех высших тайн разведки вермахта был каудильо Испании, глава испанского государства и правительства, генералиссимус испанских вооруженных сил, дон Франсиско Франко Баамонде.

Прочитав об этом интересном факте, автор этих строк тотчас озаботился двумя обстоятельствами. Во-первых, почему отсутствовал в официальном кабинете В. Канариса портрет А, Гитлера, во-вторых, что заставило высокопоставленного офицера рейха декорировать свое рабочее место портретом испанского диктатора? Ответ на первый вопрос был найден с быстротой и решительностью дилетанта: отсутствие лика фюрера можно напрямую связать с тем, что умер Канарис, повешенный эсэсовцами за причастность к заговору 20 июля 1944 года. Думается, факт отсутствия портрета служит подтверждением бытовавшего мнения о недоброжелательности, существовавшей между фюрером и шефом военной разведки.

С ответом на второй (более важный для нас вопрос) все оказалось куда как сложнее. Матерый вербовщик, стоявший у истоков одной из мощнейших спецслужб мира, адмирал Канарис прошел все ступени разведывательной карьеры и умел разбираться в людях. Не будь у него такой способности, его служебный рост оборвался бы в самом начале и не было бы у него просторного кабинета на набережной Тирпица. Несомненно, адмирал умел анализировать информацию и делать верные выводы, без чего трудно надеяться на успех в разведке. И если Франко был представлен на его рабочем месте, значит, для этого были основания, значит, был он личностью незаурядной, пользовавшейся уважением хозяина кабинета.

Можно по-разному относиться к Канарису: можно ненавидеть

его как гитлеровского прихвостня и поджигателя Второй мировой войны, можно интересоваться его профессиональной деятельностью и уважать как серьезного противника, но в одном стоит с ним согласиться — Канарис сумел по достоинству оценить значимость испанского генералиссимуса Франко.

Франко так или иначе участвовал во всех важнейших событиях середины XX века и проявил при этом выдающиеся способности, присущие незаурядной личности, умеющей повернуть в свою пользу совершенно невыигрышную ситуацию. Он сумел внести определенный вклад в развитие военного искусства, продемонстрировал примеры виртуозного политического маневрирования, создал небезынтересную модель государственного устройства, основанную на принципах прагматизма и отказе от крайностей.

Нельзя сказать, чтобы все вышеперечисленное полностью ускользнуло от внимания исследователей. История Испании XX века, франкистский режим и персона Франко привлекали внимание многих ученых. Однако тематика и способ раскрытия темы несут на себе некий флер малозначительности. Против Франко как исторически значимой личности работает синдром «малой (точнее малозначимой для всемирного процесса) страны». Соответственно этому его участие в исторических событиях оценивается как бы по остаточному принципу среди причин, явлений и условий вторичной значимости.

В зависимости от политических воззрений исследователей о Франко вспоминают то как о второразрядном фашистском диктаторе, то как о мелком политическом шулере, сумевшем выжить в эпоху колоссов. Между тем представляется, что личные качества не зависят от национальности, а талант и мастерство политического деятеля — от размеров политической арены.

Больше всего историческая объективность в оценке каудильо пострадала не от геополитического места Испании в истории XX века, а от политической конъюнктуры. Этот персонаж равно раздражал и не устраивал все основные политические движения, определявшие расклад сил в мировой политике середины XX века. С равной недоброжелательностью о нем отзывались в нацистской Германии и в странах «классической» демократии англосаксонского образца, таких, как Великобритания и США. В нашем Отечестве в период господства коммунистических идей относительно Франко употреблялись лишь бранные эпитеты.

Масла в огонь недоброжелательности добавляли разгромленные в ходе Гражданской войны 1936–1939 гг. либералы и представители «левых», осевшие в странах западной демократии и в Советском Союзе. Именно они в значительной

степени предопределили отношение к испанскому диктатору как на уровне массового сознания, так и на уровне научно-исследовательском. Даже во франкистской Испании за официальным фасадом газетных передовиц, восхвалявших вождя и спасителя нации, слышался глухой рокот недовольства со стороны формальных союзников диктатора. Ультраправые критиковали Франко за консерватизм, а консерваторы — за частичное использование идей правых радикалов. В общем, ему доставалось от всех: от Гитлера и Геббельса, от Геринга и Рузвельта, от Пассионарии и Сталина, от Асаньи и Хиль Роблеса, словом, — от всех, кому довелось с ним сталкиваться.

Из политической неудобоваримости прямо проистекало отношение к франкизму представителей исторической науки разных школ и направлений, которые так или иначе (уж очень исторически близок, а потому болезненно уязвим предмет исследования) не обходились без оценочных моментов, связанных либо с официальной общественной идеологией, либо с мировоззрением, привитым образом жизни.

Отечественная историография до недавних пор вообще не баловала вниманием личность создателя франкистского государства, он воспринимался скорее как некая функция (носитель реакционных идей), чем как историческая личность. Основное внимание уделялось либо событиям Гражданской войны, либо процессам, характеризовавшим франкизм в период его становления. Политические деятели этого периода оценивались с помощью каленых эпитетов. Такой подход определялся прежде всего требованиями официальной идеологии, а также тем кругом источников, которыми располагали историки. Заинтересованному соотечественнику доступны были воспоминания советских добровольцев, участников испанских событий 30-х гг., мемуары эмигрантов-республиканцев или журналистские очерки, написанные сторонниками Второй республики.

Наиболее интересными были работы, в которых политизированность была сокращена за счет увеличения собственно фактического материала и его анализа. Однако таких работ было немного и совсем отойти в них от идеологизированности исследователи просто не могли. Лишь в последние годы появились работы, в которых российские историки дали взвешенную оценку франкизму и подошли к проблеме необходимости подробнее рассмотреть личность создателя этой государственности. К сожалению, объем этих работ не позволяет ответить на весь круг возникающих вопросов относительно особенностей франкистского режима и самого

Франко.

Между тем общество, очевидно, заинтересовано в получении ответов на широкий круг вопросов, связанных с испанской историей XX века. Открывая для себя мир и получив возможность сопоставлять национальную действительность с обстановкой в других странах, россияне в поисках путей развития своего Отечества поставлены перед необходимостью вникать в чужой исторический опыт. Бросающееся в глаза сходство ментальности русского и испанского народов увеличивает интерес именно в испанской модели развития. Растет спрос и на исследования зарубежных исследователей как источник информации.

О возросшем интересе к теме свидетельствуют, в частности, появившиеся на русском языке переводы биографических работ, посвященных Франко. Буквально в самом конце XX в. на русском языке были опубликованы две работы: переведенная с английского большая монография Пола Престона и переведенная с немецкого биография Франко, написанная Хельмутом Дамсом. Обе книги хорошо отражают состояние зарубежной историографии темы. Том Престон представляет своей работой образец научно добросовестного исследования, в котором, однако, совершенно определенно прослеживается позиция «против» Франко. Проделав самую серьезную и скрупулезную работу по изучению своего героя, автор подчас использует не лучшие аргументы, чтобы оправдать свое негативное отношение к нему. Иное дело жизнеописание Франко, исполненное Дамсом. Значительно более скромное по объему поднятого материала, оно, несомненно, сделано с позиций симпатий к Франко. Причем выглядит это весьма обосновано, хотя автор избегает прямых оценок.

В отечественной историографии наиболее взвешенной и основательной является статья С. П. Пожарской «Генералиссимус Франко и его время», которая явно требует быть расширенной до объема монографического исследования.

Автор этих строк, учитывая скудность материалов, имеющихся на русском языке, в основном пользовался литературой и источниками, которыми располагает обширная испанская историография проблемы, благо такая возможность однажды представилась в период полугодичной стажировки в университете города Гранады. При подготовке работы существенно помогли исследования общего характера, посвященные проблемам истории Испании XX века.

Что касается испанских источников, то, формально говоря, их много: тут и подборки официальных документов, и сборники публичных выступлений Франко, и воспоминания о нем людей

близко его знавших. Однако необходимо признать, что все эти источники отражают если не парадную, то отредактированную картину, дающую тот образ каудильо, который им усердно создавался на публику. Архив Франко сгорел (случайность?), и историки лишились возможности разобраться в том, что скрывалось за действиями этого человека.

Советские карикатуры конца 30-х гг. изображали Франко пузатым коротышкой с руками по локоть испачканными кровью невинных жертв. Английский премьер-министр У. Черчилль назвал его узколобым диктатором с ограниченными взглядами. Франкистская пресса именовала его спасителем нации, ниспосланным Господом, и сравнивала то с Сидом Кампеадором, то с Александром Македонским, а иной раз и с Гавриилом Архангелом. Художник Сальвадор Дали однажды высказал свое убеждение, что генералиссимус Франко святой. Нацистский фюрер А. Гитлер соглашался скорее вырвать несколько зубов, чем общаться с испанским каудильо. На основе такого далеко не полного перечня оценок приходится делать собственные заключений относительно данного исторического персонажа.

ГЛАВА I
ИСПАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В НОВОЕ ВРЕМЯ

Для того чтобы лучше понять характер и судьбу Франсиско Франко Баамонде, необходимо хотя бы в самых общих чертах познакомиться со средой обитания, сформировавшей его личность. Такая необходимость обусловлена двумя причинами. Во-первых, тем, что Франко как человек и исторический персонаж был типичным порождением своей культурно-исторической среды; а во-вторых, тем, что основные перипетии испанской истории слабо знакомы отечественному читателю.

Пиренейский (Иберийский) полуостров многочисленными горными цепями отделен от Европейского континента и поделен на отдельные, изолированные регионы, весьма различающиеся между собой по климатическим условиям, способам хозяйствования, обычаям и языку обитателей. Из особенностей физической географии стоит непременно отметить наличие определенных запасов редкоземельных полезных ископаемых и благодатный климат большей части территории страны, способствующий процветанию разноотраслевого сельского хозяйства.

Что касается политического развития страны, то ее своеобразие определило весь ход развития испанской истории. Ранее для Европы начала нового времени объединение большей части территории полуострова (исключая Португалию) под скипетром супружеской четы «королей-католиков» Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского не привело к созданию единого государства. Отдельные территории (Кастильское, Арагонское королевства, графство Валенсия и др.) управлялись и жили по собственным законам и обычаям *{fueros)*. Перипетии династических браков и наследований превратили испанских монархов из династии Габсбургов в самых влиятельных государей Европы, чему в немалой степени способствовали колоссальные богатства, поступавшие е Испанию (точнее — в Кастильское королевство) из колониальных владений Нового Света. Все эти обстоятельства преератили Испанию в заложницу своего имперского положения и привели к экономическому упадку и политическому застою в стране.

Воцарение на испанском престоле в начале XVIII века новой династии Бурбонов, совершившееся в ходе войны за испанское

наследство (бывшей одновременно и гражданской войной), позволило достичь реального объединения страны. Теперь встала задача ликвидировать то отставание, которое возникло в течение предшествующего столетия. Попытки приведения в соответствие политического строя и хозяйственного уклада испанского общества и государства с потребностями новой исторической эпохи происходили в период правления Карлоса III, типичного европейского правителя, которого называли представителем «просвещенного абсолютизма». Однако всемирно-исторический процесс в лице Великой французской революции очень существенно повлиял на политическое состояние и пути развития испанского государства и общества.

XIX век был для Испании веком трагических потрясений. Он начался наполеоновским нашествием, которое практически лишило страну суверенитета и продемонстрировало всему миру беспомощность мадридского правительства. Вместе с тем происходившая в 1808–1814 гг. национально-освободительная партизанская война *{гверилья)* охватила всю страну. Она сравнима по размаху с аналогичными событиями нашей истории, но по ожесточенности превосходит их. Гверилья наглядно показала стремление испанского народа к единению и независимости.

В 1812 г. кортесы, созванные в обстановке партизанской войны, провозгласили в Кадисе конституцию, ставшую образцом для подражания многих аналогичных документов, появившихся в последующие десятилетия по всей Европе. Конституция основывалась на идее народного суверенитета и провозглашала в стране конституционную монархию. Вернувшийся в Мадрид из французского заключения Фердинанд VII Бурбон энергично взялся за реанимацию абсолютистских порядков, чем спровоцировал попытку восстановить Кадисскую конституцию революционным путем в 1821–1823 гг., которая была предотвращена с помощью войск Священного союза. В результате до начала 30-х гг. XIX века Испания представляла собой один из наиболее сохранившихся в Европе островков абсолютистских порядков.

Кроме того, упокоившийся в 1833 г. король оставил стране дурное наследство, привнеся в ее жизнь династическую путаницу. [1] Невнятное и спорное завещание относительно прав на престолонаследие подготовило почву для длившихся десятилетиями гражданских войн, вошедших в историю под названием карлистских, в честь обиженного претендента, брата покойного Фердинанда — дона Карлоса. Противостояние незадачливого оппонента и его счастливой соперницы —

регентши Марии Кристины, последней супруги Фердинанда VII, спровоцировало перманентное разорение страны посредством «патриархального братоубийства», периодических революций (страна пережила за столетие пять революций) и пронунсиаменто.[2]

Колорит времени передает тот факт, что регентша с дочерью трижды выдворялись из страны и дважды были вновь призываемы к исполнению своих обязанностей. Лишь то обстоятельство, что дон Карлос был материально и идейно еще беднее золовки, помешало хранителю салического права Карлосу Бурбону вернуться в Мадрид. С концом регенства, ради скорейшего прекращения которого Изабелла была признана совершеннолетней в 13 лет, наряжение не наступило.

Поспешный и неудачный брак юной королевы не способствовал тому, чтобы королева стала хорошей правительницей. Беспокойное в политическом отношении время правления Изабеллы II стало временем достаточно быстрых перемен в испанской экономике. Страна торопливо пыталась догнать своих запиренейских соседей с помощью строительства железных дорог, разработки шахт и создания разного рода коммерческих предприятий. Однако отставание было слишком основательным, чтобы в течение двадцати лет преодолеть вековой разрыв.

Политическое положение отличалось нестабильностью. Королева опиралась то на умеренных (модерадос), то на радикально настроенных политиков (эксальтадос), то обращалась за советами к главе европейской политической реакции — римскому папе Пию IX, то прибегала к «сильной шпаге» старого вояки генерала Эспартеро. Политическая жизнь протекала как бы на двух уровнях: официальная с ожесточенными дебатами в кортесах, и реальная, осуществляемая путем государственных переворотов — пронунсиаменто. Причем декоративная роль депутатов кортесов вполне легально курировалась на местах магнатами, получившими в народе наименование касики. Сначала королева пользовалась популярностью, но моральный облик ее настолько не отвечал требованиям приличий нового времени, что третья в бесконечной череде испанских революций выставила скандальную даму из страны.

Силы, организовавшие ее отъезд, обеспечили стране выборы нового короля. Однако провозглашенный хунтой властителем герцог Амадео Савойский не совладал с ситуацией в стране и в 1873 г. отрекся от престола. В ходе очередной, пятой по счету революции, подвигшей законно избранного монарха к отставке, родилась первая испанская республика. Новая форма

государственности просуществовала в Мадриде около 11 месяцев, поскольку немедленной реакцией провинций стало отторжение провинций от новой непонятной власти. Очередной карлистский претендент на бесхозную столицу, поднабрав добровольцев, решил снова попытать счастья. В таких условиях скороспелая республика затрещала по швам. Ее история завершилась новым переворотом. Состав новой хунты в поисках консолидирующего антикарлистского противоядия обратил взоры на подросшего сына ранее выдворенной Изабеллы II. Альфонсо XII, новый суверен, ставший таковым по воле своего энергичного военного окружения, утвердился в Мадриде в качестве конституционного монарха. К 1876 г. его генералам удалось нанести ряд серьезных поражений, и дон Карлос отправился восвояси, не расставшись, однако, с надеждой — со временем исправить некогда учиненную над его родом несправедливость. Вторая карлистская война окончательно угасла к 1876 году.

Со счастливым воцарением Альфонсо XII связаны политика относительной стабилизации и окончательное закрепление доктрины, так называемой либеральной монархии в Испании. Фактически попытки примирить корону с носителями популярных в Европе идей либеральных свобод осуществляла еще Марин Кристина, опиравшаяся в борьбе с многочисленными противниками на умеренное крыло либералов (модерадос). Но лишь в третьей четверти XIX века идеи конституционализма и ценности либерального мировоззрения окончательно сформировались и заняли господствующее место в общественных умонастроениях.

Впрочем, либеральная монархия, как многое в Испании, имела самобытные национальные особенности. Пожалуй, самая интересная из них заключалась а следующем. Практически все политические перемены в стране на протяжении XIX века происходили по воле военных, революции и пронунсиаменто осуществлялись разными армиями. Военная элита поставляла государственных деятелей, чаще монархов, являвшихся вершителями судеб Испании. Причем военная элита вопреки распространенному мнению была представлена не только рьяными консерваторами, но и зачастую либерально настроенными сторонниками скорейшего общественного прогресса.

Так или иначе, именно вооруженные силы страны приобрели эксклюзивное (как теперь принято выражаться) право решающего слова относительно направления эволюции государства. Представления военных о себе как единственно легитимном арбитре общественных разногласий, исторически обязанных

корректировать процессы и, следовательно, объективно обреченных на участие в политической жизни страны, сохранились до конца третьей четверти XX века.

Последнюю попытку испанских милитаристов по своему усмотрению решить судьбу Испании человечество наблюдало на телеэкранах, когда молодчики полковника Техеро Молино пытались пальбой в потолок кортесов изменить ход испанской истории.

Альфонсо XII, войдя на престол, отнюдь не был исключением из общего правила. Образно выражаясь, он принял корону из рук военных, не согласуясь с кортесами либо другими институтами представительной власти. Он правил, стараясь одновременно прослыть либералом — в духе времени, и добрым католиком — в рамках национальных традиций. Альфонсо XII умер е возрасте 28 лет, сохранив за собой право претендовать на звание первого настоящего короля-либерала, предоставив наследнику, появившемуся на свет в 1886 г., спустя полгода после смерти отца, возможность посвятить свое правление решению проблем отцовского детища — либеральной монархии.

Главная сложность заключалась в том, что Испания из века в век, примерно с конца XVII столетия отставала от соседних европейских стран. Испанский случай может служить хрестоматийным примером того, что награбленное добро редко идет на пользу. Золото, выкачанное из империи, «над которой не заходило солнце», бесспорно, оказалось камнем на шее испанской экономики.

Произошло вот что: элита страны, которой в основном досталось право эксплуатировать богатства нового света, являлась носительницей особых традиций. Владетельные сеньоры, чьи богатство и слава родились в ходе освободительной реконкисты, в большинстве старались походить на истинных крестоносцев, в самом романтическом значении этого термина. Основой жизненных принципов благородных идальго были преклонение перед военной доблестью, внедрившееся в общественное сознание военную этику. А качество это, среди прочего, подразумевает пренебрежительное отношение к материальным ценностям, необходимых усталому рыцарю лишь в краткие минуты отдыха и едва ли достойных накопления, ввиду возможных превратностей судьбы воина, каждодневно рискующего жизнью.

Кастилия заняла господствующее положение в Испанском королевстве. Нормы поведения, взгляды кастильского дворянства стали визитной карточкой испанской официальной культуры, испанского менталитета. «Речь идет о культуре в наипростейшем

ее понимании — как о разумной, стройной и продуктивной системе жизненного поведения… Кастильская культура была воинской. Воин живет в поле, но не живет полем ни материально, ни духовно…»

Второй составляющей ментальности испанской элиты было преклонение перед нормами католицизма, который, как любая ортодоксальная христианская вера, культивировал брезгливое отношение к «злотому тельцу», прямо указывая на равную трудность прохождения верблюда сквозь игольное ушко и «богатея» к престолу Всевышнего. Таким образом, в отличие от модернизированного протестантского христианства, католицизм, равно как и православие, прямо и косвенно не рекомендовали стремиться к приумножению богатства посредством предпринимательства.

В результате испанский нобилитет, как польская шляхта либо русское дворянство, не слишком тянулся к предпринимательской, а тем более греховной, ростовщической деятельности, предпочитая отправляться за богатствами в завоевательные походы, попутно водружая знак креста на новых землях. Безусловно, бывали исключения, но они скорее подчеркивают общие тенденции. Благородные жизненные принципы, как то часто случается, принесли плохие плоды. Так, в Испании не сложилось подконтрольной светской части элиты — национальной кредитной системы и, что более важно, собственной дееспособной индустрии.

Ремесло, торговля, кредитное дело, а отчасти и сельское хозяйство (особенно огородничество и садоводство) стали уделом презираемых и преследуемых иноверцев, которых последовательно уничтожали, а уцелевших изгоняли. Поощрялось правительством лишь овцеводство, и такая экономическая политика пагубно отразилась на полеводстве: зерновые исправно вытаптывались благородными мериносами, принадлежащими не менее благородным аристократам-грандам, владевшим многотысячными овечьими отарами. А поскольку потребность в товарах, несмотря ни на что, у элиты и нации в целом сохранилась, то единственным способом их получения оказалось потребление масштабного импорта из-за рубежа, и в первую очередь потребителями оказались представители элиты, закупавшие предметы своего специфического обихода. Значит, золото нового света, обеспечив нобилитет роскошным уровнем жизни, не стало основой пополнения национальных богатств в целом и не повлияло на уровень жизни всей нации.

Когда потенциал экстенсивного обогащения начал истекать, метрополия, в значительной степени профинансировавшая

индустриальное развитие ведущих государств Европы, сама сказалась лишенной конкурентоспособной промышленности. Иначе говоря, нация, прокутившая груды американского золота, осталась у разбитого корыта.

Далее началось худшее. Казалось бы, под властью кастильской короны находились столь значительные колониальные владения, что их эффективная эксплуатация позволит быстро выправить положение за счет дешевого сырья и мощных рынков сбыта. Но не тут-то было. Смертельный удар по испанской империи нанес Наполеон. Страна, на несколько лет утратившая суверенитет, охваченная гверильей, не имела никакой возможности реагировать на развернувшееся в колониях национально-освободительное движение. Полвека спустя после несостоявшихся реформ графа Аранды, министра короля-реформатора, заокеанские земли попросту ускользнули из-под державной десницы кастильских монархов. Испания потеряла почти все свои заморские владения, но в обстановке анутри-испанских неурядиц это событие не получило значительного резонанса в обществе.

Таким образом, в противоположность Великобритании и Франции, XIX век стал для Испании временем крушения колониальной империи. К началу второй четверти столетия от некогда огромных владений остались незначительные осколки, которые из-за экономической слабости метрополии, не позволившей стимулировать их внутреннее развитие, оказались не подспорьем, а обузой для метрополии, отягченной обязанностью нести бремя административного и военного контроля над подвластными территориями.

Помимо вышеназванных проблем, уходящих корнями в раннее Новое время, XIX век принес с собой новые. Начавшийся в 30-е годы XIX века промышленный переворот имел в Испании несколько демонстративный характер, напоминая о себе периодическими торжественными открытиями линий железных дорог на которых охотно присутствовала королева Изабелла, большая любительница смешаться с танцующей толпой в праздничном веселье.

Промышленный переворот, пусть крайне медленно проникавший на Иберийский полуостров, привел к усложнению социальной структуры общества. Причем прогресс в общественном сознании значительно опережал наметившиеся перемены в хозяйствовании. Аграрно ориентированная, феодально организованная экономика едва ли соответствовала тем политическим новациям, которые предлагала стране политическая элита. Порожденный промышленным переворотом

класс предпринимателей, собственно, и сформировал облик институтов «либеральной монархии». Форсированное развитие политического сознания в духе новейших учений происходило в условиях отсталой и малоподвижной экономики. Результатом стало дальнейшее углубление социально-политической нестабильности. Начавшееся промышленное развитие привело к зарождению пролетариата. И на повестку дня встает рабочий вопрос.

Кажется, что проблемы испанцев в этой связи сходны с проблемами других европейских стран. Однако они неизмеримо глубже и сложнее в силу ряда обстоятельств.

Первым и важнейшим является политико-географический фактор в судьбе формирующегося испанского пролетариата. Очаги промышленного переворота сосредоточились преимущественно в регионах, отличавшихся сепаратистскими настроениями, в первую очередь в Каталонии и Стране Басков. Тому была серьезная причина. Языковые и культурные отличия этих регионов от большинства подданных кастильской короны приводило и приводит по сей день к популярности у национальных меньшинств идей о полезности возможно большей автономии.

Периодические проявления подобных настроений заставляли Мадрид время от времени наказывать строптивцев. В период великих географических открытий одной из форм наказания было введение запрета для каталонцев участвовать в конкисте и принимать в Барселонском порту галеоны с драгметаллами из Нового Света. В результате Барселона и провинция в отличие от привилегированной Кастилии «не захлебнулись» в потоке американского золота. Забота о хлебе насущном заставила каталонцев искать трудных путей. Запреты монархов тем самым стимулировали ускоренное развитие промышленности и «не золотую» торговлю. Сепаратистских настроений карательные меры, понятно, не убавили. А значение беспокойного ареала нацменьшинства увеличилось многократно, поскольку с распадом колониальной империи и «пересыханием» потока золота Каталония стала единственным относительно развитым индустриальным регионом, источником доступных для других регионов страны промышленных товаров.

Осознание каталонцами своей исключительности подхлестнуло сепаратные амбиции, благодаря чему значительная часть национальной буржуазии и, что важнее, пролетариата вынашивала автономистские замыслы, еще больше запутывая узлы социальных и политических противоречий. Похожим образом складывалась ситуация в Стране Басков, еще одном

районе концентрации испанской индустрии.

Несколько иначе вырастал Астурийский экономический автономиям, принявший, впрочем, более мягкие формы. В Астурии проявился, если так можно выразиться, экономический феномен Рура. На севере Испании, как и на германском западе, о процветании края позаботилась природа, разместив рядом недурные пласты каменного угля и залежи железной руды приличной концентрации, что стимулировало быстрое развитие дешевой, а потому конкурентоспособной металлургии. Лишенным необходимости уплаты «рубля за перевоз» сырья астурийцам удалось быстро выстроить сравнительно развитую, рентабельную промышленную инфраструктуру, что в некоторой мере привело к формированию идей о целесообразности раздельного сосуществования с прочей Испанией. Впрочем, среди регионов, стремящихся к независимости, Астурия доставляла центру сравнительно меньше проблем. Зато горняцкий край стал местом ускоренного формирования социальных кризисов.

Амбиции промышленно развитых районов едва ли были объективно оправданы. Конкурировать на континентальном рынке разгороженном таможенными барьерами, каталонцы, басконцы, астурийцы вряд ли смогли бы. Независимость от Мадрида и, как следствие, – утрата протекционистских льгот внутри Испании, пожалуй, разрушили бы мнение сепаратистов о своих предпринимательских возможностях, но такие схемы не осознавались на рубеже XIX и XX веков. И потому основная часть индустрии Испании находилась в руках людей, стремящихся к экономическому и национальному самоопределению. Стоит повторить, что сходные идеи исповедовали не только буржуа, но и часть рабочего класса, этнически принадлежавшая к национальным меньшинствам.

Впрочем, сформировавшийся на рубеже X1X-XX вв. новый мощный класс, претендующий на гегемонию, в большей степени ставил перед собой задачи социального преобразования общества в целом, а не его этнических участков.

Социальное положение испанских рабочих было одним из худших в Европе. Заработная плата у занятых в промышленности, в большинстве случаев, была крайне низкой, не гарантировала сколько-нибудь приемлемых условий жизни. Особенности экономики, надолго задержавшейся а стадии развития, а основном обуславливали потребность в рабочей силе достаточно низкой квалификации. Это неизбежно влекло отказ предпринимателя от социальных затрат и забот об улучшении условий труда.

Однако проблемы тех, кто был занят в промышленности, при

всей остроте не шли в сравнение с положением аграрного пролетариата. Сохранение огромных помещичьих латифундий и одновременно наличие на селе массы безземельных крестьян стали основой формирования многочисленного сельскохозяйственного пролетариата – батраков, наименее обеспеченной, необразованной, предельно агрессивной среды, концентрировавшейся в провинциях со слаборазвитой промышленностью: Андалусии, Эстремадуре и других.

В целом завершившееся к последней четверти XIX века формирование классов, стремящихся к социальному равенству, повлекло изменения и в традиционном политическом раскладе сил в обществе.

Традиционная политическая элита при «либеральном престоле», состоявшая из двух направлений — либералов (прогресистас) и несколько более консервативных (модерадос), формируемая из интеллигенции, на рубеже веков начала стремительно пополняться.

У блестяще образованных либералов, окружавших либеральный престол Альфонсо XII и Альфонсо XIII, была масса добродетелей и достоинств, свойственных носителям древней культуры, помноженной на новейшие достижения современных научно-философских знаний. Их теории относительно дальнейшей судьбы страны отличались стройностью, логичностью и изяществом формы, их оценки наблюдаемой убогой действительности были точны и философски безукоризненны, их осознание срочной необходимости серьезных перемен было совершенно справедливым. Все воспринятое и осмысленное ими излагалось во время дебатов в кортесах в лучших традициях риторики и казуистики и имело один, но существенный недостток — никак не реализовывалось.

Типичная для нации склонность к созерцательности, помноженная на патриархальную леность, достигла у лучших ее представителей гипертрофированных масштабов. В результате ни великолепная культура, ни философские изыски «поэтов, „поднаторевших“ в политических интригах», не могли сдвинуть с мертвой точки социально-политическую ситуацию в стране и дать землю батракам и приемлемое трудовое законодательство рабочим, искоренить нищету и построить школы, дать народу грамоту, а с ней возможность ознакомиться с действительно блестящими мыслями либералов. Следовательно, политическая палитра объективно должна была и пополнилась партиями и движениями иной окраски. Причем в Испании в очередной раз был подтвержден тезис, что чем плачевнее положение народа, тем более радикальные преобразовательные идеи найдут в нем

благодатную почву.

Первым крупным политическим объединением, исповедующим марксизм, стала Испанская Социалистическая Рабочая партия (ИСРП), формировавшаяся как авангард промышленного пролетариата и ставшая политическим рупором профсоюзного движения, или, выражаясь на испанский манер, синдикатов. В конце 80-х гг. XIX века возникло первое, по-настоящему мощное объединение — Всеобщий Союз Трудящихся (ВСТ).

Но значительно более, чем у марксистов, успехи в борьбе за массы сделали представители другого, левого течения — бакунизма. Романскому темпераменту более импонировали не научные рассуждения Поля Лафарга, а прямые действия анархистов. Анархо-синдикалистам удалось получить мощную поддержку равно промышленных рабочих и аграрного пролетариата, что сделало именно это радикально-революционное течение наиболее популярным. По сути, именно анархисты с их экстремистскими лозунгами и, в значительной степени, деструктивным мировоззрением, направленным более на разрушение существующего, чем на созидание нового, действительно возглавляли рабочее движение, успешно тесня ортодоксальных марксистов в руководстве синдикалистским движением. В начале XX века боевые группы и политические кружки анархистов окончательно сформировали под себя по-настоящему массовую базу, чрезвычайно сильный и агрессивный профсоюз — Национальную Конфедерацию Труда (НКТ), ставший источником наибольших проблем для власти, пытающейся сдержать напор революционеров-экстремистов, стремящихся подменить эволюцию социальных отношений революцией.

Действительно тяжелое положение трудящихся в Испании, настоятельно требовавшее скорых решений, и несостоятельность либералов во власти создали взрывоопасную смесь идей и настроений, чрезвычайно подогревающую духовную атмосферу экономически слабого, политически разбалансированного общества.

На таком историческом фоне весьма рискованными выглядели попытки либеральной элиты затмить традиционную государственную идеологию кастильского национализма, которой руководствовалась военно-аристократическая каста, теорией правового государства с двухпалатными кортесами, обладавшими широкими возможностями при заметном ограничении прав монарха.

В сложившихся условиях либеральная монархия не имела прочной опоры в обществе, поскольку не успевала за

потребностями базиса, но несколько обгоняла прогресс надстройки, а потому объективно не могла решить задач, вынесенных Испанией из глубины веков, однако продолжала существовать, поддерживаемая волей монарха и интригами политической элиты, наблюдая закономерный переход страны от одного кризиса к другому.

Альфонсо XIII, шестнадцатилетним юношей занявший в мае 1902 г. испанский престол, отнюдь, не был худшим из монархов. Он рассчитывал, постепенно реорганизуя страну, «подтянуть» ее уровень до среднеевропейского, используя для реформ потенциал либералов, а для гарантирования постепенности, опираясь на военно-аристократическую элиту и армию, в традициях которой был воспитан «король-солдат». Но полученное наследство оказалось слишком тяжелым бременем для «человека, оставшегося на всю жизнь способным дилетантом, схватывающим все на лету, но ничего полностью не изучившего». Он не смог ни устранить причин внутреннего кризиса, в котором находилась страна, выправив социально-экономическую ситуацию, ни «умиротворить» ее, искоренив экстремизм жесткими мерами.

Это утверждение прекрасно иллюстрируется судьбой самого монарха. Число поклонников «красной экстремы» непрерывно приумножалось, совершались покушения на монаршую особу, несколько раз чудом избежавшую гибели от адских машин и пуль анархистов, и на трех глав правительств его величества, которым повезло меньше. Череда политических событий проходила на фоне еще одного медленного, но неуклонного изменения в социальной структуре общества, в котором все больший удельный вес приобретал «средний класс», более всего заинтересованный в том, чтобы общество развивалось без кризисов и потрясений. Его стремление сохранить порядок любой ценой и на любых условиях, как представляется, отвечало национальным интересам испанцев, даже тех, кто не отдавал себе отчета в возможных последствиях, раскачивал рассохшийся от трудного долгого плавания и отсутствия необходимого ремонта каравеллу Испании.

Пожалуй, все мировые процессы первой половины XX века были не чем иным, как попытками обывателей отыскать оптимальную форму общественного устройства. Либо ход этих процессов направляли массы малоимущих, стремившихся занять достойное положение в рядах «среднего класса».

Не случайно именно испанский средний класс породил и выпестовал человека, сумевшего предложить своей стране путь, который позволил Испании занять то положение, в котором она оказалась в конце XX века.

ГЛАВА II
ВОЕННАЯ КАРЬЕРА ФРАНСИСКО ФРАНКО

Франсиско Франко Баамонде появился на свет ночью 4 декабря 1892 года в доме № 108 по улице Марии Совершенной в галисийском портовом городе Эль Ферроль. Он был вторым сыном в семье офицера флотского интендантства Николаса Франко. При крещении в гарнизонной церкви Сан Франсиско мальчика нарекли Франсиско Паулино Эрменгильдо Теодуло, что по испанской традиции обеспечивало ребенку высокое покровительство одноименных святых: чем больше имен — тем больше покровителей. Кроме того, как всякий испанец, маленький Пако (сокращенное от Франсиско) носил двойную фамилию Франко Баамонде, первую часть которой он унаследовал от отца, а вторую — от матери.

Глава семьи Николас Франко Сальгадо Арухо, родившийся 22 ноября 1855 года, был выходцем из семьи андалусийских дворян. Он выбрал обычную в его роду профессию — стал военным моряком. Молодость его прошла в заокеанских владениях Испании. Он служил на Кубе и Филиппинских островах. Затем удачно складывавшаяся карьера привела его в Эль Ферроль, который являлся важной военно-морской базой на Атлантическом побережье Иберийского полуострова. Здесь в мае 1890 г. Николас женился на донье Пилар Баамонде. Донья Пилар была уроженкой Галисии, где ее предки жили уже более двух веков. Она принадлежала к небогатому, но уважаемому дворянскому роду, многие представители которого были связаны морской службой.

Супруги Франко представляли собой далеко не идеальную пару. Отличный специалист морской интендантской службы, но по-солдатски грубоватый и вспыльчивый, Николас отнюдь не был примерным мужем и отцом. Он имел склонность к игре и выпивке, явно предпочитая эти бравые занятия заботам о доме и семье. Горячая кровь андалусийских предков и привычки молодости, проведенной в колониях, послужили причиной чрезмерного увлечения прекрасным полом, что тоже не укрепляло в нем тягу к домашнему уюту. Его взгляды на жизнь во многом отличались от тех, что было приняты в его кругу. Циник по натуре, дон Николас в обществе слыл если не вольнодумцем, то достаточно скандальной личностью.

Донья Пилар, напротив была образцовой по представлениям

«среднего класса» супругой и матерью. Будучи на десять лет моложе мужа, она являла собой совсем иной тип темперамента. Воспитанная в духе приверженности традиционным испанским ценностям, эта уравновешенная и добрая женщина все свои силы отдавала домашним заботам и воспитанию детей, которых было в семье четверо: Николас, родившийся в 1891 г., Франсиско, единственная девочка — Пилар и младший — Рамон. Младшие дети были соответственно на три и четыре года моложе Франсиско. Еще одна девочка умерла в пятилетнем возрасте. Дети росли под опекой матери, прививавшей им любовь к семье, религии и испанским традициям. Донья Пилар, ровно относившаяся ко всем детям, была опорой семьи и пользовалась любовью и уважением.

Иначе складывались отношения младших отпрысков семьи с отцом. Дон Николас выделял из детей старшего сына и дочь и недолюбливал Франсиско и Рамона. Франсиско и характером, и привычками представлял собой полную противоположность отцу. Спокойный и рассудительный, подчеркнуто аккуратный, средний сын слишком напоминал мать, отношения с которой у дона Николаса уже в первые годы супружества были весьма прохладными. Мальчик, не способный вызвать привязанности и одобрения отца, избегал общения с ним и больше тянулся к матери. Это еще больше раздражало дона Николаса. Нередким явлением были «домашние аресты» Франсис ко, если отец находил его в чем-то виноватым. В таких случаях лучшей защитницей «узника» была сестра, которая пользовалась большим расположением отца.

Роль отца в воспитании четко проявилась лишь в одном: все сыновья не видели себе иной карьеры, кроме военной. Наиболее привлекательной они считали карьеру морского офицера: к этому располагали рассказы отца, книги и атмосфера, царящая в захолустном Эль Ферроле. Жизнь города с населением в 20 тыс. человек вращалась вокруг порта и кораблей. Люди, связанные с флотом, являлись естественной элитой этого небольшого замкнутого мирка. Поэтому любовь к морю и кораблям будущий каудильо сохранил на всю жизнь, о чем впоследствии говорил и писал.

Достаток семьи Франко позволял дать детям хорошее образование. Однако департамент образования Эль Феррола мог предложить только начальную школу с очень скромным уровнем преподавания. Франсиско Франко позднее сообщал о ней следующее: «Уровень образования в Ферроле был в основном базисным… Не было школы второй ступени обучения, а для экзаменов необходимо было посылать работы в Ла Корунью».

С 1901 по 1907 г. Франсиско вслед за старшим братом Николасом окончил школу первой ступени — феррольский иезуитский колледж Св. Сердца Господня и затем колледж Кармен, дававший желающим начальные знания по морскому делу. Таким образом, он завершил подготовку к поступлению в военное учебное заведение.

Именно здесь в судьбу будущего вождя Испании вмешались обстоятельства, чрезвычайно важные не только для него, но и для страны в целом. Речь идет о разразившейся в 1898 г. войне между Испанией и Соединенными Штатами Америки. К концу XIX в. взгляды североамериканцев, закончивших освоение своего континента, обратились к заморским территориям, которые практически были уже поделены между старыми европейскими державами, а столкновение с ними не сулило США легкого успеха. В 90-е гг. позиции молодой сверхдержавы настолько окрепли, что первый эксперимент в соперничестве со старыми колониальными державами мог закончиться успешно.

Американцев особенно заинтересовали колонии старейшей и слабейшей из них — Испании, которой принадлежали Куба, чье стратегическое значение в Карибском бассейне было по достоинству оценено в Белом доме, и Филиппины, представляющие аналогичные возможности для контроля над юго-западной частью Тихого океана. Оба лакомых «куска» были должным образом «подогреты для потребления», поскольку испанская система колониального владения привела к возникновению мощных национальных движений, направленных на завоевание независимости от незадачливых колонизаторов. Накануне войны на Кубе началось крупномасштабное восстание против испанского владычества. Размах и решительность действий повстанцев вскоре поставили войска метрополии в крайне затруднительное положение.

В разгар событий на Кубе в Гаванскую бухту вошел американский броненосный крейсер «Мэн». 15 февраля 1898 г. этот корабль взорвался при весьма загадочных обстоятельствах, унеся на дно 266 моряков. Большинство исследователей полагают, что это был случай так называемого «казуса белли», проще говоря, военно-политической провокации.

Администрация США сполна реализовала предоставленную возможность, и после двух месяцев нагнетания антииспанской истерии 23 апреля вспыхнула трагическая для Испании война. 1 мая 1898 г. американская эскадра внезапно атаковала и уничтожила соединения испанских кораблей в Манильской бухте на Филиппинах. Одновременно боевые действия развивались и на Карибском театре военных действий. Американский десант в

составе 18 тыс. человек высадился в июне близ Сантьяго де Куба. К этому времени западная часть острова находилась уже в руках повстанцев, осаждавших Гавану. 3 июля командующий испанской эскадрой адмирал Сервера, получил приказ прорваться в Гавану с грузом продовольствия и боеприпасов. Полагая, что его планы известны неприятельскому командованию, адмирал отменил приказ на ночной выход в море. Утром испанская эскадра пошла на прорыв, и это попытка закончилась гибелью всех тяжелых кораблей Серверы.

Испанское командование отказалось от активных действий, разбросав войска по укрепленным районам, где они пассивно выжидали своей очереди на разгром. 1 июля пал Сантьяго де Куба, 25 июля американский десант захватил остров Пуэрто Рико. К началу августа бессмысленность сопротивления стала очевидной для испанского руководства. По условиям Парижского мира Испания отказалась от Кубы. Американцы, провозгласив независимость острова, де факто получили над ним протекторат. Филиппины перешли во владение САСШ за чисто символическую компенсацию в 20 млн долларов. Кроме того, Соединенные Штаты получили Пуэрто Рико и Гуам. К результатам войны можно отнести и факт передачи Каролинских и Марианских островов Германии, претензиям которой потерявшая остатки державного престижа Испания не могла более сопротивляться.

Катастрофические последствия испано-американской войны были заметны особенно в Эль Ферроле. В городок, где проживало всего 4 000 семей, связанных в основном с военным флотом, с войны не вернулось более 250 человек, погибших при защите последних заокеанских владений Испании.

Позорное поражение в 110-дневной борьбе против САСШ стало причиной сильнейших перемен в сознании испанского общества. Целое поколение испанцев, воспринявшее утрату империи как катастрофу и познавшее всю глубину национального унижения, оправившись от шока, пришло к пониманию необходимости серьезной модернизации страны. Так родилось понятие «поколение 98 года» (другие названия: «поколение катастрофы», «поколение восстания»). К нему относили себя самые различные люди, от крупных писателей и философов, таких, как Унамуно, Асорин, Ортега-и-Гассет, до оного испанского монарха Альфонсо XIII, вынужденного сразу же при вступлении на престол пожинать плоды злополучной войны. Все они считали: «такая Испания нам не нравится» и были убеждены в необходимости скорейших перемен. Но пути выхода из тупика им виделись разные.

Война скорректировала и биографию Франсиско Франко: ему

пришлось расстаться с мечтами о военно-морской карьере. Война нанесла смертельный удар по испанскому флоту, восстановить морские силы в достаточном объеме слабая экономика страны не могла. Появилась масса безработных морских офицеров. Сократившаяся потребность в кадрах привела к сокращению набора в военно-морскую академию. Для Франсиско условия конкурсного поступления оказались слишком жесткими.

Отец, здраво рассудив, что ожидать скорых перемен к лучшему не приходится, предложил сыну поступить в пехотную академию. Тем самым дон Николас решил судьбу Франсиско. Предложение отца не вызвало серьезных возражений молодого человека, твердо решившего стать военным. Летом 1907 г. он вместе с двоюродным братом Франсиско Франко Сальгадо Арухо отправился из Ла Коруньи в Толедо, где находилось избранное ими учебное заведение.

Успешно сдавший 28 августа 1907 г. вступительные экзамены, четырнадцатилетний Франсиско Франко Баамонде стал кадетом первого курса этого старейшего военного училища Испании. В том же году произошла еще одна серьезная перемена в жизни семьи Франко: дон Николас получил новое назначение в Мадрид, но отправился туда один, оставив семью в Эль Ферроле. Николас Франко прожил в Мадриде до самой своей смерти в 1942 г., так что нелегкий переход к взрослой жизни усугублялся для Франсиско переживаниями, связанными с тяжелыми домашними обстоятельствами.

Академия, где предстояло учиться Ф. Франко, располагалась в замке Алькасар, древней толедской резиденции испанских монархов. Эта величественная крепость стояла на холме, откуда открывался широкий вид на город, прекрасно отображенный на полотнах Эль Греко и мало изменившийся со времени их создания. Выстроенный императором Карлосом V (для испанцев он был королем Карлосом I) как символ «империи, в которой никогда не заходит солнце», Алькасар превосходно подходил для воспитания в кадетах почти мистического благоговения перед былым величием и славой Испанской державы, которое, трансформируясь в традиционалисткии национализм, становилось основной чертой мировоззрения офицерской касты.

Первое знакомство с суровым бытом Алькасара было для Франсиско достаточно тяжелым испытанием. Привычный к окружавшему его дома материнскому вниманию, он поначалу плохо переносил аскетические порядки, царившие в академии. Невысокому, изящному до хрупкости подростку досталось немало насмешек от товарищей — за рост, составлявший менее 160 см и за то, что среди 300 с лишним первокурсников академии он был

самым младшим. В довершение неприятностей командир роты кадетов отдал унизительное для Франко распоряжение выдать ему для строевых упражнений винтовку, укороченную на 15 см, что вызвало шквал насмешек однокурсников. Его стали называть Франкито, или Пакито. Ко всему добавилось заметное ухудшение здоровья, вызванное постоянным пребыванием в плохо отапливаемых помещениях старого замка. Частые бронхиты и гаймориты нередко укладывали молодого человека на госпитальную койку.

Впрочем, со временем проблем стало меньше. Спала острота тоски по дому и матери, пришло уважение товарищей и уверенность в собственных силах. В этот период у Франсиско появились друзья, многие из которых стали его соратниками на всю жизнь. Среди них: Камило Алонсо Вега, Хуан Ягуэ и Эмилио Эстебан Инфантес. Сблизился он со своим двоюродным братом Франсиско Франко Сальгадо Арухо, которого в академии по контрасту с маленьким Пакито называли за крепкое сложение Пакон. Всех их объединяла общность происхождения и интересов. Каждый происходил из почтенной, но небогатой семьи и серьезно относился к военному ремеслу, без которого не представлял себе дальнейшей судьбы.

Характеризуя систему обучения в академии во времена пребывания в ней нашего героя, надо сказать, что Алькасар не вполне соответствовал важной задаче насыщения испанской армии высококвалифицированными командными кадрами. Методика преподавания и изучаемый материал были в значительной степени архаичны. Приоритетными дисциплинами в академии считались специальные военные предметы и строевая подготовка. Меньшее внимание уделялось верховой езде, фехтованию и огневой подготовке, и уж совсем неважно велось преподавание общеобразовательных дисциплин, кроме военной истории и истории Испании. Однако даже специальную подготовку будущих командиров трудно было назвать полноценной и отвечавшей требованиям своего времени.

Основным учебным пособием для кадетов являлся «Регламент теоретических инструкций сухопутных войск», который основывался преимущественно на анализе уроков франко-прусской войны 1870–1871 гг. и далеко не соответствовал реалиям военного искусства начала XX века. Англо-бурская и русско-японская войны, явившие миру новое оружие и соответствующие ему тактические решения, совершенно не нашли отражения в учебных программах Алькасара. Даже собственный опыт борьбы в колониях не анализировался должным образом, а следовательно, не предлагался *к*

рассмотрению слушателей академии. В частности, недооценивалась возросшая роль артиллерии и инженерных войск. В условиях, когда пехота должна была действовать, используя пулеметы, колючую проволоку, полевые телефоны и рассыпной строй, курсантов учили приемам и методам, соответствовавшим условиям середины XIX века.

Но в области морально-политической подготовки кадетов дела в академии обстояли превосходно. Слушателям старательно прививали чувство глубокой ответственности за судьбу Испании, учили смотреть на армию как на главную защитницу испанских национальных традиций и государственности. Древний Толедо, облик которого напоминал о временах реконкисты и Сида Компеадора, вселял в будущих офицеров любовь к историческим традициям, монархии и знакам былой славы. Такое воспитание приносило свои плоды: с одной стороны, выпускники академии покидали ее настоящими солдатами и патриотами, с другой, — они проникались убежденностью в собственной исключительности. Эти будущие члены замкнутой военной касты стремились служить не столько народу своей страны, сколько абстрактной идее возрождения величия Испании.

Такому настроению в немалой степени способствовало особое внимание, уделяемое армии молодым монархом Альфонсо XIII, который сам был воспитан по модели «король-солдат» и видел в вооруженных силах надежную опору престола и инструмент для проведения в жизнь намеченных им преобразований. Король был полон благих намерений, но путь к возрождению Великой Испании и благоденствию народа усматривал в усилении роли военных в жизни страны, в приобретении новых колоний взамен утраченных. Словом, король мыслил категориями просвещенного монарха Карлоса III, стремившегося все делать «для народа, но без народа».

Однако в мире, поделенном между крупнейшими европейскими державами, из числа которых Испания давно выбыла, оставалось совсем немного мест, где можно было проявить свои амбиции. Такая возможность имелась лишь в северозападном районе Африканского континента, в Марокко. Эта страна еще не потеряла своей независимости и потому притягивала к себе внимание Германии, Франции, Англии и Испании. Удачно сыграв на противоречиях своих влиятельных партнеров, Испания получила право осуществлять контроль над территорией в 20 000 кв. км, что было воспринято правительственными кругами как некая моральная компенсация за позор 1898 года. Впрочем, очень быстро стало очевидно, что Марокко оказалось не столько приобретением, сколько тяжким

бременем для Испанского королевства.

Дело в том, что марокканские племена, номинально находившиеся под властью султана, собиравшего с местных князей непомерные налоги, постоянно восставали против него. С приходом испанцев положение не изменилось. Испания приобрела вместе с Марокко тлевший очаг конфликта, требовавший постоянного и все увеличивающегося военного присутствия. Для испанских военных это стало своего рода продолжением давней многовековой борьбы с «неверными». Большая часть испанского общества иначе восприняла факт приобретения Марокко. Широкие слои народа были возмущены непрерывными рекрутскими наборами, проводившимися для продолжения малоуспешной войны. Каждая новая неудача в Марокко приводила к росту антивоенных настроений.

Пик обострения общественной напряженности пришелся на тот период, когда Ф. Франко учился в Толедо. Летом 1909 г. племена Рифской области нанесли несколько последовательных поражений испанской экспедиционной армии, а проведенный после этого новый рекрутский набор вызвал массовые беспорядки в июле 1909 года. Все качалось с того, что сформированная из резервистов-каталонцев легкая пехотная бригада отказалась отправиться на театр военных действий. Вскоре волнения охватили многие районы страны, которым предстояло выделить новобранцев для формируемых воинских частей. Антивоенные манифестации прокатились е Каталонии, Валенсии и Арагоне, рабочие бастовали в знак протеста против неспособности правительства быстро и эффективно решить свои «африканские проблемы». Когда в столицу Каталонии Барселону вошли войска, город покрылся баррикадами, завязались бои между войсками и повстанцами. Порядок был восстановлен только после применения артиллерии. Эти события получили название «трагическая неделя».

Именно тогда кадет Ф. Франко столкнулся с тем, что интересы государства и армии не всегда находят сочувственный отклик в народных массах, которые расплачиваются кровью своих сыновей за национальные амбиции, именно тогда он увидел признаки глубокого кризиса, в котором находилась его страна. Трудно понять позицию будущего каудильо, не учитывая того, как мог воспринимать эти события воспитанник Алькасара, проникнутый культивируемыми там ценностями.

С одной стороны, для него должна была быть очевидной неспособность либерального правительства привести в повиновение колонии. Для этого требовалось лучше снарядить и оснастить действовавшие в Марокко войска, обеспечить им

толковое руководство. С другой, — поражала готовность пацифистов, возглавлявших антиправительственное движение, пожертвовать жизнью гораздо большего числа испанцев, чем того требовала крупная операция в Африке. Виновниками кровопролития Ф. Франко считал в равной мере и министров-либералов, и анархистов, направляемых каталонскими сепаратистами.

Невзирая на происходящие события, в Алькасаре жизнь текла своим чередом. Накал политических страстей за стенами академии скоро спал, и кадета-второкурсника стали волновать его собственные проблемы. Учеба давалась Ф. Франко легко, но особым усердием он не отличался. Его любимыми предметами были военная история и топография. Прочие дисциплины интересовали молодого человека меньше и успехи в них оценивались как посредственные. Гораздо больше его занимали иные, внеучебные проблемы, те рассказы, которыми делились товарищи по училищу, познакомившиеся с ночной жизнью Толедо. Однако после ухода отца материальное положение семьи Франко стало затруднительным, и Фраксиско почти не имел карманных денег, что весьма осложняло возможность приобщиться к «взрослой» жизни.

Как многие однокурсники, Франко мечтал по окончании академии получить назначение в Марокко. Но, когда 13 июля 1910 г. Франсиско Франко Баамонде в чине II лейтенанта вступил в ряды испанского офицерского корпуса, его ожидала незавидная участь. Согласно распределению он отправился в заштатный гарнизон родного города Эль Феррола. Его рапорты с просьбами о переводе в Марокко командование проигнорировало потому, что сложное положение в Африке заставляло придирчиво подбирать кадры для колониальных войск. Лейтенант Франко был в реестре выпускников на малопочетном 251 месте среди 318 кадетов, т. е. считался бесперспективным офицером. Да и возраст его не соответствовал цензовым требованиям.

8-й пехотный полк, расквартированный в Галисии, где с августа 1910 г. до февраля 1912 г. прозябал молодой честолюбивый военный, имел в его глазах единственное достоинство — возможность находиться рядом с матерью. Он специально поселился в родном доме, чтобы материально поддерживать семью. Его жалованье в 150 песет, хотя и весьма скромное, было некоторым подспорьем для матери и младшего брата.

К этому времени старший из братьев Франко Николас получил специальность флотского инженера. В дальнейшем карьера его складывалась спокойно и плавно — уже в 1921 г. он

носил звание капитана второго ранга, а в 1926 — в возрасте тридцати пяти лет получил под командование единственный на восточном побережье Испании плавучий док. Впрочем, карьерный рост мало волновал этого жизнерадостного, совершенно лишенного тщеславия человека. Более всего Николас ценил личный комфорт и возможность получить от жизни максимум удовольствий. Он не занял в испанской истории места, сопоставимого с тем, чего добились средний и младший из братьев, хотя в середине 30-х годов и оказался вовлеченным в «большую» политику.

Иное дело Рамон, которого донья Пилар мечтала увидеть священником. Наотрез отказавшись от такого удела, он, вслед за Франсиско, поступил в Алькасар. По окончании академии он в числе лучших выпускников получил возможность самому выбирать место службы. Рамон выбрзл только зарождавшуюся тогда авиацию. После окончания летной школы способный молодой пилот стал считаться лучшим летчиком Испании. В 1926 г. он первым совершил трансатлантический перелет в Буэнос-Айрес. В 20-х гг. Рамон был в армии фигурой более приметной, нежели Франсиско Франко. Отважный, любивший покрасоваться маленький Рамон (ростом он был меньше Франсиско) активно занимался политикой, которая развела братьев по разные стороны баррикад: один был убежденным консерватором, другой придерживался крайне левых политических убеждений. Особенно ярко имя Района Франко прозвучало в 1931 г. в числе офицеров, способствовавших провозглашению республики.

Что касается Франсиско, то его военная карьера развивалась иным путем. Будучи командиром подразделения в 8-м полку, он выполнял обычные офицерские обязанности: сначала участие в утреннем разводе, затем тактические занятия до обеда, потом совершенствование в искусстве верховой езды. Около четырех часов дня рабочий день заканчивался. Такая легкая, но совершенно бесперспективная жизнь не устраивала молодого офицера. Темпы служебного роста в войсках, находившихся в метрополии, были удручающе медленными. Назначение его в сентябре 1911 г. исполняющим обязанности зам. командира 2-го батальона мало его обрадовало, поскольку хлопотная адъютантская служба, не дававшая никаких преимуществ, была ему неприятна. Его тянуло в Африку, где карьера энергичного и смелого человека могла быть быстрой, где строгая субординация уступала место боевому товариществу. Наконец, за ту службу можно было заслужить признание нации. Кроме того, содержание офицеров в действующей армии было значительно больше, чем на

полуострове, а материальные условия его семьи оставляли желать лучшего.

В период службы в Эль Ферроле Ф. Франко бомбардировал командование ходатайствами о переводе его в Марокко. Этого добивались и попавшие в Эль Ферроль друзья по Алькасару Камило Алонса Вега и Франсиско Франко Сальгадо Арухо. Их усилия увенчались успехом — 6 февраля 1911 г. в момент очередного обострения обстановки в Марокко рапорты трех феррольских офицеров были одобрены. Друзьям было предложено прибыть в Мелилью, где дислоцировался резерв Африканской армии. Из Эль Феррола Франсиско и его спутники отправились в Малагу, откуда на борту торгового судна «Паулина» отплыли в Марокко.

Действительность, представшая перед глазами офицеров, сошедших с борта транспорта в порту Мелилья, выглядела удручающе. Вместо мощного форпоста испанской колониальной политики они увидели пыльный полуразрушенный городок, а вместо готовой к победам армии — толпу резервистов всех возрастов под предводительством усталых, издерганных офицеров. Хотя оперативная инициатива находилась в этот момент в руках испанцев, сказать, что их дела шли хорошо, было бы большим преувеличением: испанская армия топталась на месте не в силах добиться окончательного разгрома мятежных племен. Громоздкая, насквозь прогнившая бюрократическая машина, руководство которой больше заботилось об уровне жизни генералов, чем об обновлении артиллерийского парка, демонстрировала свою неспособность стабилизировать положение в колонии. Никаких активных операций по ликвидации очагов беспорядков армия не вела. Ценой больших усилий ей удавалось лишь удерживать укрепленные линии вокруг важнейших городов и осуществлять контроль за самыми необходимыми линиями коммуникаций.

Слабая техническая оснащенность армии приводила к тому, что стоило войскам покинуть укрепления, как их боевая мощь оказывалась почти такой же, как и возможности отрядов марокканцев. Более того, те получали заметное преимущество, поскольку кочевники, упорные в защите своей земли, лучше знали местность, увереннее маневрировали и, зачастую, обращались с оружием более ловко, чем новобранцы испанской армии. Потери испанцев были хотя и небольшими, но ежедневными, а в армии крепла ненависть к министрам-либералам, которые послали солдат за море, не поставив им конкретных целей и не обеспечив их всем необходимым.

По прибытии лейтенант Ф. Франко Баамонде был отправлен в

форт Тифасор, где формировались части внешней обороны Мелильи. Командовал базой в форту бывший начальник Альквсара полковник Хосе Вильяба Рикельми, помнивший своего воспитанника. От него девятнадцатилетний лейтенант перенял много полезных навыков, значительно отличавшихся от тех, что он получил в академии и феррольском гарнизоне. Вскоре вновь прибывшие офицеры, в том числе Ф. Франко, были расписаны по небольшим отрядам, созданным для восстановления разрушенных укреплений внешнего обвода крепости. Работая на ремонте разбитых фортов и взорванных блокгаузов, он увидел, какова эффективность той тактики, которая привела к поражению на Кубе, где многочисленные испанские войска пассивно выжидали, заняв укрепленные позиции, и были разбиты.

13 июля 1912 г. Ф. Франко был произведен из вторых лейтенантов в лейтенанты. За всю его военную карьеру это повышение было первым и единственным, соответствовавшим реальной выслуге лет. Вместе с новым званием он получил новое назначение — командовать укрепленным районом на передовой. Форт Уикан на реке Керт считался опасным местом, поэтому назначение девятнадцатилетнего лейтенанта комендантом этого укрепления можно рассматривать как проявление доверия командования. Еще до конца 1912 г. за трехмесячное непрерывное пребывание на передовой и образцовое выполнение своих обязанностей Ф. Франко получил первую боевую награду — Крест Мерито Мелитар Первой степени. Отличие было вполне заслуженным: за прошедшие месяцы молодой человек, который, по собственному его признанию, в первую ночь на позиции не мог спокойно заснуть и бродил по лагерю с пистолетом, не доверяя бдительности часовых, стал настоящим командиром, мужественным, расчетливым, пользующимся доверием подчиненных и начальников.[3]

С той же настойчивостью, которая была им проявлена в повышении профессионального мастерства, Ф. Франко начал добиваться внимания от предмета своей первой любви. Он начал ухаживать за племянницей верховного комиссара колонии сеньоритой Софией Субиран. Продолжавшиеся почти год ухаживания оказались безрезультатными, и он, не слишком опечаленный, отказался от своих притязаний.

Гораздо большее упорство он проявил в изыскании возможностей для карьерного роста. Большие перспективы сулил переход во вновь создаваемые части *Los Regutares*. Осознав необходимость иметь в Марроко пусть небольшие, но профессиональные воинские формирования по поддержанию порядка, мадридское руководство санкционировало создание

воинских частей, набираемых по найму, для замены обычных армейских подразделений в наиболее опасных местах. Эти войска оказались намного боеспособнее.

Ф. Франко добился места в рядах регуляторов и 15 апреля 1913 г. был переведен в лагерь Луасьен под Тетуаном, где шло формирование войск нового типа. Служба регуляторов решительно отличалась от спокойного армейского быта. Они оказывались на острие ударов по противнику. Постоянный риск и возможность отличиться весьма импонировали Франко. Между 14 августа и 27 сентября ему довелось участвовать в операции против одного из опорных пунктов повстанцев. Она принесла не очень существенную, но громкую победу испанской армии, а Франко — второй крест за военные заслуги и славу инициативного и смелого командира.

За храбрость в бою при Бен Салеме 1 февраля 1914 г. в окрестностях Тетуана он был досрочно произведен в капитаны. Столь быстрое повышение (Франко было тогда 21 год) состоялось благодаря заслуженной им репутации офицера, решительного, способного отлично организовать снабжение своих войск и интересующегося теорией своего дела. Такая официальная аттестация вполне соответствовала действительности: чтобы убить скуку или от подлинной любви к профессии Франко в этот период много работал над изучением теории военного искусства и сопутствующих ему наук.

До определенного момента судьба Ф. Франко мало отличалась от судеб его товарищей. Можно сказать, что в ходе боевых действий в Марокко формировалось целое поколение молодых честолюбивых офицеров, мечтавших проявить себя и способствовать возвышению Испании. Их называли «африканистами». Свою службу е североафриканской колонии они рассматривали как продолжение борьбы с «неверными» вне полуострова, задуманной еще во времена Изабеллы Католической.

Они были своего рода военной модификацией «поколения 98 года», получивших в Испании название «военных поколения 15 года».

Это было влиятельное направление, возникшее в испанской армии, и «африканисты» играли в нем ведущую роль. От «поколения 98 года» их отличало наличие четко очерченного идеала, представления о той Испании, которую они хотели бы видеть. Она должна была быть «единым и неделимым» унитарным государством, принципы организации которого надлежало приблизить к простой и ясной модели армейского устройства. Ведь армия, по их представлениям, являлась

воплощением патриотизма и надполитического национального единства, а либеральная монархия 1876 года связывалась с упадком государственности и национальным унижением.

Именно армия, средоточие всего лучшего в нации, может и должна возродить престиж страны и обеспечить «испанскую легитимность». Все противостоящие этому силы: либералы, анархисты и пацифисты — должны быть сметены во имя общего блага. К поколению «военных 1915 года» относились люди, родившиеся между 1880 и 1895 гг., такие, как Ф. Франко, Э. Мола, Х. Ягуэ, В. Рохо, и тысячи других военных, начавших свою карьеру накануне Первой мировой войны и стремившихся не упустить такого благоприятного шанса в условиях, когда державы проводили передел мира. Поведение Ф. Франко на протяжении всей его жизни вполне соответствовало идейной платформе «поколения военных 15 года» и было типично для его социального слоя.

Когда началась Первая мировая война, король Альфонс XIII, при единодушной поддержке всех слоев населения, провозгласил нейтралитет Испании. Это было разумное решение, заметно укрепившее позиции страны. Мадрид стал одним из немногих уголков Европы, где сосредоточилась дипломатическая деятельность воюющего континента. Мадрид стал политическим перекрестком Европы. Посольства всех участвовавших в войне стран пользовались посредничеством испанского монарха для решения неотложных международных проблем, хотя «по мере того как союзники почувствовали себя более уверенными в окончательной победе, они всячески давали понять…, что любые предложения о посредничестве… будут рассматриваться как враждебный акт».

Военная конъюнктура заметно оживила экономику страны, не потерявшей своих связей со странами-участницами противоборствующих блоков. Поставки испанской сельскохозяйственной продукции, ее сырье стали важным элементом для хозяйственной жизни многих стран. Активизация экономики привела к усилению влияния буржуазных кругов на общественную жизнь и несколько снизила остроту социальных проблем. Взвешенная и осмотрительная политика испанского правительства в годы Первой мировой войны была благотворна для страны, сумевшей извлечь максимум выгод из всемирного катаклизма.

Одновременно война упростила ситуацию в Марокко, так как отпала необходимость постоянно координировать свои действия с французами, у которых теперь хватало других проблем. Африканская политика Мадрида стала решительнее и активнее.

Армия получила возможность действовать с наибольшей выгодой для себя, появилась надежда на полное усмирение колонии.

Именно в этот период Ф. Франко приобрел заметную известность в африканской армии, В конце июня 1916 г. марокканским партизанам удалось перерезать важнейшую дорогу между Сеутой и Тетуаном и укрепиться в десяти километрах к западу от Сеуты в деревне Эль Беутс, расположенной на высоком холме, откуда было прекрасно видно петлявшее внизу шоссе. Потеря контроля над магистралью грозила серьезными неприятностями для испанцев.

Регуляторам, усиленным армейскими частями, было приказано взять Беутс. Одну из рот вел капитан Ф. Франко. Ранним утром 29 июня колонна испанских войск пошла во фронтальную атаку. Марокканцы, укрепившиеся на окрестных холмах, открыли огонь по подножию высоты, куда после неудачной атаки отошли испанцы. Шквальный огонь привел к огромным потерям в их рядах. Были убиты или тяжело ранены старшие офицеры, в том числе командир колонны и командиры батальонов. Ф. Франко, оказавшийся одним из уцелевших офицеров, принял решение, дававшее испанцам какой-то шанс: он повел солдат в новую атаку. В первые минуты продвижения по склону холма он был серьезно ранен, но продолжал руководить действиями своих людей и присоединившихся к ним солдат других подразделений. Атака увенчалась успехом — холм и деревня на вершине были взяты. К этому времени руководитель отчаянной атаки потерял сознание от потери крови. В донесении об этом эпизоде было сказано про Ф. Франко: «Превосходный офицер, самоотверженно принял командование, умело и грамотно руководил боем». Далее давалась высокая оценка распорядительности капитана, нашедшего решение, которое позволило спасти множество жизней и добиться успеха.

Ранение, полученное Ф. Франко, было тяжелым: в течение двух недель он отказывался от перевода в эвакогоспиталь в Сеуте, поскольку не был уверен, что перенесет транспортировку за 10 км. Однако пуля, поразившая печень, не затронула других внутренних органов, и выздоровление шло быстро. Вообще надо отметить, что Франко везло: прослужив в Африке в общей сложности более десяти лет, участвуя во многих боевых эпизодах, он получил двенадцать наград и только одно ранение. В том же сражении, где Франко получил ранение, погибли и были ранены 311 испанцев, из которых 29 были офицеры. Франко говорил потом: «Я видел много раз, как смерть шла ко мне, но удача была ко мне благосклонна».

За подвиг при Эль Беутсе верховный комиссар Испании в

Марокко генерал Ф. Хордана рекомендовал Ф. Франко Баамонде к внеочередному производству в следующий чин команданте (примерно соответствует майору) и начал процедуру, необходимую для присвоения ему высшего военного ордена большого Креста отличия Сан Фернандо. Советники военного министерства в Мадриде не возражали против присвоения высокой награды, но отклонили просьбу о повышении в звании, ссылаясь на молодость претендента. При поддержке верховного комиссара Ф. Франко подал апелляцию на высочайшее имя, мотивируя свое ходатайство тем, что правила, обязательные для армии, не распространяются на регуляторов. Альфонс XIII признал просьбу справедливой, и 28 февраля 1917 г. особым указом Ф. Франко Баамонде был утвержден в звании команданте. Разгневанные строптивостью молодого «африканиста» министерские чиновники наказали его, признав недостаточным основания для награждение его крестом Сан Фернандо. Эту награду он получил лишь двадцать два года спустя, в 1939 г., за победу в гражданской войне. Пока молодому честолюбцу пришлось довольствоваться более скромным крестом Марии Кристины.

Ф. Франко в 1916 г. стал одной из самых популярных фигур в африканской армии. Можно сказать, что тогда он заложил фундамент своего последующего политического роста. Новое звание привело к изменениям в его служебном положении. В Марокко не было вакантного места командира батальона, что вынудило Франко перебраться на полуостров. Его назначили командиром батальона в Овьедо в гвардейском полку принца Астурийского. Новое место не нравилось Ф.Франко, «навсегда отравившего свою кровь ядом Северной Африки».[4]

Сознавая необходимость поправить здоровье после ранения, он не делал попыток остаться в Марокко, и в апреле 1917 г. вступил в командование новым батальоном. Хотя в столице Астурии над головой не свистели пули, время, проведенное там, не было легким для молодого комбата. Большинство подчиненных Франко гвардейских офицеров были значительно старше своего двадцэтитрехлетнего командира. Они с негодованием и некоторой долей презрения наблюдали за новым начальником, которого считали «африканским выскочкой». Неприязнь между военными метрополии и «африканистами» была сильно развита в испанской армии, а в связи со сложностями, переживаемыми страной в это время, еще сильнее обострилась.

В эти годы Испания вступила в новый этап трудностей: конец войны ознаменовался новым экономическим и политическим кризисом. Сложные процессы в активно развивающейся

экономике, где шла борьба между интересами крупных сельскохозяйственных производителей и окрепшей промышленной буржуазией, послужили причиной кризиса власти. Большая инфляция повлекла падение жизненного уровня многих слоев населения, которые включились в политическую жизнь. Крупная земельная и промышленная буржуазия в основном ориентировалась на существовавшую либеральную монархию. Значительно выросший средний класс, больше магнатов страдавший от экономических неурядиц, напротив, был недоволен существующим либеральным режимом. Часть его представителей видела выход в утверждении «крепкой руки», а другие — в переходе к республиканской форме правления. Кроме того, за военные годы оформился и численно вырос рабочий класс, думавший о превращении страны в «новую Испанию» путем широчайших социальных преобразований. И, наконец, свои требования имела самая многочисленная и самая аморфная масса населения — крестьяне, арендаторы и батраки.

1918–1920 гг. были временем, когда кризис грозил перейти в революционный взрыв ло образу и подобию стран Восточной и Центральной Европы. С калейдоскопической быстротой менялся состав правительств, страну сотрясали массовые забастовки и стихийные проявления народного недовольства. Не случайно эти годы получили название «большевистского трехлетия». Тогда казалось вполне реальным, что Испания готова к эксперименту в «русском стиле».

Военных сложившееся положение тоже затронуло в немалой степени: инфляция, «съедавшая» жалованье, вызывала волну недовольства неспособностью правительства обеспечить достойную жизнь офицерам. Отсюда и проявление зависти к «африканистам», чьи быстрые карьеры и более высокие оклады раздражали военных, несших повседневную службу на полуострове. В армии создаются похожие на профсоюзы организации для защиты военных, получившие название «хунты защиты». Их программы по ряду требований, касающихся заработной платы офицерам, содержали пункт о недопустимости присвоения внеочередных званий молодежи в обход старых гарнизонных служак. В подчинении у Франко было много членов этой организации, среди которых командир получил кличку «майоришко» за молодость и невысокий рост. Он так и не нашел общего языка с коллегами из гвардии. Вообще свое пребывание в полку принца Астурийского он воспринял как случайный эпизод, досадную задержку на пути к цели. Франко надеялся на скорое возвращение в Марокко, где людей ценили по заслугам, а не по выслуге, и где его известность, способности и энергия помогали

добиваться прекрасных результатов.

В период службы в Овьедо Франко жил в отеле «Париж», он познакомился со студентом Астурийского университета. Аррарасом, который спустя двадцать лет стал первым историографом каудильо и во многом способствовал формированию его политического имиджа.

В конце лета 1917 г. на одном из бесчисленных в Испании праздников Франсиско познакомился с очаровательной черноглазой смуглянкой, которую звали Кармен Поло Мартинес Вальдес. Молоденькая девушка была дочерью богатого астурийского аристократа Фелипе Поло. Трудно угадать, что более привлекло молодого майора — пятнадцатилетняя прелестница Кармен или связи и состояние ее семьи. Надо полагать, что привлекательным было то и другое, но факт, что Ф. Франко проявил особую настойчивость в ухаживании, продолжавшемся более пяти лет. Воспитанница пансиона Лас Салесос сначала настороженно относилась к знакам внимание со стороны молодого офицера, поскольку полагала, что военный может исчезнуть так же внезапно, как появился. К тому же считалось, что пятнадцать лет — возраст слишком юный, чтобы заводить постоянного поклонника. Впрочем, ухаживание военного льстило девушке, поскольку имя Ф. Франко нередко мелькало в публикуемых газетами сводках событий в Марокко и можно было похвастать перед подругами знакомством с африканским героем.

Постепенно настороженность сменилась у Кармен доверием и привязанностью к молодому человеку, который с завидным постоянством посещал заутрени в монастыре, где она училась. Только там он имел возможность любоваться своей избранницей. Развитие романа аристократки с молодым офицером из скромной семьи вызывало беспокойство ее отца и тетки доньи Изабель, которая после смерти матери помогала дону Филиппе Поло в воспитании его четырех детей. В глазах аристократов партия Кармен с военным была чем-то вроде брака с тореро, девушка из их семьи может рассчитывать на лучшую партию. Только уважение к военным заслугам Франко мешало дону Филиппе запретить ему общаться с дочерью. В конце концов решимость Кармен сломила сопротивление семьи. Впрочем, к моменту свадьбы в 1923 г. положение зятя в армейской иерархии уже не давало оснований считать брак неравным. В то время как Франко обустраивал свою личную жизнь, в стране ширился социально-политический кризис.

10 августа 1917 г. с подачи анархо-синдикалистов НКТ {Национальной Конфедерации Труда) в ответ на подавление забастовки в Валенсии прекратилась работа на шахтах и рудниках

Астурии. Несмотря на то, что движение не переросло в беспорядки и носило сугубо мирный характер, военный губернатор Астурии Рикардо Бургете ввел на территории провинции военное положение и потребовал немедленного прекращения акции. Забастовка продолжалась, и к рудникам были направлены колонны гражданской гвардии, поддержанные частями регулярной армии. Гвардейский полк принца Астурийского не избежал участия в операции, результатом которой стали 80 убитых и 150 раненых шахтеров. Батальон Франко тоже был там, обеспечивая действия гражданских гвардейцев и контролируй ситуацию в горнорудном районе до отмены военного положения.

Автор не располагает достоверными данными, свидетельствующими о причастности Ф. Франко и его отряда к жестоким мерам по отношению к забастовщикам, но идеализировать его не стоит. Скорее всего, получи он приказ стрелять, его батальон без колебаний открыл бы огонь, поскольку понятие о боевом приказе для него, без сомнения, стояло выше любых рассуждений о гуманизме и нравственности.

В этот период Франко много делал для совершенствования собственных знаний военных наук и активно передавал другим опыт, полученный в ходе боевых действий в Африке. Его обширные познания в области тактики и применения современной боевой техники командование использовало для переподготовки офицеров запаса. Со 2 марта 1918 г. он был поставлен во главе института, работавшего по системе, сходной с «военными сборами». Этим учебным заведением Франко руководил в течение одного учебного года. Осенью с ним произошла обычная в армейской жизни метаморфоза — из преподавателя он превратился в ученика: 27 сентября он в числе других офицеров отправился на курсы повышения квалификации в Вальдеморо, где при стрелковой школе были организованы курсы усовершенствования командного состава. Помимо ознакомления с новейшими приемами тактики и оперативного искусства, курсы содержали обширную программу полевых учений.

Но для Ф. Франко важнее оказалось другое — в Вальдеморо он познакомился с основателем и первым командиром испанского легиона Миланом Астраем. Новый знакомый Франко был известной личностью. Он обладал огромным боевым опытом, а также способностями военного теоретика и дипломата. Ему было поручено воплотить в жизнь идею Главного штаба и создать в Марокко элитарное соединение на добровольной основе. Принципы организации этого соединения были позаимствованы у

Франции, создавшей для тяжелой колониальной службы Иностранный легион. Его аналог, сформированный М. Астраем для таких же целей в Испании, был назван Испанским легионом.

Новое знакомство открыло для Ф. Франко возможность снова оказаться в Африке. Правда, решиться на возвращение туда теперь ему было труднее, но Кармен, считая себя помолвленной, согласилась ждать сколько будет необходимо. Милан Астрай не обманул ожиданий Франсиско: 31 августа 1920 г. Испанский легион *(Терема)* был создан. Подбирая офицеров, Астрай вспомнил о Франко, который получил командование Первой бандерой, став фактически вторым человеком в этом новом формировании. В сентябре 1920 г. Ф. Франко, расставшись с прежним местом службы, прибыл в Марокко.

Положение в Северной Африке было очень сложным. Колониальная армия проводила зачистку Западных областей страны Анджера и Джебала, намереваясь добиться стабильности хотя бы в районе, прилегающем к административному центру Марокко городу Тетуану.

Ситуация в центральной части протектората стала совершенно неприемлемой для испанского достоинства: племена Рифской области вели эффективную партизанскую борьбу, не допуская на свои земли испанскую армию. Мадридское руководство желало получить доступ к рудным месторождениям, интересовавшим испанских предпринимателей, и надеялось поправить сложную социально-экономическую ситуацию в самой Испании, продемонстрировав небольшую, но красивую успешную военную операцию. Армии был дан приказ сокрушить партизан. Рифские племена, объединенные талантливым военачальником Абд-эль-Кримом, в пятидневном сражении под Ануалем наголову разбили двадцатитысячный испанский корпус под командованием генерала Сильвестре. Вместо успешной операции, призванной доказать мощь армии и правительства, Испания получила поражение, которое общество расценило как катастрофу. Всего за пять июльских дней 1921 г. списки жертв марокканской авантюры пополнились девятью тысячами имен солдат и офицеров.

В Испании вновь усилилось движение противников войны, оппозиция требовала найти и наказать виновников разгрома, среди которых оказались люди из близкого окружения короля, да и сам Альфонсо XIII был тесно связан с незадачливым генералом Сильвестре, которому он лично рекомендовал действовать без оглядки на военное министерство. Словом, в Мадриде вышел большой скандал, а в Марокко испанские войска оставляли с таким трудом занятые территории. Марокканцы, окрыленные

успехом, нанесли еще один мощный удар по войскам и престижу Испании.

В сентябре 1921 г. Абд-эль-Крим провозгласил независимую республику Риф, которая располагалась в центре протектората и делила испанское Марокко на две изолированные части. Новая республика создала собственную армию, оснащенную трофейным вооружением. Это была высокоподвижная армия, способная внезапно и быстро атаковать наиболее уязвимые места противника, совершать глубокие рейды по его тылам, разрывать коммуникации. Ее вождь Абд-эль-Крим демонстрировал изрядные полководческие способности, достигнув совершенства в специфических методах партизанской войны.

Словом, испанцам противостоял упорный и сильный противник, победа над которым требовала значительных усилий, консолидации общества и армии и четко очерченного военного курса. Создать такие условия либеральная монархия была не в состоянии. Попытки организовать прочный политический блок, нацеленный на проведение твердой политики в Северной Африке, терпели крах. Под давлением пацифистского движения правительство вынуждено было отменить отправку солдат для подкрепления обескровленных войск в Марокко. Фактически с 1917 по 1922 г. все 11 сменявших друг друга правительств предоставляли армию своей участи. В обществе различные левые и сепаратистские объединения приветствовали создание Рифской республики и спровоцированный обострением войны кризис, видя в них условие для достижения своих целей.

Легион и командир его Первой бандеры не участвовали в трагических событиях при Ануале, поскольку формирование Терсио происходило в западном секторе протектората. Боевое сплочение и обучение наемников было сложным делом. Добровольцы, недостатка в которых не ощущалось, представляли собой преимущественно деклассированный элемент. Среди них было немало бандитов и наемных убийц (пистолерос), были иностранные ветераны Первой мировой войны, не сумевшие устроиться в мирной жизни. Управление этим сбродом требовало от офицеров Легиона немало мужества и силы воли.

Казалось, маленький, худой комакданте с тонким голосом и вопросительно-грустным взглядом совершенно не подходит на роль командира этих головорезов. Однако его бандера считалась лучшей в Легионе. Жестокий и решительный Ф. Франко сумел создать из скопища отверженных превосходную боевую единицу, поскольку у его «материала» было основное качество, необходимое наемному солдату, — презрение к смерти. Дисциплина среди солдат, многих из которых вне Терсио

ожидали приговоры судов, поддерживалась самыми жесткими мерами: за любой проступок или трусость единственная мера наказания — расстрел перед строем батальона. Только таким способом удавалось поддерживать порядок среди людей, лишенных самых примитивных моральных принципов, чья жестокость наводила ужас даже на марокканцев, далеко не склонных к чрезмерному человеколюбию. Зато в бою им не было равных. В армии за отчаянно храбрые атаки легионеров называли «женихами смерти».

В первые месяцы 1921 г. Франко и его люди принимали активное участие в крупных войсковых операциях в районе города Ксаэн. В конце лета часть легиона и командир Первой бандеры передислоцировались в Восточный сектор под Мелилью, где поступили в распоряжение генерала Сакхурхо, войска которого отбивали у противника потерянные после июльского разгрома позиции. Легионеры использовались как таран во всех атаках на занятые марокканцами укрепленные пункты бывшего внешнего обвода Мелильи. Они почти всегда добивались успеха. С их помощью к концу 1922 г. испанская армия полностью вернула прежние позиции.

Непременный участник всех операций, Ф. Франко заметно укрепил свою славу опытного и отважного командира. Молодой офицер прекрасно подходил для создания образа героя марокканской кампании. Националистски настроенные периодические издания, стремившиеся поднять престиж непопулярной войны, охотно публиковали материалы, повествующие о подвигах маленького команданте и его сорвиголов. Фотографии Ф. Франко, Санхурхо, Астрая и многих других командиров и солдат в сочетании с названиями населенных пунктов и высот не сходили с первых страниц газет. Положение в Марокко, где сражалась, несла потери и добивалась успехов испанская армия, оказывало определяющее влияние на состояние политической жизни страны. От успехов или неудач в Африке во многом зависела стабильность в обществе. В свой черед, от кристального внимания активных политических кругов не ускользнула стремительная карьера способного военного, получившего широчайшую известность в народе и популярность а армии.

В 1923 г. Ф. Франко временно замещал тяжело раненного Милана Астрея на посту командира Терсио, а когда погиб назначенный на этот пост подполковник Валенсуэлло, Ф. Франко, произведенный в подполковники официальным распоряжением короля, был утвержден на это место. Кстати, Альфонсо XIII, заметивший и оценивший «африканиста», с тех пор благоволил к

нему. В сохранившихся письмах король называл Франко не иначе, как «дорогой друг», что, конечно, свидетельствовало не о задушевной дружбе, а о милостивом расположении монарха.

В том же году новоиспеченный подполковник, начальник легиона и кавалер специальной «боевой медали» прибыл в Овьедо, чтобы добиться руки своей нареченной. Кармен не возражала, а отец и тетка сняли все возражения, узнав, что посаженным отцом жениха согласен быть сам король, сильно способствовавший матримониальным планам Франко. В октябре 1923 г. в церкви Сан Хуан дон Франсиско Франко Баамокде был повенчан с сеньоритой Кармен Поло Мартинес Вальдес, ставшей его верной спутницей на всю жизнь. Очаровательная девушка принесла супругу солидное приданое и «пропуск» в аристократические круги Испании, к которым не лишенный снобизма молодой офицер испытывал уважение, граничащее с преклонение.

Изменения в жизни Ф. Франко происходили на фоне огромных перемен в стране: 13 сентября 1923 г. просуществовавший более полувека институт «либеральной» монархии был заменен на военную диктатуру генерала Примо де Ривера. Переворот произошел при полном бездействии основных политических сил. Альфонсо XIII спокойно (возможно с облегчением) принял крушение конституционного строя, тем более что произошел переворот мирно и бескровно. О прежнем режиме, похоже, не сожалели никакие общественные группы. Либеральная монархии не устраивала ни «левых», ни «правых». Первые видели ее неспособность улучшить положение трудящихся и справиться с экономическим кризисом, а вторые обвиняли ее в поражениях армии и потакании революционерам и сепаратистам.

Поэтому, когда генерал-капитан Каталонии Мигель Примо де Ривера и поддержавший его комендант Сарагосы Санхурхо объявили о смещении правительства Г. Прието и введении военного положения, у министров-либералов не нашлось защитников. Общество сочло во многом справедливыми обвинения правительства в коррупции, политиканстве, нарушениях законности, интригах, бессилии в борьбе с промышленным и аграрным кризисами, развале финансовой системы, прозвучавшие в манифесте вождя заговора от 13 сентября. Спустя еще один день Альфонсо XIII предложил Примо де Ривера сформировать правительство по своему усмотрению. Созданная генералом военная директория в центре и военные комендатуры, сменившие гражданские муниципалитеты на местах, составили основу нового военного правления. Отныне все

решения в государственном масштабе принимали два человека: король и глава директории, они же подписывали важнейшие государственные документы.

Повседневная жизнь простого обывателя мало изменилась, пожалуй, стала спокойнее. В то же время перестали собираться кортесы, была запрещена деятельность политических партий, митинги, демонстрации, забастовки. Новый режим не проводил сколько-нибудь серьезных политических репрессий, если не считать высылки из страны некоторых «беспокойных» интеллигентов (таких, как известный писатель Унамуно).

Экономическая политика диктатуры вызывала надежды на изменение к лучшему, что было связано с назначением в комитет по экономическому планированию способных и грамотных специалистов — Х. Кальво Сотело и Э. Ауносо. Страна была уверена, что военные у власти сумеют взять реванш за Анваль и добиться решения марокканской проблемы. Доведете до победного конца «дела чести» в Марокко Примо де Ривера считал первоочередной задачей режима. Времена, когда армия воевала, а правительство собирало бесчисленные комиссии по вопросу о том, сражаться или не сражаться, закончились. Генерал дважды ездил в Африку с инспекционными целями, связанными с подготовкой наступления на территорию Рифской области.

8 января 1924 г, в «Журнале колониальных войск» появляется статья подполковника Ф. Франко Баамонде «Бездействие и пассивность». Это был не первый литературный опыт будущего каудильо: двумя годами раньше был опубликован «Дневник одного батальона» («Diano de una bandiera»). Новая статья имела определенное политическое значение: если как публицист Ф. Франко не блеснул на небосклоне испанской литературы, то как военный теоретик он оказался на высоте, отстаивая необходимость активных действий в Африке. Его призыв *к* наступательной политике совпал с мнением генерала Примо де Ривера и его правительства (или «озвучил» его позицию?)

Между тем положение в Марокко в 1924 г. немногим лучше, чем летом 1921 г., когда только своевременное появление в Мелилье Франко и его легионеров спасло Восточный сектор протектората. В июне Абд-эль-Крим развернул новое мощное наступление. Насущная необходимость заставила испанцев поторопиться с решительными мерами. На протяжении года, пока армия вела кровопролитные бои против Рифских войск и поддерживавших их племен Западной области, происходила невиданная ранее концентрация войск и боевой техники. 9 сентября в манифесте по поводу первой годовщины установления диктатуры Примо де Ривера заявил: «Сегодня, испанцы, вы

должны знать, что нет другого возможного пути, как сражаться в Марокко до полного разгрома врага».

Испанию поддержала Франция, обеспокоенная проникновением рифских партизан на свою территорию, но в мае 1924 г. 100-тысячная французская армия потерпела неудачу при попытке вторгнуться в Рифскую область с юга. Пришлось Франции, как и ее партнеру по оккупации Марокко, приступить к интенсивным военным приготовлениям.

В течение трех последних месяцев 1924 г. испанская армия вела операции по сокращению линии фронта и концентрации войск в районах, намеченных как исходные для планирующегося на 1925 г. генерального наступления. Одновременно была организована блокада побережья Марокко с целью прекратить контрабандные поставки оружия марокканцам. За активное участие в этой компании Франко в январе 1925 г. было присвоено звание полковника.

Относительное затишье качала 1925 г., вызванное действиями войск Абд-эль-Крима во французской зоне, позволило испанцам завершить подготовку к разгрому Рифской республики. Замысел испанского командования заключался в следующем: крупному морскому десанту предстояло высадиться в заливе Алусемас в непосредственной близости от столицы республики города Аджджира, овладеть ею и затем концентрическими ударами из района Аджджира и Восточной зоны протектората уничтожить вооруженные силы марокканцев. После этого становилась возможной оккупация независимых областей, прежде всего железорудных месторождений.

Этот план был в июне-июле 1925 г. согласован с Францией, которая обязалась принять участие как в десантной операции, так и в последующих боевых действиях по окончательному разгрому марокканцев. Для этого численность Французской экспедиционной армии была доведена до 325 тыс. человек. Испания сосредоточила на театре военных действий свыше 149 тыс. человек. Для предстоящей высадки были построены многочисленные специальные мелкосидящие десантные корабли и привлечены десятки крупных транспортных судов. Огневую поддержку десанту предстояло оказать мощной корабельной группе из 3 линкоров, 4 крейсеров, 4 эсминцев, 2 мониторов и 6 канонерских лодок, принадлежащих флотам двух стран. На авиабазе в Тетуане была дислоцирована значительная авиагруппа, готовая поддерживать десантников.

Столь основательная подготовка указывала на серьезность намерений Испании и Франции покончить с войной в Марокко. Прекрасно спланированная операция прошла блестяще. Две

десантные группировки под командованием генералов Саро и Переса днем 8 сентября 19Z6 г. осуществили сложнейшую высадку на необорудованное побережье, обороняемое значительными силами марокканцев. Первую волну группы Саро, сформированную в Сеуте, вел полковник Ф. Франко. Ее силы, в составе отряда бронемашин, семи штурмовых батальонов, артиллерийской батареи и двух инженерно-саперных подразделений, организованно высадились и расчистили необходимый плацдарм для основных сил в Западном секторе намеченного района.

И далее операция развивалась в соответствии с планом: к 24 сентября, сосредоточив на плацдарме 20-тысячный корпус, испанцы начали наступление на Ддждир. Яростно сопротивлявшиеся войска Абд-эль-Крима не выдержали мощного, планомерного натиска противника. 2 октября Рифская столица пала, и конец войны не заставил себя долго ждать. Весной 1926 г. под ударами испано-французских войск марокканская армия сложила оружие. Захваченный в плен Абд-эль-Крим был сослан на остров Реюньон. Испания получила долгожданный мир в Марокко, хотя отдельные очаги сопротивления тлели до 1934 года.

Значение операции под Алусемасе высоко оценивалось испанскими исследователями, потому что «первый раз была проведена такая высадка десанта, которая спустя много лет, в большем масштабе осуществилась в Нормандии». Теоретическая и практическая значимость этой операции подтверждается тем вниманием, которое по сию пору уделяется ей в учебной программах, например, в американской школе морской пехоты.

Успешное завершение изнурительных боевых действий в Северной Африке выглядело как большая национальная победа, организованная усилиями диктатуры, а потому воспринимаемая как ее триумф. На армию обрушился настоящий шквал награждений и повышений. М. Примо де Ривера за участие а разработке операции получил «Большой, увенчанный лаврами крест Сант Яго». Были отмечены Санхурхо, Саро, Перес. Не был забыт и Ф. Франко. Спрыгнувший 8 сентября с борта баркаса К-21 («Ферролец») в не слишком холодную воду залива Алусемас полковник Иностранного легиона на обшей триумфальной волне был вознесен очень высоко. За участие в десанте и зимних боях под Ксаэном Франко получил чин бригадного генерала, став самым молодым носителем своего звания в Испании и даже в Европе (исключая СССР).

Замирение в Марокко означало для него начало нового этапа в жизни. Начавшееся крупное сокращение африканской армии и

связанные с ним кадровые перемещения привели к расставанию генерала с близкой его сердцу Африкой. Он был откомандирован в Мадрид в распоряжение военного министерства.

ГЛАВА III
ГЕНЕРАЛ ВКЛЮЧАЕТСЯ В ПОЛИТИКУ

С полной уверенностью можно говорить, что именно в Африке сформировались основные черты характера и мировоззрения Ф. Франко, определившие его дальнейшую судьбу. Марокко сделало из безвестного лейтенанта генерала, авторитетного в военных кругах. Там в непрерывных сражениях и стычках колониальной войны сложился его стиль командования, там он получил известность, приобрел круг сподвижников и единомышленников. Из опыта военной жизни он вынес стойкую неприязнь к «левым» и пацифистам, брезгливое презрение к болтунам либералам и уверенность во всесилии военных. А самое главное — он стал частью сообщества людей, которые считались элитой армии, чей образ мысли совпадал с его собственным. Франсиско Франко Баамонде, каким он вошел в историю, был создан Африкой и охотно признавал: «без Африки я едва ли смог бы понять своих товарищей и себя самого так полно, как мне это удалось».

Прибывший в 1926 г. в Мадрид, Ф. Франко получил некоторое время для обустройства своих личных дел. В первую очередь он обзавелся подабающим генералу домом на улице Кастельяно, 28, где они с Кармен, уставшей от скитальческой африканской жизни, с удовольствием отлаживали семейный быт.

Это было весьма своевременно, поскольку Кармен ожидала первенца. 14 сентября 1926 г. в семье появилась дочь, названная в честь матери Кармен, любимый и единственный ребенок в семье.

В марте 1927 г. Ф. Франко получил под командование Мадридскую пехотную бригаду. Новая должность свидетельствовала о многом: руководство «придворными» воинскими подразделениями во все времена, при всех режимах и во всех армиях мира доверялось только самым верным и преданным людям, в лояльности которых власть придержащие полностью уверены. Здесь кроется маленькая странность: если отношения с королем у Франко были превосходные, то с диктатором — скорее неровные.

Летом 1924 г. между Примо де Ривера и командиром Терсио произошел настоящий скандал. Тогда командование проводило сокращение линии фронта, что заставило командующего принять решение об оставлении ряда пунктов, незадолго до того с трудом

взятых легионом. Вызванный в ставку диктатора в Бек-Тиебе возмущенный Франко высказал ему в достаточно откровенных выражениях свое негативное отношение к подобным мероприятиям. Только снисходительность главы директории, ценившего толкового и смелого подчиненного, спасла подполковника от отставки. Карьерные успехи Франко при диктатуре заставляют думать, что Примо де Ривера не затаил зла на строптивого боевого офицера. Ведь и сам диктатор в молодости много повоевал и своих чинов достиг не на штабных паркетах, а на полях сражений.

Положение Ф. Франко в структуре испанских вооруженных сил становилось все более прочным. В том же 1927 г. он стал членом комиссии, работавшей над созданием академии Генерального штаба, а в январе 1928 г. — первым начальником этого важнейшего для строительства вооруженных сил и совсем нового для Испании института. Кстати, такое назначение было, пожалуй, преждевременным — Франко, человек, несомненно, заслуженный (кавалер двенадцати боевых наград) и хороший специалист своего дела, но никогда не руководивший крупными соединениями, оказался не на своем месте. Современную войну он видел с командного пункта дивизии (поскольку легион насчитывал от 10 до 15 тыс. человек) и был искусным тактиком, но для руководства учебным заведением, готовившим штабных офицеров, ему не хватало широты мышления.

Впрочем, это мало смущало молодого генерала. Хорошо подобранный штат профессорско-преподавательского состава и настойчивость Франко в самоподготовке позволили создать учебное заведение на уровне бытовавших е то время мировых стандартов. Посетивший академию французский министр Мажино охарактеризовал ее как самую современную в мире. В свою очередь, Франко с ознакомительными целями посетил военные учебные заведения Франции и Германии. Многое из увиденного, особенно в Дрезденской академии рейхсвера, было применено в Сарагосе. Кстати, одна из улиц Сарагосы получила в 1929 г. имя в честь начальника академии Генерального штаба.

Вообще генерал Франко превосходно вписался в элитные круги Арагонской столицы. Король Испании пожаловал ему придворный титул. Перед ним были распахнуты двери лучших домов Мадрида. Перспективы на будущее тоже казались самыми радужными. Скорее всего, будь положение в стране стабильным, генерал Франко спокойно дослужил бы до почетной отставки, удовлетворенный достигнутым положением. Но бурная история Испании в очередной раз готовилась скорректировать жизненные планы генерала. В конце двадцатых годов положение диктатора

М. Примо де Ривера заметно пошатнулось. Режим, созданный при всеобщем общественном непротивлении, не имел социальной опоры, более того, глава режима, казалось, делал все возможное для того, чтобы лишиться той поддержки, которую имел. Уже в 1926 г., сменив в целях популяризации власти директорию на гражданское правительство, диктатор вступил в конфликт с частью офицерского корпуса. Его вполне разумное желание изменить систему производства в следующий чин среди артиллеристов, сделать возможным внеочередное получение звания за заслуги, не нашло поддержки среди высших командиров этого рода войск. Прямо де Ривера, проигнорировав их протест, тем самым подтолкнул часть армии в лагерь противников диктатуры.

За период с 1926 по 1930 гг. один за другим следовали несколько военных заговоров и мятежей, и, хотя все они закончились безрезультатно, зыбкость позиций диктатора становилась все очевидней. Относительная либерализация режима стимулировала рост сепаратистского движения в Каталонии, где чутко реагирующие на малейшее ослабление власти лидеры экстремистов принялись выкашивать идеи новых заговоров с целью достижения независимости. Либеральная интеллигенция никогда не испытывала симпатий к диктатуре и также включилась в расшатывание устоев системы военно-монархического правления.

Однако не заговоры военных и высказывания интеллигентов были основным фактором, вызвавшим кризис власти. Режим вынашивал главное противоречие в самом себе: теснейшим образом связанный с традиционной землевладельческой аристократией, он начал ориентироваться на промышленную буржуазию. Примо де Ривера сделал очень много для модернизации промышленности и связанной с ней инфраструктуры, но обманул ожидания традиционных хозяев страны, которые рассчитывали в момент возникновения режима на поддержку их интересов. Поэтому консервативные партии монархического толка, представлявшие позиции земельной аристократии, как и все прочие правые политические силы, отказали диктатору в поддержке.

Промышленная буржуазия, не столь тесно связанная с монархией, не видела смысла в существовании диктатуры, поскольку ее интересам противоречили элементы государственного планирования в экономике, а также значительные налоги на проведение широкомасштабных общественных работ, осуществляемых диктатурой. Кроме того, часть буржуазии, не довольная протекционизмом правительства в

отношении крупных монополистов, разделяла с либералами устремления к полному отказу от монархии и установлению республиканской формы правления.

Итак, большая часть армии, либеральная интеллигенция, латифундисты и буржуазия более не желали Примо де Риверы и его курса. К этому мнению склонялся и король, которого волнения военных убедили, что спокойствие в армии способно обеспечить только устранение диктатора. К 1929 г. общность интересов привела к временному объединению всех сил, которые представляли вышеназванные слои населения. Они были поддержаны всеми «левыми» партиями: анархисты ФАИ (Федерация Анархистов Иберии), контролировавшие профсиндикаты, социалисты ИСРП, республиканцы всех направлений гарантировали движению массовую поддержку.

Довершил дело всемирный экономический кризис, разразившийся в 1929–1933 гг. «Великая депрессия» в экономически слабой Испании не воспринималась так остро, как в США или развитых странах Европы, но именно она решила судьбу диктатуры. Падение жизненного уровня масс и очередной виток инфляции привели политическое противостояние в состояние социально-политического катаклизма. Забастовки, демонстрации, выступления армии приобрели массовый характер. Неизбежность краха режима стала очевидна и для самого Примо де Ривера. Он хотел «уйти красиво», покинув свой пост в седьмую годовщину прихода к власти, но ему пришлось поторопиться: в начале января 1930 г. Альфонсо XIII отказал диктатору в поддержке, вслед за ним ушли командующие округов и соединений флота. 28 января 1930 г. в обстановке острейшего всестороннего кризиса генерал Мигель Примо де Ривера объявил об отставке своего правительства.

Итоги его правления должны быть оценены неоднозначно: Испания покрылась сетью шоссейных и железных дорог, ирригационных сооружений, были модернизированы тяжелая промышленность и горное дело, выросло производство электроэнергии. Однако реформы совершенно не затронули сельское хозяйство, основу испанской экономики, что углубило исторически сложившиеся противоречия между городом и деревней, диктаторский режим Примо де Риверы не сумел вывести страну из состояния затяжного и всестороннего кризиса. Справедливо отмечалось: «Он продержался у власти семь лет благодаря чудесам эквилибристики: он пугал короля армией, а армию — королем и их вместе — политической революцией». Дольше на этом продержаться было невозможно, а предложенный им темп перемен не соответствовал реальным возможностям

Испании.

С падением диктатуры покатилась к закату система испанской монархии. Альфонсо XIII Бурбон потерял поддержку тех сил, на которые привычно опирался во время своего правления. Армия перенесла на него свое недовольство экс-диктатором, монархисты не могли простить ему семь лет нахождения у власти военных и пренебрежения их интересами. Даже католическая церковь колебалась в вопросе о сохранении монархии. Прочие политические силы не желали дальнейшего существования королевской власти. «Пока Примо де Ривера был у власти, он был громоотводом… но когда он исчез, все удары обрушились на беззащитную корону». Король и его министры не смогли выработать правильную стратегию, при которой можно было бы вести страну по пути прогресса при сохранении социальной и политической стабильности. Очевидной становилась опасность социального взрыва.

17 августа 1930 г. в Сан Себастьяне был подписан своеобразный пакт между всеми политическими партиями, ратующими за республику. Он предполагал ведение совместной борьбы против монархии. Был намечен состав временного коалиционного правительства и назначен срок предполагаемого государственного переворота. Королевское правительство фактически утратило рычаги управления страной, и только нерешительность лидеров либерально-реформистских партий, постоянно откладывавших начало вооруженного выступления, отодвигало конец монархии.

В это время начальник Сарагосской академии генерального штаба, у которого не было оснований желать падения трона, с возмущенным недоумением наблюдал, как либеральные и анархические настроения разъедали армию. Выступлениями военных руководили хорошо знакомые, иногда близкие Ф. Франко люди. В Хаке 12 декабря 1930 г. мятеж возглавил известный ему по службе в Марокко капитан Фермии Галан. Младший брат Франсиско Франко — Рамон 15 декабря 1930 г. с борта своего самолета разбрасывал над Мадридом антимонархические листовки, а после этого улетал в Португалию. Генерал Ф. Франко старался, как мог, оградить своих подопечных от «либеральной заразы», но это не всегда удавалось.

Между тем никакие политические маневры короля уже не в состоянии были изменить ход событий, 12 апреля 1931 г. состоялись муниципальные выборы, сыгравшие роль плебисцита: блок реформистских сил получил на них 70 % голосов избирателей. После объявления результатов голосования начались беспорядки в Мадриде и ряде крупных городов страны.

Верные королю командующие войсками предложили без промедления силой оружия подавить движение, но Альфонсо XIII отказался, заявив: «Я не хочу, чтобы из-за меня пролилась хотя бы одна капля крови». Это благородное и действительно королевское решение поставило точку в его правлении:

14 апреля с борта легкого крейсера «Принц Астурийский» он последний раз мог взглянуть на страну, которой правил 29 лет, которую любил и которой желал только добра. Он отправился во Францию без отречения, формально продолжая оставаться королем Испании.

Испания стояла на пороге больших перемен, а бригадный генерал Франко Баамонде находился среди тех немногих, кто без восторга смотрел на происходящие события. В эти дни он категорически запретил курсантам покидать стены академии, дабы уберечь их от влияния республиканских настроений. На построении он обратился к ним с речью, в которой сожалел о падении монархии и выражал сомнения в способности либерал-реформистов добиться величия и процветания страны. Тем самым генерал Ф. Франко сразу проявил свою оппозиционность новой власти.

14 апреля 1931 г. в Испании была провозглашена республика. Только что избранный главой временного правительства умеренный республиканец Н. Алькала Самора в радиообращении к народу заявил, что смена власти произошла «без малейших беспорядков», и новое руководство готово вести страну к «светлому будущему». С этого момента Испания вступила в пятилетний период так называемой Второй республики. Власть попросту «упала» к ногам умеренных республиканцев, а потому правительство, состоящее из людей, всю жизнь боровшихся со «старым миром», не имело какой-либо программы государственного строительства. Каждый обладатель министерского портфеля действовал сам по себе, руководствуясь лишь интересами своей политической группировки и собственными благими намерениями, которыми так часто выстлана дорога в ад.

Задачи, стоявшие перед новыми хозяевами страны, были труднейшими. Им предстояло решать извечные «проклятые» проблемы Испании: аграрный и национальный вопросы, проблему модернизации армии, реформы в области церкви и образования. Сверх того, мощная волна народного движения, вознесшая либералов к высотам власти, требовала срочных мероприятий по повышению уровня жизни бедствующего населения.

Первый шагом правительства А. Саморы стал созыв учредительных кортесов, принявших 9 декабря 1931 г.

Конституцию Испанской республики. Новый основной закон начинался словами: «Испания демократическая республика всех классов и сословий, основанная на началах свободы и справедливости». Эта фраза, мягко говоря, не соответствовала реалиям испанской жизни, но, по-видимому, казалась ее творцам изумительно красивой.

Далее в Конституции провозглашались все подобающие правовому государству свободы: слова, митингов, собраний и организаций, церковь отделялась от государства и системы образования. Были отменены привилегии дворянства. Статья 44 указывала на допустимость экспроприации частной собственности. Согласно Конституции 1931 г. избирательные и прочие политические права, наряду с мужчинами, получили и женщины. Законодательную власть в стране надлежало осуществлять однопалатным кортесам, избираемым всеобщим голосованием на четыре года. В качестве главы исполнительной власти создавался пост президента республики.

Слаборазвитая экономически страна стала обладательницей одной из самых демократических конституций в мире, соответствующей совсем иному уровню развития. Вновь повторилась ситуация начала XIX века, когда была принята Конституция 1312 г., ставшая эталоном для большинства европейских конституционных проектов своего времени, но не применимая для полуфеодальной абсолютной монархии, какой в ту пору была Испания. Декларируя множество красивых прав и свобод, она уделяла минимум внимания механизму гарантий их осуществления. Впрочем, такие мелочи не волновали лидеров 1931 г., создавших «республику больших речей и маленьких дел, республику блестящих ораторов и посредственных политиков». Сказавшая это, Долорес Ибаррури не совсем точна — дела в те годы в Испании творились немалые, правда, направлены они были прежде всего на торопливую и непродуманную «ломку старого».

Главный удар либерал-демократы направили против католической церкви и армии. Обоснованные и в основном необходимые антиклерикальные мероприятия по ослаблению роли церкви в политической жизни испанского общества, приняли уродливые, порой, жестокие и бесчеловечные формы. Гонения на церковь спровоцировал военный министр республики Мануэль Асанья, обронивший в начале октября 1931 г. фразу о том, что Испания перестала быть католической. Анархо-синдикалисты вообще-то презирали либеральное правительство, но охотно принимали в качестве руководства к действию те заявления этого правительства, которые их устраивали. В

католической церкви они видели олицетворение старого, подлежащего уничтожению мира и немедленно самым решительным образом откликнулись на провокационный призыв правительства.

На местах антицерковная пропаганда синдикалистов нашла отклик среди деклассированных элементов, соблазненных немалыми богатствами храмов. То, что борьба против «старого» сосредоточилась на борьбе против католической церкви, было закономерным. Нечто подобное происходило, например, столетием ранее в период третьей испанской революции, когда имело место массовое закрытие монастырей, но в XX в. размах и масштаб был иной. В октябре 1931 г. по всей стране прокатилась волна бесчинств, проявившихся в церковных погромах, поджогах, преследованиях священников. Эти экстремистские действия вызвали совершенно нежелательную для их организаторов обстановку в стране. По словам одного из современных исследователей этого периода испанской истории, «когда священников убивали во множестве… республика давала консерваторам необходимую им для духовного единения идейную платформу».

Правительство упорно старалось избегать конфликтов с анархистами, бывшими в Испании почти на протяжении семи-десяти лет «единственной мощной революционной силой, влияние которой нигде в мире так не ощущалось», и взирало на их бесчинства сквозь пальцы, но для огромного большинства испанцев церковь олицетворял сельский священник, крестивший, учивший, венчавший и отпевавший обитателей своего прихода. Он был неотделимой частью их жизни. Борьба с церковью означала для них борьбу с теми сторонами жизни, которые были для рядового испанца привычной и дорогой частью его духовного бытия. Испания, пропитанная католической обрядностью, привычная к почитанию предметов культа и людей, этот культ организующих, была до глубины возмущена происходящим. Образ обездоленного, гонимого священника стал первым знаменем, под которым объединились традиционалисты. С этого началось разочарование в республике для массы простых испанцев.

Церковные погромы привели к смене правительства, которое в знак протеста против антиклерикальной политики покинуло Самора и Маура. Новый кабинет возглавил М. Асньа, фактически толкнувший первоначально настроенную лояльно к республике церковь в стан оппозиции. С его приходом правительство значительно «полевело», поскольку большинство портфелей получили радикальные республиканцы и социалисты.

Тот же М. Асзнья, как единственный знаток армии и военных дел, стал творцом еще одной — военной реформы. Испанские вооруженные силы действительно требовали серьезной модернизации. Но затеянные преобразования должны были не повысить боеспособность армии (эта сторона проблемы мало беспокоила реформаторов), а обезопасить новый строй от возможного сопротивления со стороны этой пугающей своей организованностью и боеспособностью силы. В Испании армия воспринималась как носительница национальной идеи, приверженная традиционным ценностям. Она фактом своего существования вызывала опасения либералов. Они справедливо полагали, что, армия, привыкшая играть ведущую политическую роль, в любой момент может из пассивного наблюдателя происходящего превратится в выразителя интересов традиционалистски настроенных слоев общества. Через средства массовой информации правительство повело настоящее наступление на вооруженные силы, осыпая их упреками в нелояльности по отношению к республике.

Реформы М. Асаньи из-за отсутствия средств на переоснащение армии практически приняли вид кадровых перестановок. Первоначально планировалось сократить действительно неоправданно многочисленный высший командный состав, количественно явно превосходивший реальные потребности армии. Существовавшие 16 военных округов были преобразованы в 8, были отменены слишком высокие для небольшой армии звания генерал-капитан и генерал-лейтенант, прошла реорганизация генерального штаба. Наконец, были ликвидированы привилегии отдельных социальных групп при призыве на действительную службу. Всем желающим генералам и офицерам было предложено выйти в отставку с сохранением содержания.

Эти разумные и необходимые меры сочетались с менее удачными: была закрыта «как рассадник антиреспубликанских настроений» академия генштаба в Сарагосе. Тем самым армию лишили перспективы притока высококвалифицированных специалистов. Сократили и без того небольшую армию на 15 %, чтобы выкроить средства на выплату жалованья уходящим в отставку чинам.

Предложение выйти в отставку повлекло совершенно неожиданные для режима последствия. Армию покидали в большинстве лояльные к республике, инертные, лишенные честолюбия офицеры, и, напротив, остались энергичные профессионалы, «африканисты» типа Ф. Франко, не считавшие свою карьеру завершенной, а республику долговечной. Таким

образом, расчеты правительства на «бархатный» разгром армии потерпели провал. Армия, не пошевельнувшая пальцем, чтобы воспрепятствовать появлению республики, постепенно, по мере нарастания недовольства ошибками республиканского правительства, занимала позицию откровенного неприятия республики.

Еще сложнее обстояли у республики дела с остро необходимыми реформами в экономике. Созданная в мае 1931 г. аграрно-техническая комиссия работала крайне вяло, кроме конфискации земли у 463 представителей земельной аристократии, других шагов не предпринималось. С 1931 по 1933 гг. только 12 260 крестьянских семей получили обещанные республикой земельные наделы. Глубокое разочарование в реформах крестьянства, крупнейшего потенциального союзника реформаторов, привело к потере опоры в аграрном секторе.

Не нашла республика способа улучшить условия труда и жизни промышленного пролетариата. Уже в конце 1931 г. трудящиеся помимо экономических требований выдвигали и политические, настаивая на смене правительства. В Лагранье, Кадисе, Бодахосе выступления рабочих превращались в бои с силами правопорядка. Формирования гражданской и штурмовой гвардии с согласия властей устраивали кровавые разгоны демонстраций. Стачечное движение непрерывно возрастало: если в 1931 г. в выступлениях участвовало свыше 1,5 млн человек, то в 1932 г. — только в январе количество бастовавших достигло 1 млн человек.

Резко снизились показатели в ряде отраслей промышленного производства и добычи полезных ископаемых. К примеру добыча каменного угля снизилась от 7,1 млн тонн в 1930 г. до 5,9 млн тонн в 1933 г. Продолжалось падение курса писеты: с 1930 по 1932 г. она потеряла около трети своей стоимости, что представляло абсолютный рекорд за предшествовавшее десятилетие.

Политические реформы республиканского правительства тоже не отличались результативностью и не вызывали большого энтузиазма в стране. Уступка одним общественным слоям порождала бурное негодование других. Так, предоставление даже ограниченной автономии Каталонии вызвало бурю негодования сторонников «единой и неделимой», от военных до либеральной интеллигенции.

Проблема каталонского национализма оказалась самой больной точкой республики. С одной стороны, только каталонские сепаратисты были до конца последовательными сторонниками демократии, поэтому руководству республики

необходимо было ладить с ними, с другой, — предоставление Каталонии автономии давало традиционалистам возможность упрекнуть реформаторов в предательстве интересов единой Испании и отталкивало многочисленную категорию населения от правительства. Республиканские власти сделали выбор в пользу сепаратистов. Каталония получила право сформировать собственное правительство. Его возглавил полковник Масиа, непременный участник прежних заговоров и мятежей против Мадрида. Таким шагом центральное правительство возмутило многих испанцев, а заодно пробудило желание получить аналогичные права у населения других окраинных территорий страны.

Республика обманула всех, кто ее поддерживал, и доказала правоту тех, кто был против ее провозглашения. В противовес сосредоточившимся в правительстве левым республиканцам и социалистам в обществе началась активизация оппозиционных сил. В 1933 г. возникла СЭДА (Испанская конфедерация автономных правых) — массовая партия традиционно-католического толка, деятельность которой была направлена на парламентскую борьбу против республики. Новая партия могла рассчитывать на поддержку большинства общественных организаций центра и правого крыла. Кроме того, ее поддерживали последователи организаций, нацеленных на насильственную ликвидацию существующего режима, такие, как созданная в 1931 г. ХОНС (Хунта наступления национал-синдикализма) и образовавшаяся осенью 1933 г. «Испанская фаланга», возглавляемая сыном покойного диктатора Хосе-Антонию Примо де Ривера. Так закладывались основы националистского движения, к которым по мере углубления кризиса присоединялись другие общественные организации.

На состоявшихся в ноябре 1933 г. выборах Испания, уставшая от пустоцветных реформ, экономической бездарности и политического беспредела умеренных, проголосовала за правых и правоцентристов: из 3,5 млн человек, участвовавших в голосовании, 3 365 700 голосов получил блок, возглавляемый СЭДА, а 2 051 000 бюллетеней досталось центру. Полученное большинство в кортесах позволило правым сформировать свое правительство. Начавшийся после этого период получил у испанских левых название «черного двухлетия».

Вернемся к нашему герою и посмотрим, как складывались его отношения с республиканским режимом. Либералы не простили Ф. Франко его откровенной оппозиционности в дни установления республики. М. Асанья предлагал закрыть академию в Сарагосе, предпочитая перекрыть приток квалифицированных кадров в

армию, но не допустить руководство учебным заведением человеком, чья неприязнь к новой власти была столь очевидной. После закрытия академии генерала Франко назначили командиром 5-й дивизии в той же Сарагосе, но на короткий срок. Рассчитывая, что опальный генерал, польстившись на оплачиваемое безделье, подаст в отставку, военное министерство, сняв его с командования дивизией, медлило с новым назначением. Ожидания не оправдались: Ф. Франко не спешил уходить в отставку и отговаривал других, кто обращался к нему за советом. Наконец, последовало решение правительства о направлении генерала в Ла-Корунью, где дислоцировалась 15-я пехотная бригада, знакомая Франко по лейтенантской юности.

В эти месяцы опальный генерал тщательно избегал контактов с офицерскими группами, рассчитывавшими путем мятежа заменить Вторую республику на более удобную для военных форму правления. Безошибочно оценив перспективы вспыхнувшего в августе 1932 г. мятежа Санхурхо, он не принял в нем участия. Мятеж был легко и быстро подавлен правительством. Франко придерживался роли скромного, исполнительного командира одного из соединений. Его позицию можно оценить как молчаливое неприятие происходящего.

Интересно сопоставить его позицию с настроениями других представителей семьи Франко Баамонде. Старший из братьев, Николас Франко спокойно воспринял становление республики. Ему импонировала программа умеренных либералов-республиканцев и для него крушение монархии не повлекло каких-либо изменений в жизни. С началом Гражданской войны он оказался в рядах национал-традиционалистов среди людей, окружавших Ф. Франко.

А для младшего из братьев — Рамона Франко с провозглашением республики начался «звездный час». Он превратился в настоящего героя революции. На короткое время он стал командующим авиации республики. Затем, как кандидат от радикал-социалистов, был избран в учредительные кортесы. Позднее в Гражданской войне Рамон участвовал на стороне националистов, забыв о своих прежних радикал-социалистических взглядах. Его блестящая карьера завершилась в 1938 г., когда пилотируемый им гидробомбардировщик «Капрони» из-за неполадок в двигателе рухнул в море. Франсиско не любил младшего брата, считая его приспособленцем, отщепенцем и беспутным сыном.

Вероятно, в вознаграждение за проявленное безразличие к Санхурхо Франко после посещения Асаньей и военным министром Кэсаресом Кирогой Ла Коруньи в сентябре 1932 г.

получил новое назначение, на этот раз с повышением. С 16 марта 1933 г. он был назначен комендантом Болеарских островов. Губернаторский дворец на Мальорке, мягкий климат и высокая, хорошо оплачиваемая должность, очевидно, служили признаком расположения к нему правительства. Может быть, такой мерой правительство хотело «задвинуть» ненадежного военного подальше от возможности участвовать в политике. На острова Ф. Франко отправился в сопровождении своего постоянного спутника Ф. Сальгадо Арухо. Он всегда предпочитал иметь при себе помощников, преданность которых гарантировалась родством или давней дружбой, в лояльности которых он был совершенно уверен.

В период пребывания на Мальорке Ф. Франко познакомился с молодым флотским лейтенантом Луисом Кареро Блэнко, которого уже встречал мимоходом в Африке. Со временем этот человек стал одним из ближайших соратников диктатора на всех этапах его деятельности.

Победа правоцентристов на выборах 1933 г. вернула Ф. Франко прежнюю уверенность в прочном расположении власть придержащих. Его карьерный рост, несколько притороженный при предыдущем правительстве, снова ускорился. Одним из лидеров СЭДА был его зять Рамон Серано Суньер, руководивший организацией «молодежь народного действия», созданной как штурмовой отряд правых партий в период разгула анархистов. Военный министр нового правительства Диего Идальго был хорошим знакомым Ф. Франко. С конца 1933 г. Ф. Франко стал часто бывать в Мадриде, порой надолго задерживаясь там. 8 феврале 1934 г. в его доме на улице Костельяно, № 28 от воспаления легких скончалась его мать донья Пилар, к которой Франсиско был очень привязан.

В марте 1934 г. Франко, как всегда досрочно, получил чин дивизионного генерала. В связи с этим назначением военный министр Д. Идальго позднее написал о своем подчиненном: «Франко был предан своей профессии до конца и был наделен всеми достоинствами профессионального военного; он много работал, ясность его мышления, понимание и общее образование, — все было поставлено на службу армии».

Новый режим вполне соответствовал настроениям сорокалетнего (ему как раз исполнился 41 год) генерала, он сулил ему хорошие перспективы в будущем. Лозунг новой власти звучал так: «Превыше всего Испания, превыше Испании — Бог». Это вполне соответствовало собственным взглядам генерала Франко. Со своей стороны правительство, возглавляемое центристом Алехандро Леруссом, смотрело на Ф. Франко как на

признанного лидера армии. Его умение действовать решительно и жестко могло оказаться совершенно необходимым в условиях социально-экономического кризиса, усиленного неумелыми реформами прежнего правительства. Левые силы, ранее выступавшие против реформаторов, теперь обвиняли центристов и правых в ухудшении экономической ситуации.

Нараставшее общественное недовольство проявилось в событиях, начавшихся 5 октября в Астурии, когда протест против вхождения в правительство трех новых министров, принадлежавших к СЭДА, перерос в вооруженное восстание. Шахтеры и металлисты захватили армейские склады, вооружились и провозгласили собственную республику. Органы государственного правления, полиция и воинские части были разогнаны. Это восстание стало частью широкого мятежа, руководимого левыми, который по замыслу его организаторов должен был охватить многие районы страны. Подготовившие это выступление левая республиканская партия «Республиканский союз», каталонские и баскские сепаратисты, социалисты и коммунисты рассчитывали таким образом вернуть утраченную после выборов 1933 г. власть. Но их ждало разочарование — почти по всей стране анархо-синдикалисты отказали им в поддержке.

Восстание было быстро подавлено силами войск и полиции. Лишь в Астурии, где анархисты возглавили борьбу, восставшие добились временного успеха. «Астурийская коммуна», хозяйничавшая на довольно большой территории, не смогла избежать некоторых, как говорили левые, перегибов и ошибок. Например, в Хихоне первым декретом восставших была отменена собственность. Деклассированные элементы занялись грабежами домов и магазинов. Не удалось сдержать акты насилия против священников и культовых зданий, которые становились добычей поджигателей.

Как только начались беспорядки, правительство отозвало Ф. Франко в распоряжение военного министерства на должность военного советника с задачей способствовать пресечению беспорядков. Ему предложено было использовать войска, расположенные на территории протектората, в первую очередь Терсио и марокканские части. 10 октября передовые части «африканистов» высадились в Хихоне. Войсками командовал старый приятель Ф. Франко полковник Х. Ягуэ. Пятнадцатидневные кровопролитные бои, в которых обе стороны проявили упорство и ожесточение, закончились поражением анархистов. Исследователи расходятся в определении числа убитых и раненых.[5]

Думается, сваливать всю вину за кровопролитие в Астурии на Франко неоправданно. Виновных в этих событиях с той и с другой стороны было достаточно. В их числе и лидеры повстанцев, методы борьбы которых не всегда согласовывались с принципами человеколюбия и совершенно игнорировали права собственности. Консервативные либералы из правительства А. Лерусса внесли свою лепту в кровопролитие, используя для подавления беспорядков легионеров Терсио и марокканцев, чей моральный облик и методы ведения боевых действий, к которым они имели пристрастие, были хорошо известны. Ф. Франко в этой ситуации был военным, исполнявшим приказ и старавшимся сделать свое дело как можно быстрее. Но факт остается фактом. Орден Большой Крест, полученный им в феврале 1935 г. за бои в Астурии, вряд ли можно назвать почетной наградой.

В общественном мнении популярность Франко значительно поблекла после этой операции. Многие в Испании приветствовали обуздание левых экстремистов, но были возмущены использованными методами. Особое недовольство вызывало привлечение марокканских войск, исторически сложившаяся неприязнь к которым для многих была сильнее социально-политического антагонизма.

До марта 1935 г. Ф. Франко числился в военном министерстве в качестве военного советника, затем новый военный министр Хиль Раблес (самая заметная фигура правых) назначил его начальником вооруженных сил в Марокко. Три последующих месяца командования войсками на территории протектората являлись необходимым этапом для нового повышения. Пока Франко занимался восстановлением дезорганизованных реформой воинских частей, раньше считавшихся лучшими в армии, его собственная судьба решалась в высших эшелонах власти. Новое назначение начальником Генерального штаба по сути сделало его в мае 1935 г. первым генералом Испании, поскольку и президент, и военный министр не были военными. Кроме признания военного опыта и воинских заслуг, назначение на третий по значимости пост в структуре вооруженных сил указывало на изменение статуса: высокопоставленный военный превратился в одну из центральных политических фигур среди правых, своего рода «длинную шпагу» лагеря традиционалистов.

Республиканское правительство А. Лерусса представляло собой худший образчик властной структуры времен либеральной Монархии. Оно состояло по преимуществу из представителей прежней политической элиты, которые не извлекли никаких Уроков из факта крушения монархии и культивировали все

Недостатки прежней манеры правления. Взяточничество и интриганство привели к полной утрате правительством политического и морального авторитета. Под давлением левых партий осенью 1935 г. президент А. Самора принял решение а роспуске кортесов и правительства.

На 16 февраля 1936 г. были назначены новые выборы, в ходе которых правым и центристам предстояло столкнуться с объединенным блоком партий Народного фронта. Этот блок, в состав которого вошли Республиканский союз, Всеобщий союз трудящихся, Левореспубликанская партия, Каталонская левая, а также социалистическая и коммунистическая партии, был создан 15 февраля 1936 г. Он шел к выборам с умеренной программой, содержавшей преимущественно экономические требования, что давало основания надеяться на определенный успех.

Правые отнеслись к созданию Народного фронта спокойно, рассчитывая, что все вышеперечисленные партии были недостаточно влиятельны без поддержки анархо-синдикалистов и контролируемых ими профсоюзов (НКТ), а монархисты на первых порах собирались игнорировать выборы. Однако накануне выборов анархисты, оценив ситуацию, пришли *к* выводу об опасности победы правых. Инстинкт самосохранения вынудил анархистов присоединиться к тому лагерю, победа которого не угрожала их положению самой влиятельной левой силы. 14 февраля они призвали своих избирателей голосовать за Народный фронт. Правые в лице СЭДА и примыкающих движений, уверенные в собственных силах, не искали сближения с центром, дискредитированным двумя годами «пребывания во власти».

В результате из 9 300 000 участников выборов 4 654 11б проголосовали за Народный фронт. Националисты получили 4 503 524 голосов, но 449 000 из них принадлежало центристам. Для правых это означало полное поражение, ведь, несмотря на минимальный разрыв, существовавшая мажоритарная система отдавала право формирования правительства блоку левых партий. Правительство вновь формировал склонный к реформаторству М. Асанья. Одновременно в Мадриде и других городах происходили массовые митинги сторонников победителей. Начинался очередной этап вакханалии «свободы».

Ф. Франко и некоторые другие военные поставили вопрос о необходимости введения военного положения. Вечером 16 февраля начальник Генштаба в телефонном разговоре с командующим гражданской гвардией «африканистом» генералом Пасасом высказал опасения, что массы на улицах «попытаются извлечь из выборов последствия, не заложенные в результатах

голосования». Он предложил вывести на улицы войска. Однако растерянность правых и правительства привела к утрате контроля за ситуацией в стране.

Анархисты восприняли победу Народного фронта как карт-бланш на свои мероприятия по разрушению старого и строительству нового общества. По всей стране начались расправы над теми, кто голосовал за правых, относился к числу их приверженцев или рассматривался в качестве «эксплуататоров». Один из таких эпизодов расправы люмпенов, руководимых экстремистами, прекрасно описан в романе Э. Хэмингуэя «По ком звонит колокол?». Вновь, как в момент свержения монархии, запылали церкви и монастыри, банды пистолерос (наемных убийц) организовывали уличные стычки.

Чтобы остановить волну насилия, развязанную анархистами, 17 марта правительство М. Асаньи объявило вне закона «самую яростную группу испанского фашизма — Фалангу». Фашистами правительство окрестило всех, кто пытался протестовать против экстремистских бесчинств и бессилия правительства в борьбе с ними. К фашистам были причислены крестьяне, возмущенные поджогами церквей, буржуазия, не желавшая отдавать свое имущество, военные, недовольные обилием вооруженных «дружинников» из ИСРП, КПИ и акархо-сикдикалистских групп, — словом все, кого не радовал разгул беззакония и самоуправства. В противовес объединению сил Народного фронта ускорилась консолидация национал-традиционалистов. Фалангисты и «зеленые рубашки» из молодежных отрядов «католического действия» не уступали в жестокости левым экстремистам. Экстремистские методы скоро стали использоваться всеми сторонами.

Правительство открыто декларировало свои симпатии и антипатии. Так, 19 мая Касарес Кирога, сменивший на посту главы правительства М. Асанью, избранного президентом, заявил во время дебатов в кортесах, что его правительство считает себя находящимся в состоянии войны с Фалангой и сторонниками фашизма. Таким образом, премьер-министр «демократической республики всех классов и сословий» противопоставил себя и 34,3 % испанцев — 33,2 % своих соотечественников, голосовавших на выборах за правых. Другими словами, треть испанских граждан была поставлена как бы вне закона.

В такой ситуации переход от парламентских методов борьбы к насильственным был неизбежен и закономерен. Заговор против правительства левых вызревал в военной среде, бывшей традиционно наиболее активной частью испанского общества. «Военный союз» {UNE), в который вошли многие генералы и

офицеры, в том числе Ф. Франко, занялся подготовкой военного переворота.

Условия для этого были вполне подходящими. Вторую республику безоговорочно поддерживали только каталонская автономия и мадридский пролетариат. Остальные регионы и слои испанского общества были далеки от единодушия в отношении республики. Многие крестьяне устали ждать обещанной земли и были возмущены надругательством над церковью. Большая часть буржуазии беспокоилась по поводу покушений на собственность и желала пресечения анархистского разгула. Однозначно негативно относились к республике монархисты, главной опорой которых была старая земельная аристократия, которой правительство перестало выплачивать компенсацию за конфискованные земли. Результаты февральского голосования свидетельствовали, что треть испанцев сохранила симпатии к национал-традиционалистам, а другая треть, не участвовавшая в выборах, прониклась подобными симпатиями в ходе очередного витка реформ. Именно на эти разнородные силы опирались правые организации от Фаланги до монархистов Рекете. Армии предстояло стать главной ударной силой в борьбе традиционной Испании за право на существование. Ей было обеспечено благословение церкви и симпатии той части населения, которая хотела не великих потрясений, а «великой Испании», живущей в условиях законности и порядка.

Дивизионный генерал Ф. Франко полностью разделял эти чувства и усиленно работал для их реализации. Будучи человеком военным, привыкшим мыслить исходя из конкретных условий, он видел, что обещанные крестьянам наделы и народные школы остаются в области благих пожеланий, а разгул экстремизма стал обыденным явлением, что процветание страны только обещано, а ее развал — налицо, что провозглашенное национальное согласие вылилось в ожесточенное противостояние внутри нации. Он думал и действовал, исходя из реалий, а выбор его был обусловлен той системой ценностей, на которой он был воспитан.

Ф. Франко стал одной из ключевых фигур готовящегося мятежа. Он, генерал Мола и генерал Варела, представитель находившегося в эмиграции генерала Сакхурхо, составили организационный комитет, разрабатывавший планы переворота. Именно Франко и Мола отклонили два «весенних» проекта выступления, потому что они казались преждевременными, а главное потому, что в них предполагалось основной ареной действий сделать Мадрид. А ведь Мадрид был безусловно предан Второй республике. Мятеж планировался как выступление всей

страны против двух столиц — Мадрида и Барселоны. Большая часть испанской провинции могла стать опорой движения.

Собственный план Франко и Мола был третий по счету. Он был более тщательно разработан, отличался широтой замысла, обращал внимание на необходимость координировать действия «Военного союза» и армии с другими политическими силами правого толка. Генерал Мола, командующий военным округом Наварры, с санкции Санхурхо взял на себя роль «директора» готовившегося переворота и его основного разработчика.

В общих чертах план был таков: предполагалось, что против республики выступят все восемь военных округов, флот и войска протектората. На этот счет существовала договоренность со всеии командующими. Успех в Мадриде представлялся сомнительным, поскольку именно в Мадридском округе была сосредоточена большая часть офицеров, верных правительству. Поэтому к Мадриду надлежало двинуть несколько колонн с разных направлений. Одновременно на полуостров предполагалось перебросить Терсио и другие военные части из Марокко. Сначала намечалось овладеть Мадридом, затем Барселоной. Успех был возможен только в том случае, если армия обеспечит себе контроль над крупными центрами страны.

В обязанности Ф. Франко входило командование марокканским корпусом, основной ударной силой движения. Сначала ему было предложено возглавить выступление, но он отказался, предложив кандидатуру Санхурхо. Можно предполагать, что отказ объяснялся не скромностью, излишком которой Франко не страдал, а сознанием того, что он лучше других знал особенности колониальных войск и мог с наибольшей эффективностью использовать свой опыт в действиях этих воинских частей.

Грандиозный заговор готовился почти открыто, о нем знали не только те, кто собирался в нем участвовать, но и многие посторонние лица.

Еще в мае 1936 г. лидер социалистов И. Прието прямо говорил о Франко как о человеке, способном возглавить выступление армии. Касарес Кирога, скорее всего, располагал информацией о планах заговорщиков, но правительство бездействовало. Возможно, премьер рассчитывал подтолкнуть заговорщиков на преждевременное выступление, которое удастся подавить и получить основание для репрессий против сторонников правых. Иначе трудно объяснить непоследовательность кадровой политики мадридского кабинета в армии. Например, направление бывшего главы контрразведки страны генерала Эмилио Мола Видаль в Памплону. На первый

взгляд, такой шаг в отношении бывшего главы сегуридада, как его назначение в оппозиционно настроенный округ, где антиреспубликанские настроения даже не пытались скрыть, выглядел неразумно, но его можно воспринять иначе, если учитывать возможность грандиозной провокации, затеянной республиканским руководством.

Между тем оппозиционная часть генералитета сознавала, к каким последствиям может привести их конспиративная деятельность, и действовала крайне осторожно. В отличие от путча Санхурхо 1932 г., новое выступление было организовано основательно и, что важнее всего, опиралось на возросшее к этому времени недовольство широких слоев населения. Мероприятия по подготовке мятежа были завершены к середине июня 1936 г.: были проинструктированы сотни высших и средних офицеров армии и отрядов правопорядка, проведены консультации с лидерами различных политических движений правого толка, согласованы планы совместных действий. Генерал Мала в штабе своего округа в Памплоке выжидал момента для того, чтобы отдать приказ о начале выступления.

Печально, но факт: эскалации событий ждали все. Не было ни одной организованной силы, желающей остановить волну насилия. Либералы ждали повода для расправы над правыми. Левые рассчитывали, что раскрытие готовящегося мятежа создаст «революционную ситуацию», что позволит продолжить дальнейшую ломку социальной структуры общества. Правые и сочувствующие им ждали, когда армия одернет осмелевших радикалов и покончит с либеральной республикой. Дальнейшие планы варьировались: одни рассчитывали на возвращение короля, другие — на установление корпоративного государства, напоминающего Германию или Италию. Мятеж был нужен всем и потому не мог не начаться.

12 июля неизвестными был убит лейтенант Х. Кастильо, офицер службы безопасности, преданный делу республики. В ночь на 13 июля гражданские гвардейцы, приверженцы левых, вместе с активистами организации социалистической молодежи выкрали и расстреляли под Мадридом популярного представителя правого блока Х. Кальво Сотело. В общей накаленной атмосфере массовые манифестации, в которые вылились похороны двух убитых, стали сигналом к переходу от противостояния к противоборству «двух Испании».

В кортесах выступил Х. Раблес, обратившийся к правительству со словами: «То, что вы называете фашизмом, — это чувство здорового и священного возмущения, завладевшего сердцами испанцев… Период, который вы отметили своей

печатью, останется периодом величайшего позора для режима, для системы, для нации. Мы не расположены терпеть продолжение этого фарса».

Столкновение стало неизбежным. Его ждали все, в том числе генерал Франко, не раз говоривший: «Главная задача моей жизни — вернуть испанцам гордость быть испанцами». Рано утром 17 июля 1936 г. во все концы страны полетели телеграммы предельно краткого содержания: «17 в 17. Директор». Это был призыв генерала Мола к началу мятежа.

ГЛАВА IV
ГЕНЕРАЛ СТАНОВИТСЯ КАУДИЛЬО

Утром 19 июля 1936 г. на военном аэродроме неподалеку от административного центра испанского Марокко города Тетуан приземлился скоростной двухмоторный самолет, на борту которого прибыл единственный пассажир. Это был маленького роста полнеющий мужчина в штатском, считавшийся одним из самых известных испанских боевых генералов, бывший начальник Генерального штаба, а в тот момент опальный военный комендант Канарских островов дивизионный генерал Франсиско Франко Баамонде. В соответствии со сценарием заговорщиков он должен был возглавить мятежные войска протектората.

Восстание в Марокко началось несколько ранее — 17 июля немедленно по получении кодированного радиоприказа генерала Мола. К моменту прибытия нового командующего мятежникам удалось полностью взять под контроль ситуацию в Северо-Африканских владениях Испании. Энергичные действия военных по нейтрализации сторонников республики в административном руководстве протектората привели к тому, что 18 июля президент и премьер-министр республики полностью утратили контроль над положением дел в Марокко.

По законам военного времени были спешно судимы и расстреляны верховный комиссар протектората А. Буилья, начальник военной администрации генерал Рамиралес, ряд других официальных лиц и функционеров политических организаций и профсоюзов. Очаги вооруженного сопротивления возникли в населенном пункте Ларache и на военно-воздушной базе под Тетуаном, где сопротивление возглавил двоюродный брат Ф. Франко офицер ВВС Пуэнте Баамонде, который погиб в бою с мятежниками. Эти незначительные и разрозненные выступления против власти военных были быстро подавлены. К мятежу присоединились воинские части, расквартированные в Марокко, за исключением нескольких кораблей, ушедших на полуостров.

Мероприятия по привлечению колониальных войск на сторону мятежников осуществил давний приятель Ф. Франко, сменивший его в свое время на посту командира Иностранного легиона, Х. Ягуэ. Франко в качестве командующего Африканской армией оставалось лишь начать запланированную переброску войск в Испанию для поддержки поднятого военными восстания. Сорокатысячной Африканской армии, состоящей в основном из

легионеров Терсио и национальных марокканских частей, предстояло стать решающим аргументом националистов в начавшейся борьбе «двух Испании».

Накануне 18 июля в пять часов пятнадцать минут все радиостанции Канарских островов и Марокко транслировали обращение Ф. Франко, в котором он объявил о начале национального выступления и предложил испанцам присоединиться к восстанию. Несколько часов спустя правительство Касареса Кироги сообщило о начале антиреспубликанского мятежа в Марокко, но заявило о полном спокойствии, царящем в Испании.

Между тем события с разной долей успеха для мятежников разворачивались по всей Испании. С африканского берега путч перекинулся в западную Андалусию. Обладание этой территорией было очень важно, поскольку сюда удобнее всего было перебрасывать войска из Африки и затем продвигаться на Мадрид и в другие районы страны.

Андалусия, не имевшая развитого индустриального сектора экономики, а следовательно, многочисленного промышленного пролетариата с его серьезными политическими организациями и прореспубликанскими симпатиями, представляла прекрасный плацдарм для расширения базы мятежа.

6 период с 18 по 19 июля генерал Кейпо де Льяно, ответственный за операции мятежников в Андалусии, опираясь больше на собственную дерзость, нежели нз реальные силы, сумел сместить или арестовать лояльных республике военачальников. В столице края Севилье он лично арестовал гарнизонное руководство и нескольких командиров воинских частей, ссылаясь на удачное развитие военного переворота. Так, сдачи военного аэродрома Кейпо добился в телефонном разговоре с его начальником! Захватив радиостанцию Севильи, объявил об удачном начале мятежа, опережая тем самым развитие событий, В своих действиях Кейпо мог реально опереться на сотню солдат и пятнадцать фалангистов, составлявших его армию.

Многочисленные, но плохо вооруженные и еще хуже организованные сторонники Народного фронта в Севилье, оставив центр города в руках мятежников, занялись возведением баррикад на окраинах. Сопротивление было подавлено к 20 июля войсками округа, поддержанными бойцами националистских организаций и частями прибывающей Африканской армии. Сравнительно легко перешли в руки мятежников Кордова и Кадис.

В другом крупном центре провинции — Гранаде события

развивались по севильскому образцу. В течение 20 июля мятежниками были захвачены центр города и ряд важнейших объектов, таких, как завод боеприпасов в предместье Эль Фарга и военный аэродром Армилья. Гражданский губернатор и начальник гарнизона были арестованы. Прореспубликански настроенная часть населения укрылась в районе Аль Байсина. Бои с применением артиллерии продолжались в этом районе города с 21 по 23 июля.

В книге Ж. Сориа по поводу этих событий говорится, что войска гарнизона обстреливали из пушек этот рабочий район. Между тем, по собственным наблюдениям автора, даже спустя шестьдесят лет после описываемых событий Гранада не располагает крупными промышленными предприятиями, а значит и местами компактного проживания промышленного пролетариата. Не удалось найти сведений о том, что заводы и фабрики существовали в городе прежде. Аль Байсин традиционно является местом обитания преимущественно деклассированных элементов, а также цыган, африканских эмигрантов, мелких торговцев и студентов университета.

Подтверждение этого содержится в книге исследователя творчества Лорки и знатока Гранады Я. Гибсона, который, критикуя статью своего коллеги Х. Акарсио о поэте, приводит его высказывание о том, что враги Лорки таились на городском «дне» в притонах близ Альамбры, где собиралась богема и цыгане и пышным цветом цвели различные темные страсти и извращения. Аль Байсин расположен близ Альамбры. Вероятно, там проживали рабочие и мастеровой люд, но называть этот квартал рабочим, по мнению автора, представляется, по меньшей мере, преувеличением.

Успех мятежников в Андалусии не был полным, поскольку верными правительству оставались Хаэн, Малага, Уэльва и Альмерия. В целом по стране ситуация оставалась неопределенной. Огромные территории от западного участка границы с Францией до Галисии и от Гибралтара до Леона оказались в зоне мятежа. Это были сельскохозяйственные районы, где политическая платформа национал-традиционалистов соответствовала настроениям значительной части населения.

19 июля по призыву генерала Эмилио Мола Видаля качался мятеж в возглавляемом им 4-м военном округе, тем самым Наварра и часть Арагона тоже оказались вовлеченными в движение традиционалистов. Здесь мятежники, опираясь на крупные, прекрасно подготовленные группы карлистов и объединения других правых партий, добились успеха.

Инзче развивались события е индустриальных районах

Испании. В Мадриде заговорщики не могли рассчитывать на серьезную общественную поддержку, а лишь на непосредственно подчиненные им военные части. Кроме того, премьер-министр республики Касзрес Кирога, предполагавший, что основной ареной мятежа станет столица, заблаговременно провел ряд кадровых перестановок среди командования военного округа, чем существенно осложнило положение заговорщиков. Новый глава правительства, Х. Хираль, кроме того, отменил запрет на вооружение отрядов рабочей милиции, которая вместе с подразделениями верной правительству Гражданской и Штурмовой гвардией взяла под контроль гарнизонные объекты. Таким образом, силы военных в столице оказались блокированными и обреченными на пассивное ожидание.

Главным опорным пунктом восставших в Мадриде оказалась расположенная в центре города казарма «Монтанья», где вместе с военными укрылись отряды гражданских фалангистов. Генерал Фанхуль, командовавший этой группой, в ожидании подхода войск Молы приготовил казарму к осаде. В течение двух дней правительственные силы после ряда атак, артобстрела и бомбардировки с воздуха штурмом овладели казармой. Мятеж военных в Мадриде был подавлен.

В крупнейшем торгово-промышленном центре страны Барселоне ситуация складывалась следующим образом: столица Каталонии имела самую развитую в стране индустриальную инфраструктуру, а следовательно, достаточно многочисленный промышленный пролетариат; огромной популярностью пользовались анархисты и другие левые политические объединения; ключевым в умонастроениях было требование политической автономии. Поскольку националисты были категорическими противниками требований автономии, каталонские сепаратисты должны были стать (и стали) самыми последовательными защитниками демократической республики.

Мятежники могли только надеяться, что энергичное выступление барселонского гарнизона (второго по численности в стране) обеспечит им контроль над столицей Каталонии. Однако этим надеждам не суждено было сбыться: мятеж открыто поддержала лишь часть гарнизона, прочие не покинули мест дислокации и были разоружены силами правопорядка, отрядами анархистов и рабочими дружинами, верными правительству республики. Те же войска, что вышли на улицы вскоре, утратив связь, а значит и возможность координировать действия отдельных частей, были быстро разгромлены в уличных боях. К исходу 20 июля с угрозой мятежа в Барселоне было практически покончено.

В третьем по значению промышленном районе страны — Леванте (столица — Валенсия) правительство Второй республики полностью сохранило контроль над ситуацией. На севере страны наблюдалась такая же картина: выступления военных в Хихоне, Сантандере, Бильбао либо не состоялись вовсе, либо были быстро подавлены.

Но ключевое значение в первые дни мятежа имела позиция, занятая военно-морским флотом. Можно сказать, что от него зависела победа или поражение восставшей армии, ведь главная ударная сила мятежников, способная гарантировать им успех даже в случае неудачи в важнейший центрах полуострова, находилась в Марокко. Африканская армия могла эффективно помочь лишь в случае ее быстрой переброски из протектората в Испанию, а такая операция была возможна только при условии, что весь флот или большая его часть присоединится к мятежникам. Без этого форсирование Гибралтара могло обернуться катастрофой. Между тем события на флоте развивались по худшему для заговорщиков сценарию: большая часть боевых кораблей осталась верна республике.

В силу специфики флотской службы, где для обслуживания сложных механизмов требовался грамотный матрос, основной контингент моряков набирался из индустриальных рабочих. Рабочие, приходя на флот, приносили с собой популярные в их среде политические идеи анархо-синдикализма. Отсюда — большая политизированность флота и, как правило, активная позиция моряков в политических вопросах. Заговорщики не смогли справиться с прореспубликански настроенными командами кораблей.

В руки националистов все же попало несколько боевых единиц основных классов военных судов, но большая часть находилась в достройке или в состоянии вооруженного резерва и приведение ее в боеспособное состояние требовало времени. Республиканские ВМС, даже не осуществляя активных действий, несли потенциальную угрозу трансгибралтарскому маршруту, чрезвычайно важному для мятежников. В результате, когда первые колонны мятежников в 20-х числах июля вели севернее Мадрида бои с отрядами народной милиции, основная масса войск националистов в Марокко была обречена на бездействие в ожидании переброски на европейский материк.

20 июля при перелете из Португалии в Бургос в авиакатастрофе погиб руководитель восстания генерал-капитан Санхурхо. Это событие сыграло определяющую роль в судьбе путча и генерала Франко. Прежние планы заговорщиков в новых условиях подлежали пересмотру и корректировке.

С первых дней мятежа в стране воцарился хаос. Обстановка накалилась до предела. Руководители обеих политических группировок оказались не в состоянии правильно оценить ситуацию и организовать необходимые для упрочения своего положения мероприятия. Под давлением левых правительство Кэсареса Кироги ушло в отставку, ему на смену пришел кабинет, возглавляемый Хосе Хиралем. Впрочем, было очевидно, что новое правительство слабо ориентировалось в сложившейся ситуации.

После подавления выступления военных в республиканской зоне были поспешно распущены все армейские части, в том числе и те, которые проявили лояльность режиму. Республиканское правительство предпочло опираться на поспешно увеличенные отряды народной милиции, Гражданской и Штурмовой гвардии. Именно они были отправлены на борьбу с наступающими на Мадрид с севера колоннами генерала Мола. Характерно, что к формированию первых частей народной армии, вступивших в сражение в Сьерра-Гвадарраме, правительство республики практически не имело отношения. Их созданием руководили партийные комитеты, сбивавшие наспех отряды из вооруженных людей, ставившие над ними первых попавшихся командиров и поспешно отправлявшие их навстречу противнику Подобное происходило во всех центрах республиканской зоны.

Власть правительства уступила место порыву масс. Законность была подменена «классовым чутьем», а военная дисциплина — «революционной сознательностью». Единого руководства вооруженными силами практически не осуществлялось. Милиция несла большие потери в столкновениях с противником и отступала. Полного разгрома республиканцам удалось избежать лишь потому, что мятежники переживали сходные трудности, и сил для решительного наступления на Мадрид у них не было. Войскам, направленным Молой для взятия столицы, удалось добиться лишь частичных успехов: преодолевая упорное сопротивление сторонников республики, националисты занимали город за городом, но главная цель оставалась недосягаемой.

Мятеж, в том виде, как он первоначально замышлялся, потерпел неудачу. Республика оказалась прочнее, чем предполагали заговорщики, расчет на то, что она падет за сутки-двое, не оправдался. Испания, ее территория, население, хозяйство, промышленный и военный потенциал оказались поделенными примерно поровну между националистами и республиканцами, причем на стороне последних оказались мощнейшие промышленные центры: Мадрид, Барселона, Бнльбао, Сантандер. Верность республиканскому правительству сохранила

большая часть военного флота и значительная часть испанских ВВС. В парках и арсеналах правительственной зоны находилась примерно половина вооружения и техники армии. Правда, армия была распущена, а ее вооружение использовалось партийными дружинами, добровольцами. Новые вооруженные силы еще надо было создать.

Неудача военного переворота объясняется рядом причин, среди которых первой и важнейшей является позиция, занятая военным флотом, поддержавшим правительство Второй республики, а это не позволило задействовать Африканскую армию, главный козырь традиционалистов.

Вторая причина заключалась в том, что заговорщики, верно оценившие слабость правительства Второй республики, не учли энергии и возможностей политических партий и движений, его поддерживавших и сумевших организовать массы сторонников республиканского режима.

Не меньшее значение в неудаче имела слабая координированность действий и пассивность руководства мятежников, нередко предпочитавших активным действиям на улицах пассивное выжидание в казармах. Это особенно заметно при сопоставлении действий мятежных военных в Андалусии и в Мадриде. Энергия генерала Кейпо заменила ему войска и принесла успех, а пассивность Фанхуля в столице свела на нет возможности достаточно мощной группировки.

Итак, мятеж не принес его инициаторам быстрой и полной победы. Половина Испании не признала власти восставших генералов, в руководстве националистов царила растерянность и подавленность. В сложившейся ситуации мятежникам оставаясь либо бежать или «идти с повинной», либо продолжить борьбу. Одним из немногих генералов, не потерявших надежды на успех, был Ф. Франко. Он здраво рассудил, что рано говорить о поражении, пока не задействована сила, на которую мятежники делали основную ставку — Африканская армия.

Франко не был центральной фигурой разворачивающихся событий, главные роли на первых порах исполняли другие. В созданном 23 июля в Бургосе первом правительстве националистов — Хунте национальной обороны — для Франко не предусматривалось никакого руководящего поста. Возглавил Хунту генерал Кабанельяс. В ее состав вошли генералы Э. Мола, М. Понте, Ф. Давила и А. Соликет. По отношению к Франко Хунта лишь подтвердила его назначение на пост командующего Африканской армией. Отстранив Франко от политической власти, Хунта оказала ему, сама того не ведая, серьезную услугу. Африканский генерал, первым провозгласивший утром 18 июля

начало националистского восстания, оказался в глазах многих наименее виновен в первоначальной неудаче мятежа. Отодвинутый от политических рычагов, Франко продолжал активно работать.

В поисках выхода из сложившейся ситуации он решил обратиться к Германии и Италии с просьбой о предоставлении боевых самолетов для переброски Африканской армии в Испанию. Письмо Франко к Гитлеру, посланное 26 июля и переданное по специальным каналам, получило отклик. В последних числах июля в Марокко приземлилась первая двадцатка многоцелевых самолетов «JA-52». Эти машины можно было использовать не только для бомбометаний, но и как транспортные. Почти одновременно Муссолини согласился предоставить Франко бомбардировщики. С получением самолетов началась переброска частей Африканской армии в Испанию. Бомбардировщики использовались для прикрытия морских перевозок, а «Юнкерсы» послужили Франко средством для наведения первого в мировой военной истории «воздушного моста». Невиданные раньше темпы перевозок позволили Франко нагнать упущенное время. В начале августа Африканская армия в полной готовности оказалась на юге Испании, составив самую мощную Юго-Западную группировку мятежников.

Кроме очевидной практической пользы от предоставленной итало-немецкой военной помощи, Франко получил в руки политические козыри, проявив себя человеком, с которым готовы сотрудничать лидеры дружественных мятежникам иностранных держав. Удовлетворив просьбу Франко, немецкий и итальянский диктаторы ясно дали понять, что именно он с его «африканцами» кажется наиболее перспективной фигурой в качестве лидера националистов. Формально на тот момент «директором» движения считался Э. Мола, именно его поддерживала Фаланга, партия, родственная по духу правящим партиям Германии и Италии, тем не менее аналогичная просьба командующего армией севера осталась без ответа, а Франко быстро получил просимое. Итало-германские поставки не только позволили Франко провести первую в своем роде операцию по наведению «воздушного моста», но и способствовали корректировке «табели о рангах» в мятежном лагере. Видимо не случайно 3 августа генералы Франко Базмокде, Кейпо де Льяно, Аргас были введены в состав высшего совета Бургосской Хунты.

В первых числах августа восстание перешло на другой качественный уровень — началась полномасштабная гражданская война. Более того, с этого момента в испанских событиях оказались задействованными третьи страны. Первенство в этом

отношении принадлежало не националистам: еще до обращения националистов к Германии и Италии республиканское правительство направило телеграмму с призывом о помощи премьер-министру Франции Леону Блюму.

Новый этап развития событий можно отсчитывать с 6 августа, когда началось крупное наступление южной группы националистов под командованием генерала Ф. Франко на Мадрид. «Большая война» с ее страшными последствиями стала реальностью. Для обеих сторон насилие, и без того бывшее широко распространенным методом действий, стало основным способом решения проблем.

Итак, первоначальный план — совершить быстрый государственный переворот (привычное для Испании пронуксимьенто), опираясь преимущественно на силы армии, не удался. Примерно через полмесяца после того как определился расклад сил в плане территориальном и социально-политическом, после того как произошло размежевание страны на два враждебных лагеря, события переросли на качественно иной уровень — началась длительная полномасштабная междоусобная война.

К войне привело непродуманное стремление столичных реформаторов форсировать развитие урбанистических, технократических тенденций в жизни нации, «подтянуть» страну до уровня промышленно-развитых столиц. По сути, речь шла о стремлении подменить эволюцию революцией, не считаясь с теми проблемами, которые возникнут перед значительной частью общества.

Испанская провинция не увидела положительных сдвигов, обещанных республикой, зато сполна испытала «перегибы», проявившиеся в ходе реформ. Целое поколение испанцев, чьи судьбы были списаны реформаторами как неизбежная плата за быстрый прогресс, увидело спасение в сохранении традиционного образа жизни, в старых привычных ценностях, которые оно поднялось защищать с оружием в руках. Жители промышленных центров, чье стремление сохранить то, что они связывали с утверждением ценностей нового общественного устройства, были по-своему правы. Вина за возникшее в результате столкновения двух позиций лежала не на них, а на прекраснодушных, но непрактичных политиках из разных партий, чьи смелые преобразовательные идеи, бездарно и непоследовательно реализованные, привели к разобщению нации.

Сложившаяся ситуация оказалась выгодной для Франко: он не был лидером на начальном неудачном этапе выступления традиционалистов, он не был ответственен за первые неудачи,

зато в его руках была мощная сила — Африканская армия, удачно организованная переброска Африканской армии на полуостров способствовала изменению места и роли генерала Ф. Франко Баамонде в ряду других руководителей национал-традиционалистского движения.

Определение момента начала гражданской войны представляет собой особый интерес. Дата 18 июля в качестве отправной точки достаточно условна. Если исходить из нее, получается, что тысячи жертв событий, ей предшествовавших, к борьбе «двух Испании» отношения не имеют. Между тем факты указывают на то, что волна насилия захлестнула страну гораздо раньше.

Вот лишь некоторые события, имевшие место в период существования Второй республики: 10 августа 1932 г. — неудавшийся мятеж генерала Сзнхурхо; с 1931 г. по 1933 г. — ряд вооруженных столкновений граждан, недовольных ходом реформ, с силами правопорядка в Пасахес, Аркедо, Севилье, Эстремадуре, Кордове, Касас-Вьехос. Только с января по март 1933 г. было зафиксировано 311 крестьянских восстаний и бунтов. В 1934 г. левые силы подготовили вооруженное восстание, однако не смогли осуществить задуманное в полном объеме — восстание охватило только Астурию и привело к созданию Астурийской коммуны, объявившей о своей независимости. В ходе действий правительственных сил по наведению порядка потери сторон составили свыше 3 100 убитых и раненых повстанцев и 384 погибших и 900 раненых солдат и национальных гвардейцев.

Однако даже такие цифры, указывающие на почти военный характер потерь, меркнут перед тем, что началось после победы Народного фронта на февральских выборах 1936 года. С этого момента началась мощнейшая эскалация насилия, ставшего основным средством политической борьбы. В качестве примера стоит взглянуть на ситуацию в традиционно более спокойной испанской провинции. Вот какая обстановка была в Гранаде (провинция Андалусия) в марте 1936 г.

Девятого марта произошло несколько столкновений между фалангистами и сторонниками Народного фронта, завершившихся перестрелкой на площади Кампилье. На следующий день с городе были сожжены несколько зданий, в том числе: городской театр, считавшийся оплотом фашистов, несколько кафе и типография католической газеты «Эль Идеаль», ряд домов, где размещались политические клубы «правой» ориентации, и несколько магазинов, хозяева которых придерживались традиционных взглядов, и две церкви, являвшиеся излюбленными мишенями для ультралевых.

Точных данных о жертвах названных событий муниципальные власти собрать не смогли. Не поддавалось учету и количество оружия на руках у населения. Только официальных разрешений в первой половине 1936 г. было выдано 270 тысяч. При этом надо учесть специфику страны, где оружие и без того было во многих домах. О количестве незаконных стволов свидетельствует пример той же Гранады, где после мартовских событий властям удалось изъять около 14 000 единиц оружия, преимущественно винтовок.

Можно говорить о том, что как социально-политическое явление гражданская война началась в 1931 г. после провозглашения республики, но лишь после июльских событий 1936 г. конфронтация в обществе переросла в качественно иное состояние — большой вооруженный конфликт двух Испании — Гражданскую войну.

К 1936 г. оба противостоящих лагеря, на которые разделилась Испания, создали несколько десятков боевых групп и дружин, имевших современное стрелковое вооружение, постоянную структуру, регулярно проходивших квалифицированную боевую подготовку. В качестве примера можно указать на судьбу одного из виднейших военачальников республиканской армии Энрике Листера, который незадолго до начала военных действий учился в советской военной школе. Именно эти боевые отряды под командованием людей, знакомых с азбукой современного боя, явились той силой, которая остановила продвижение профессиональных армий мятежников в направлении Мадрида. Их быстрое создание в момент кризиса указывает на заблаговременную подготовку.

Словом, ситуация была такова, что «не проходило и недели, чтобы в городах и селах Испании не оплакивали погибших в обоих лагерях». Приведенные факты свидетельствуют — гражданская война фактически началась много раньше военного мятежа, а 18 июля имело место начало крупного военного выступления традиционалистов. В рассматриваемый период конфликт перешел из скрытого состояния в явное, а вооруженная борьба приобрела новые формы и отчасти из-за вмешательства соседних держав, изменила свой характер.

6 августа 1936 г. Франко отдал приказ о наступлении на Мадрид. План этой операции характеризует его как дальновидного военачальника: отказавшись от эффектных, но рискованных шагов, генерал выбрал вариант, который не обещал немедленного успеха, но отличался осторожностью и одновременно стратегической грамотностью. Соблазн осуществить продвижение войск по линии Кордова-Сьюдад-Реаль-Толедо-Мадрид был велик. Этот путь сулил возможность

быстрого овладения столицей. Но в случае неудачи обе группы националистов по-прежнему оставались бы разобщенными, поскольку между контролируемыми ими зонами лежала Эстремадура, где сохранялась власть республики.

Несомненно, Франко отдавал себе отчет в опасности такого положения, потому и отказался от лавров освободителя Мадрида. Он двинул армию к юго-западу в Эстремздуру. Мадрид оставался главной целью, однако решение задач по овладению столицей откладывалось ради достижения военной стабильности и непрерывности фронта. Успешное продвижение колонн Африканской армии началось по дуге Севилья-Бодахос-Теловера. Общее командование осуществлял Франко, войска вел полковник Ягуэ. Северная армия двинулась на Касерес с конечной задачей объединения двух группировок мятежников. Одновременно войска Молы развернули наступление на севере в направлении Сарагоса — французская граница, что позволило отрезать северную зону республики от возможной французской помощи.

Наступление Южной армии было вполне удачным: националисты продвигались в глубь Эстремадуры, практически не встречая сопротивления. Серьезные бои развернулись лишь при взятии Бадахоса: республиканцы заняли средневековые городские укрепления и в течение дня отбивали атаки марокканцев и легионеров колонны Ягуэ. Впрочем, таких эпизодов было немного, и в течение одного месяца националисты продвинулись на 500 километров.

Главная задача наступления была выполнена: Северная и Южная армии объединились, что сделало возможным тесную увязку в действиях мятежников. Кроме того, прижав тылы к границам Португалии, националисты получили совершенно безопасную рокаду, позволявшую без риска перемещать войска, обеспечивать прохождение обретающих особую важность коммуникаций по удобному транспортугальскому маршруту. При благожелательном отношении салазаровской Португалии основной поток итало-немецких грузов шел через порты этой страны.

На севере усилиями армии и отрядов рекете (так назывались отряды наваррских монархистов) были взяты Ирун и Сан-Себастьян {4 и 13 сентября соответственно). Несколько ранее (3 сентября) под комбинированным ударом двух колонн националистов пала Телавера де Ла Рейна. Успех обеих операций был чрезвычайно важен для националистов. Первая гарантировала почти полную изоляцию северного индустриального района. После второй в руках мятежников оказался важный транспортный узел всего на 112 км юго-

западнее Мадрида.

Еще одним, но уже политическим результатом победы националистов стал новый правительственный кризис: Хосе Хирзля и его правительство сменил коалиционный кабинет Ларго Кабальеро, в который вошли социалисты, республиканцы и коммунисты. Новое правительство проявило заметную активность в военных вопросах: начали создаваться так называемые смешанные бригады, первые в народной армии соединения, близкие по типу к регулярным войскам. Активизировалась деятельность подконтрольного коммунистам «Пятого полка». Но в целом положение в республиканской зоне ухудшалось, потому что решение военных проблем зависело от политической конъюнктуры. Многочисленные отряды анархистской милиции категорически противились созданию армии. Многие такие отряды занялись переустройством государства на новый лад.

Военный мятеж, поднятый ради того, чтобы остановить надвигающуюся социальную революцию, по сути подтолкнул ее начало. Правда, благодаря ему же радикальные преобразования затронули лишь часть страны, оставшуюся под контролем мадридского правительства. В республиканской зоне кардинальные преобразования в социально-экономической сфере, равно как и политической жизни, носили повальный характер.

К этому времени относится появление феномена «либертарного коммунизма» в контролируемом анархо-синдикалистами Арагоне. Сущность нововведений в общих чертах сводилась к тому, что собственность, ранее принадлежавшая кому-либо, переходила в распоряжение анархистских боевиков. В других регионах отряды НКТ, прежде чем отправиться на фронт, осуществляли борьбу с внутренними врагами с помощью расправ и экспроприации. Некоторые преступления анархистского «комитета нового социального устройства Арагона, Рьохи, Наварры», позже переименованного е Арагонский Совет, описаны Энрике Листером. Интересно, что анархистские порядки, установившиеся на значительной части территории страны, правительство Ларго Кабальеро признало законными. Тем самым Вторая республика расписалась в своей причастности к экспериментам «ультра».

Пропаганде ее противников не приходилось придумывать материалы, описывавшие ужасы «красного» террора — их в изобилии поставляли жители Арагона, уходившие от либертаризма к традиционалистам, вкусить анархистской свободы довелось не только жителям Арагона. В Леванте на протяжении нескольких месяцев действовала так называемая «Железная колонна», насаждавшая «революционный порядок» в

Валенсии и окрестностях, пока ее не уничтожили рабочие ополчения под руководством коммунистов. Преступная апатия правительства в тылу дополнялась его полной неспособностью исправить положение на фронтах.

Политическая система, существовавшая во Второй республике до войны, практически была уничтожена. Комитеты повсеместно приходили на смену прежним властный структурам. Ультралевые с восторгом констатировали ликвидацию всех органов государства и крушение прежнего конституционного строя. Охваченные восторгом разрушения, они не понимали, что, подняв волну всеобщего дезинтегрирования, они тем самым убивали единственную политическую систему, способную терпеть их.

Миф, созданный анархистскими мыслителями, о том, что, разрушая традиционный уклад, они выбивают у фашистов почву из-под ног, остался мифом. На самом деле культивируемый хаос объективно работал на пользу традиционалистам, и не только им. В недрах всеобщего «бардака» стремительно росла и крепла еще одна политическая сила, способная побеждать именно в таких условиях и укрепляться на столь зыбкой почве.

Среднестатистический испанец, как любой человек, стремится жить в организованном обществе, особенно когда видит, что анархия приводит к военным поражениям. Поэтому многие из тех, кто искренне сочувствовал республике, вынуждены были проникнуться сочувствием к позиции коммунистов, призывзвших к сплочению и энергичному противостоянию е борьбе с националистами. Сравнительно малозаметная до войны, ИКП стала серьезной политической силой и в значительной степени приняла на себя роль лидера в борьбе республики за существование.

Республика оказалась обладательницей изрядной части вооружений испанской армии и большими, нежели националисты, людскими ресурсами. При грамотном использовании своего потенциала сопротивление могло быть более эффективным. Авиация, большая часть которой осталась в республиканской зоне, либо не использовалась вовсе, либо применялась таким образом, что лучше было бы обойтись без нее. Примером тому может служить отсутствие попыток помешать работе «воздушного моста» националистов и бомбардировки Гранады в июле-августе 1936 г., приведшие к жертвам среди мирного населения и частичному разрушению ценнейшего культурно-исторического памятника крепости Альамбрэ, не имевшей военного значения. В то же время расположенный близ города военный аэродром и завод боеприпасов в предместье Эль

Фарге воздействия авиации не испытывали.

Подобные акции наносили ощутимый моральный ущерб делу республики. В оправдание, как правило, приводится следующий довод: республиканские ВВС имели на вооружении архаичные модели самолетов, а их противники летали на прекрасных немецких и итальянских машинах. Отметим, что число современных летательных аппаратов у националистов было невелико, а республиканцы уже тогда обладали авиаэскадрильей «Испания», в состав которой входили полученные из Франции 30 легких бомбардировщиков «Potez-54» и 15 истребителей «Dewoitine-372», вполне способных противостоять итало — германским самолетам. Это немного, но вполне сопоставимо с тем, что имели традиционалисты. Кроме того, из 400 машин старых систем, которыми располагала Испания, у республики оставалось 300, их тоже можно было использовать по назначению. Военно-морской флот республики на протяжении всей операции по транспортировке Африканской армии в Испанию не препятствовал мятежникам, оставаясь на своих базах.

Но главная трагедия республики заключалась в другом. Многочисленные отряды «милисианос» (ополченцев) бросались в бой разрозненно, были лишены единого командования, в их действиях отсутствовала координация как между родами войск, так и между отдельными частями нз позициях. Бойцы и командиры республики храбро и честно сражались за дело, которое считали справедливым, и so множестве гибли из-за бездарности правительства, из-за его неспособности организовать и координировать их действия.

По другую сторону фронта все было иначе. Неразбериха первых дней мятежа быстро отошла в прошлое. Руководство националистов справилось с ситуацией и, имея в своем распоряжении отлаженную военную машину, быстро добилось подчинения неармейских вооруженных отрядов, изыскало возможности для налаживания четко работающей связи. Их операции расчетливо планировались высшим командованием и умело осуществлялись непосредственно в войсках. Поэтому, несмотря на возросшее сопротивление республиканцев, инициатива оставалась на стороне традиционалистов.

В сентябре 1936 г. перед Франко встал вопрос о том, в каком направлении продолжать наступление. Казалось, все ясно: расположенной всего в 60–70 км от Мадрида и информированной о слабости противника армии надлежало, используя все силы, немедленно идти на столицу. Однако возникла проблема. Дело в том, что к северу от Мадрида, в толедском Алькасаре с самого начала военного мятежа закрепилась группа мятежников во главе

с полковником Москарадо. Вялую осаду Алькасара осуществляли отряды анархистов и штурмовой гвардии Толедо. Изолированному более двух месяцев гарнизону требовалось оказать помощь, поскольку вялая осада крепости отрядами местных анархистов сменилась настойчивыми попытками штурмом овладеть цитаделью восставших.

Учитывал это обстоятельство, Франко принял на первый взгляд неожиданное решение — часть войск с мадридского направления начала продвижение к Толедо. Наступление на Мадрид замедлилось, но зато 28 сентября войска Франко взяли старинную резиденцию испанских королей и деблокировали гарнизон Алькасара.

Такое решение вызывало немало дискуссий и впоследствии вокруг проблемы: был ли смысл ради тактического мероприятия отвлекать часть войск от выполнения стратегической цели — овладения столицей? Думается, был. Взятием Толедо Франко, во-первых, в полной ыере обеспечил южный фланг колонн, шедших на Мадрид, во-вторых, овладел важным коммуникационным узлом, кратчайшим путем, связывающим центр и запад страны с Андалусией. Безусловно, было улучшено военно-стратегическое положение его войск. Однако главным было морально-пропагандистское воздействие, которое эта операция оказала на националистов — своими действиями Франко вселил в своих сторонников уверенность, что «в случае окружения будет сделано все для их спасения».

Жестокость противников вызывала у бойцов обоих лагерей страх перед возможностью попасть в окружение, оказаться в плену. После толедской операции националисты страдали этим страхом значительно меньше. Их оборона была упорной до предела, даже в окружении они сохраняли уверенность в помощи со стороны «своих». Это обстоятельство отметил Э. Листер, враг Ф. Франко, один из наиболее способных и умелых военных руководителей республиканцев, а что может быть ценнее для полководца, чем признание его заслуг со стороны противника?

Обязанность посылать на смерть является составной частью военной культуры. Другая ее часть — понимание необходимости сделать все, чтобы спасти своих товарищей по оружию, попавших в трудную ситуацию. Как видим, Франко в равной степени обладал двумя этими качествами, необходимыми профессиональному военному.

Наступление на Толедо свидетельствовало, кроме прочего, о том, что Франко первым среди руководителей традиционалистского движения перестал мыслить категориями мятежа и осознал, что мятеж перерос в затяжную войну. Иначе

трудно объяснить его желание улучшить общую обстановку на фронте за счет ставшей уже сомнительной операции на мадридском направлении. Правильно понимая изменения в организации вооруженных сил, происходившие по другую сторону фронта, в частности создание шести смешанных бригад зарождающейся Народной армии, генерал Франко торопился использовать имеющиеся у него преимущества.

Успех толедской операции во многом определил успех Франко в борьбе за лидерство, разворачивавшейся в лагере национал-традиционалистов. Хунта национальной обороны, возглавляемая генералом Кабанельясом, считалась организационным центром движения, но была оторвана от реальной военной силы. К тому же она не обеспечивала единовластия, столь важного в складывающейся ситуации. Хунта раздражала военных, обладавших в тот момент реальным влиянием, и была безразлична тем слоям испанского общества, которые культивировали национальные идеи и мечтали о реставрации монархии. Для успешного руководства военной и политической борьбой была совершенно необходима скорейшая реорганизация властных структур.

Реально на роль первого лица в национальном движении претендовали три человека: Франко Баамонде, Мола и Кейпо де Льяно. Четвертый претендент — глава Хунты Кабанельяс армией всерьез не рассматривался. Среди трех основных кандидатов Франко был наиболее вероятным, если принимать в расчет те высокие посты, которые он занимал прежде, а главное — то, что в его распоряжении находилась Африканская армия, сильнейшее военное подразделение традиционалистов.

Впервые вопрос о верховной власти встал на заседании J. D. N. (Хунты национальной обороны) 12 сентября 1936 г. Первые консультации прошли безрезультатно. Франко и Мола не нашли взаимоприемлемого решения. Следующая встреча руководителей традиционалистов состоялась 21 сентября на военном аэродроме под Саламанкой.

Франко основательно подготовился к этой встрече, заручившись поддержкой ряда лиц, чье мнение имело значение в военном руководстве традиционалистов. Главную роль среди сторонников будущего каудильо играл командующий ВВС генерал Кинделан. Ему, убежденному монархисту, Франко дал понять, что является сторонником восстановления в стране королевской власти. Кроме Кинделана Франко безоговорочно поддерживали генералы Оргзс, Милан Астрай, полковник Ягуэ и брат кандидата Николас Франко. В совещании, главной темой которого был вопрос о едином военном руководстве, принимали

участие Кейпо де Льяно, Кабанельяс, Ф. Франко, Давила, Мола, Оргас и Кинделан. Последний и выступил с предложением о возложении верховной власти на Ф. Франко. Из всех собравшихся против такого решения высказался лишь Кабанельяс. Мола, от мнения которого фактически зависело решение, ограничился выражением своего принципиального согласия с назначением Франко.

Окончательное утверждение командующего и решение вопроса о верховной политической и государственной власти должно было произойти на следующем совещании 28 сентября, но состоялось оно на день раньше и в изменившейся ситуации: после взятия Толедо войсками подчиненного Франко генерала Варелы. Эта победа добавила козырей в руки сторонников Франко — он был утвержден командующим. Многочасовые дебаты относительно персоны, коей доверяется государственная власть, закончились безрезультатно. Собравшиеся не приняли проекта декрета, отредактированного Кинделаном и Н. Франко. Согласно этому документу командующий должен был сосредоточить в своих руках всю полноту власти в стране. Термин «глава государства» в итоговом документе был заменен на «глава правительства». С тем участники совещания и разъехались.

Вечером 28 сентября Кабанельяс обсудил в телефонном разговоре создавшуюся ситуацию с Кейпо и Молой. Кейпо рекомендовал продолжать сопротивляться, а Мола посоветовал согласиться с назначением Ф. Франко. Его мнение и определило окончательное решение. Утром 29 сентября Кабанельяс, наконец, подписал декрет, в котором Ф. Франко Баамонде именовался командующим всеми вооруженными силами и главой государства, осуществляющим верховную власть в стране. В тот же день декрет был обнародован. 1 октября 1936 г. в Бургосе состоялась передача власти. Согласно решению, принятому Ф. Франко, местопребыванием правительства была избрана Саламанка. Для размещения нового лидера был предоставлен епископский дворец.

Франко сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Диктатора не смущали оговорки в официальных документах, где говорилось о временном характере его полномочий, распространяющихся только на период ведения военных действий. В отличие от многих своих соратников он трезво оценивал ситуацию, возможности противника и понимал, что война затягивается. Государство, главой которого он был провозглашен, еще надо было завоевать.

ГЛАВА V
БИТВА ЗА ИСПАНИЮ

6 течение первой половины октября 1936 г. «армия Тахо» (так называлась группировка войск националистов, действовавшая западнее Мадрида в районе реки Тахо) осуществляла перегруппировку сил и готовилась к решительному наступлению на Мадрид. Республиканцы в этот момент дважды пытались вернуть Толедо, однако эти попытки успеха не имели. 15 октября националисты начали мощное наступление на столицу с юга, 18 октября их передовые части вошли в Ильекас. Расстояние, отделявшее франкистов от Мадрида, стремительно сокращалось.

Ф. Франко не был военным гением, но грамотным и расчетливым военачальником являлся несомненно. Он правильно оценил свои преимущества, заключавшиеся е большой подвижности механизированных колонн националистов, боевой слаженности подразделений «африканцев» и четком оперативном руководстве войсками. Все это активно использовалось в первый период войны, который по характеру боевых действий напоминал колониальную экспедицию. Именно такая форма была наиболее эффективна в условиях имевшей место аморфности противника. Более того, способ боевых действий просто не мог быть иным — ведь организованного сопротивления противника, которое вынуждало бы планировать и проводить крупные операции, попросту не было. Разрозненные отряды «милисьянос» сметались националистскими колоннами и скорость продвижения по хорошо оборудованной сети дорог на Кастильском плоскогорье от этого никак не менялась. В тылу наступавших оставались огромные территории с их материальными и людскими ресурсами, которые в будущем могли стать базой дальнейшего ведения войны.

В ноябре 1936 г. «армия Тахо» достигла Мадрида. К тому времени ситуация несколько изменилась. Наступление националистов на мадридском направлении 6–9 ноября замедлилось, а республиканское отступление продолжалось, но сопровождалось ожесточенными боями. 15 ноября националисты достигли южных окраин Мадрида — Университетского городка и Каса дель Кампо, но дальше продвинуться не смогли. Их натиск разбился об упорство поднявшихся на борьбу горожан и первых регулярных частей республиканской армии.

Этот первый успех республики оказался возможным не благодаря, а, скорее, вопреки действиям правительства — в ночь

с 6 на 7 ноября руководство республики покинуло Мадрид, министры бежали 8 Валенсию. Практически одновременно войска, обороняющие город, получили приказ отойти и создать линию обороны восточнее города.

Этого не произошло лишь благодаря усилиям политических партий, создавших вместо бежавшего правительства Хунту обороны Мадрида. Председателю вновь созданного военного органа генералу Миахе с трудом удалось предотвратить повсеместный отход войск и сколотить из них группировку, способную удержать город. Усилия этого человека, направленные на преодоление неразберихи и паники, порожденной отъездом правительства, достойны куда более высокой оценки, чем та, что присутствует в отечественной литературе. В дни обороны столицы проявились способности полковника Висенте Рохо, ставшего начальником Генерального штаба республиканской армии. Что касается вклада отдельных политических партий, то значительную роль тогда сыграла КГМ. Но главную роль в событиях, несомненно, принадлежало населению Мадрида.

С особой яркостью высветился весь характер испанской гражданской войны, где две столицы — Мадрид и Барселона, заметно обогнавшие в развитии другие регионы страны, противостояли остальной Испании. В гражданской войне не было правых и виноватых, а Мадрид в своей воле к сопротивлению был прекрасен, как любой город, народ которого не желал видеть хозяйничающих на своих улицах чужих людей с оружием. Именно простые мадридцы, уверенные в правильности своих идеалов, превратили столиц в неприступную крепость, им принадлежит главная заслуга в том, что Мадрид устоял в ноябре 1936 г.

Ожесточенность сражения за Мадрид окончательно засвидетельствовала изменение характера войны, ее форм и методов. Вместо маневренной, напоминающей карательную экспедиционную компанию, ока приобрела облик типичного европейского вооруженного конфликта середины XX века. Противостоящие силы все шире использовали друг против друга массу военной техники: артиллерию, танки, авиацию. С осени 1936 г. на ход боевых действий большое влияние оказывал фактор интенсивности военных поставок. Националисты опирались на поддержку Германии и Италии, республиканцы получали некоторые боевые средства от западных демократий, но главная помощь Испанской республике поступала из СССР.

Известно, что первые итало-германские поставки имели место с конца июля 1936 г. Примерно в то же время правительство Республики приобрело определенное количество боевой техники во Франции, Англии, США, Мексике,

Чехословакии, Польше, Канаде и Нидерландах. С принятием международного решения о невмешательстве объем военной помощи республике сократился.

В поисках нового источника поступления техники мадридское правительство через своего посла в Москве запросило СССР относительно возможности продажи вооружения. 29 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о начале «операции Х», целью которой было оказание военно-технического содействия Испанской республике. Советский Союз заявил о своей особой позиции в вопросе о невмешательстве. Заявление советского представителя от 7 октября 1936 г. гласило: «СССР не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей степени, чем любой из остальных участников соглашения». Тем самым Советский Союз заявил о своей готовности поставлять технику и вооружение республике, равно как Италия и Германия взяли на себя обеспечение потребностей националистов. Первые грузы из СССР качали поступать в Испанию 28 сентября, несколько раньше началась деятельность направленных туда советских военных специалистов. Поток советской военной помощи продолжался до 1938 г. Одновременно националисты получали оружие и технику из Италии и Германии. Вопрос об интенсивности этих поставок стал, без преувеличения, важнейшим в ходе гражданской войны.

В отечественной историографии с подачи исследователей, вдохновленных воспоминаниями эмигрантов-республиканцев, сложилось представление о подавляющем превосходстве националистов в вооружении, которое будто бы возникло за счет огромных объемов итало-немецких поставок и небольших размеров помощи республиканцам. Вот два примера: «С первого же дня на стороне мятежников было значительное военно-техническое превосходство. Оно объяснялось тем, что фашистские государства непрерывно поставляли мятежникам людей и военные материалы»… Это впечатление Пассионарии.

А вот более квалифицированное мнение военного: «Утверждение, будто вооружение, присланное из СССР, было хуже, чем у противника, повторяю, подлый вымысел. Вопрос стоял не о качестве, а лишь о количестве. Франкисты получали значительно больше военных материалов». Оба тезиса представляются весьма спорными. Попробуем разобраться с тем, как обстояли дела с вооружением у обеих воюющих сторон.

Согласно данным советской стороны, Испанская республика получила от СССР следующую технику и вооружение: боевых самолетов — 806, танков — 362, бронемашин — 120, артиллерии — 1 555, винтовок — около 500 тыс. единиц, пулеметов — 15 113

и соответствующее количество боеприпасов. Сравним эти цифры с тем, что получили националисты от Германии и Италии: боевых самолетов — соответственно 600 и 660, танков — 200 и 150, артиллерии — примерно по 1 000 и 700 стволов от каждого из поставщиков. На первый взгляд, эти цифры подтверждают вышеприведенные высказываний относительно превосходства мятежников в самолетах и артиллерии. Но не следует забывать, что СССР был не единственным, кто поставлял самолеты для республики, а потому добавим в состав республиканских ВВС еще 320 машин, полученных от других стран. Таким образом, 1 200 машинам, полученным националистами, противостоят 1 120 — приобретенных республиканцами, превосходство по-прежнему есть, хотя и менее значительное.

Есть исследователи, которые считают, что советские данные не точны. Хуго Томас, чьи подсчеты на Западе признаются наиболее достоверными, приводит данные о советских поставках в следующих цифрах: самолетов — 1 000 штук, танков -900 плюс еще 300 БА. Всего, по его данным, в небе над Испанией сражались 1 300 самолетов националистов и 1 500 — республиканцев. Его данным можно не верить. Однако необходимо принимать во внимание следующее — основные промышленные центры страны оставались за республикой, что предполагало возможность наладить военное производство. Это предположение подтверждается свидетельством советского волонтера, что при содействии советских инженеров было переоборудовано или построено заново несколько предприятий по выпуску военной техники. «В середине 1937 г. на этих заводах было налажено изготовление самолетов И-15, а несколько позже истребителей И-16». Командующий республиканской авиацией И. Сиснерос свидетельствовал: «к концу войны ежедневно выпускался один И-15 и один И-16 за двое суток». В самой Испании было налажено и производство бронетехники, в частности бронемашин на базе грузовика ЗИС-5-UNL-35 или бронемашин «Бильбао», ставших основой броневого парка республиканцев. Другие виды техники тоже производились непосредственно в Испании. Поэтому сравнительно небольшие цифры советских поставок не должны вводить в заблуждение.

В то же время у франкистов, лишенных промышленной базы, цифры поставок напрямую показывали количество техники и оружия в войсках. Собственное военное производство франкистам удалось развернуть лишь в конце 1937 г., после того как они овладели побережьем Бискайского залива, где располагались некоторые предприятия, пригодные для этой цели. Например, производство итальянских лицензионных истребителей Fiat CR-32

испанская фирма «Испано-Авиасьон» начала лишь в 1938 г., когда эти самолеты уже являлись «машинами вчерашнего дня и уступали по своим боевым характеристикам самолетам республики».

Что касается стрелкового оружия, то поставки его были примерно равные. Остается сравнить артиллерию, но количество орудий учету не поддается. Артиллерия, как и стрелковое оружие, достаточно транспортабельна и, следовательно, доступна для сравнительно легкой контрабандной перевозки. Это утверждение особенно справедливо для полевых, противотанковых и зенитных артсистем. Известно, что контрабандный ввоз в республиканскую зону осуществлялся через границу с Францией, когда она была открыта, или морским путем. О морских перевозках имеется следующая информация: за время войны итало-германский флот потопил 53 и захватил 348 судов общим тоннажем 650 000 тонн. На основании этих данных можно предположить, что артиллерии в республиканской армии было больше, чем поставил СССР.

Однако важнейшее значение для понимания действительного соотношения сил имели не количественные, а качественные показатели техники, состоявшей на вооружении республиканцев и националистов. Вплоть до 1938 г., т. е. в период, когда в целом решался исход борьбы, республиканская техника по ряду показателей обладала значительным качественным превосходством. В авиации оно было достигнуто за счет советских истребителей: И-15, И-16 двух модификаций 5 и 10, а также бомбардировщиков СБ. В Испании эти самолеты именовались республиканцами «Chato», «Moska» и «Katiuska». Националисты использовали для этих машин другие имена. Истребители И-15 и И-16 получили прозвища «Curtis» и «Ra-tas», они ошибочно принимали И-15 за американский самолет Кэртис, а И-16 получил неблагозвучное имя «крыса» за компактность и высокую скорость.

Основу истребительного парка фашистов составляли 348 самолетов «Fiat. CR-32» и «125 HE-51». Оба типа истребителей не догоняли республиканские бомбардировщики СБ. Оба уступали в скорости И-16 и маневренности И-15. Отчасти крайне тяжелое положение националистов в воздухе исправили немецкие «МЕ-109». Эти машины оказались способными на равных бороться с советскими истребителями. Однако и в этом случае о превосходстве речь не шла. Авиаконструктор А. С. Яковлев писал: «Наши истребители по скорости не уступали „Мессершмидтам“. Оружие… примерно равноценное, маневренность у наших была лучше и „Мессерам“ сильно от них доставалось». Лишь новый

«МЕ-109 Е» с 1 100 сильным двигателем превосходил советские самолеты. Но появился он в небе Испании лишь к концу 1938 г. Его первое появление на театре военных действий очевидцы датируют второй половиной сентября 1938 г., т. е. тогда, когда судьба республики была практически решена.

Несколько хуже, нежели с авиацией, обстояли дела у националистов с бронетанковой техникой. По всем характеристикам советские танки «Т-26» и «БТ-5» превосходили франкистские машины. Немецкие «PZ-1» и итальянские «CV-3/35», состоявшие на вооружении национальной армии, нельзя считать полноценными противниками республиканским танкам, поскольку они не имели пушечного вооружения, тогда как оба типа советских танков, поступавших в Испанию, были вооружены 45 мм орудием. Кроме того, СССР поставлял республике бронеавтомобили БА-3/6 и ФАИ. Первый имел такую же пушку, как на танках советского производства, что делало этот БА опасным противником для франкистской бронетехники.

В воспоминаниях танкистов-республиканцев звучит одна общая мысль: война в Испании явилась триумфом советской техники, который был сведен на нет полной тактической безграмотностью командования. Превосходство советской техники вызывало зависть у националистов. За захват республиканского танка или БД командование выдавало счастливцам крупные денежные премии, чем стимулировало своих солдат к особому отношению к трофеям. Националистам удалось заполучить около 150 единиц советской бронетехники, которые с успехом использовались в боевых действиях.

Что касается артиллерии и стрелкового оружия, его параметры были равны. Общей проблемой для противоборствовавших армий было наличие вооружения множества различных образцов и калибров, что существенно затрудняло техобслуживание и, главное, снабжение боеприпасами, которых постоянно не хватало обеим армиям.

Защитники республики научились использовать свое оружие, летать, водить танки, поражать цели. Умелые и с избытком храбрые солдаты и офицеры Народной армии не были обеспечены лишь одним — грамотным руководством.

Таким образом, утверждение о подавляющем техническом превосходстве вооруженных до зубов франкистов над почти безоружными республиканцами не имеет под собой оснований. Оружия у республики хватало. Ей не хватало другого — ясных лозунгов, политического единомыслия, воли к победе, элементарного доверия к мнению специалистов, знающих, что необходимо для успешного ведения войны. В частности,

демократическое правительство с недоверием относилось к советским военным советникам и собственным кадровым офицерам, что мешало плакированию и осуществлению операций на фронте.

В таких условиях исход войны был предрешен — ведь по другую сторону фронта все обстояло совершенно иначе. Перед Франко не стоял вопрос о том, какую форму должны иметь вооруженные силы националистов — регулярную или добровольную. Франкистская армия комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности. Строилась она на общепринятых принципах регулярности без малейших признаков добровольности. Все неармейские вооруженные отряды вошли 8 состав армии в качестве обычных тактических единиц.

Некоторой независимостью пользовались лишь итальянские экспедиционные силы и немецкий легион «Кондор». Последнее обстоятельство диктовалось политической обстановкой и далеко не всегда приводило к положительным результатам.

Единоначалие в армии Франко счел нужным подкрепить политическим единством: 19 апреля 1937 г. все партии и движения, придерживающиеся национал-традиционалистских воззрений, слились в единый блок, получивший название «Испанская традиционная Фаланга и ХОНС» (Хунта обороны национал-синдикализма). Такое решение было продиктовано не только военной необходимостью, это была попытка преодолеть различие во взглядах, существовавшее среди разных группировок национал-традиционалистского лагеря. Отчасти оно было навязано политическим партиям самим каудильо, отчасти к нему привело понимание необходимости единства в борьбе с общим противником: вопрос о том, ради чего ведется борьба, был отодвинут ради первоочередной задачи — достижения победы.

Разобщенному республиканскому лагерю, где каждое общественное движение преследовало собственные цели и стремилось достичь их своими методами и средствами, национал-традиционалисты противопоставили монолитный блок, объединивший всех правых от Фаланги до монархистов. Дон Фран-сиско Франко Баамонде стал лидером созданного движения (каудильо), генералиссимусом армии и главой Испанского государства.

Роль правительства в зоне влияния националистов выполняла так называемая «техническая хунта», осуществлявшая функции исполнительной власти. Однако и Национальный совет, формировавший руководство Традиционной Фаланги и ХОНС, и Техническая хунта, позже переименованная в правительство, занимали подчиненное положение по отношению к армейскому

руководству. Это представлялось совершенно естественным в тот период, когда шла война и военные мероприятия занимали Франко в первую очередь.

Ноябрьские бои за Мадрид не принесли успеха традиционалистам. Попытка захватить столицу с ходу не удалась, и войскам традиционалистов пришлось «зарыться в землю» на достигнутых позициях. Война вновь превратилась из маневренной в позиционную. Одновременно Франко отдал приказ о ряде осадных мероприятий, в частности, о систематических артиллерийских обстрелах и воздушных бомбардировках города.

Можно ли назвать такое решение варварским? Безусловно. Так же как аналогичные операции воздушных армад Германии над территориями Восточной Европы и городами Великобритании, проводившиеся по приказу Гитлера, а также бомбардировки немецких городов, осуществлявшиеся по указанию Черчилля. С одной и той же мотивировкой военной необходимости стирались с лица земли города и деревни Вьетнама и Кореи, разрушались объекты в Багдаде и Белграде. Таков облик войны в XX веке. Следует оставить в стороне рассуждения о моральной стороне дела и отнестись к бомбардировкам Мадрида как к чисто военкому фактору.

Главная трагедия Испании заключалась в другом: в споре между испанцами участвовали представители других стран. Кошмаром Герники испанский народ обязан действиям немецкой авиации. Благодаря П. Пикассо об этом баскском городе знают во всем мире. Гораздо меньше известно о разрушении города Вальядолида (одно время бывшего столицей Испании) советскими самолетами СБ, ведомыми советскими летчиками. В этом городе и в Гернике бомбы легли на жилые кварталы. И в том и в другом случае летчики выполняли приказы, служа каждый своему делу, те и другие порой могли ошибаться или сознательно нести смерть и страдания ни в чем не повинным людям.

Солдаты обоих лагерей в равной мере прибегали к жестокостям. Показателен пример, касающийся деятельности одной разведывательной диверсионной группы республиканской армии, описанной ее бойцом. «Наш мадридский отряд только формально подчинялся генералу Миахе, ни генерал, ни его штаб никаких задач перед нами не ставили и удовлетворялись доставляемыми нами разведывательными данными о противнике». Отметим: отряды, на свой страх и риск, без приказов командования осуществляющие в тылу противника диверсионные акции, теряют статус военных формирований. Их бойцы считаются уже не военными, а обыкновенными террористами, более того, это террористы иностранные,

поскольку в группе было много интернационалистов. Однако главное — это применявшиеся группой тактические приемы: «взрывные устройства, которые мы называли „игрушки“, искусно изготовлял полуслепой Андрее… Его „игрушки“ мы брали с собой и под видом безобидных вещей — карманных фонарей, портсигаров, полевых сумок и даже аккордеонов подбрасывали на фронтовых дорогах в ближайших тылах противника». Комментарии излишни.

Обоюдная жестокость сторон стала нормой испанской реальности. Десятки тысяч людей стали жертвами репрессий в тылах той и другой стороны. Характер той войны исчерпывающе обрисовал Антуан де Сент Экзюпери, сказав, что в ней больше расстреливают, словно вырубая лес, чем воюют. Взаимная ненависть и военная вседозволенность порождали массу жестокостей ничем не оправданных и бессмысленных.

В ходе борьбы националистами было репрессировано огромное число людей: выявлению, изоляции или уничтожению подлежали представители левых партий, члены масонских организаций, профсоюзов, лица, просто сочувствовавшие республике, или сотрудники международных объединений, — все, кого с разной степенью основательности можно было отнести к «красным».

Сходная картина наблюдалась и в республиканском лагере, где объектами репрессий оказывались националисты. Однако было и существенное отличие — в республиканском лагере помимо действий сегуридада (службы безопасности) репрессии осуществлялись представителями политических организаций. В этом случае не было даже видимости законности. Основанием для расстрела могло стать наличие галстука или просто «буржуйская» аккуратность в одежде, символизировавшие для анархо-синдикалистов и прочих левацких объединений приверженность враждебному буржуазному миру.

Впрочем, в борьбе двух Испании бывали примеры, когда элементарная порядочность и уважение к человеческой жизни брали верх над ненавистью к политическим противникам. Всему миру известна судьба испанского поэта Гарсия Лорки, убитого франкистами в 1936 г. Гораздо менее известен тот факт, что укрывала его в своем доме семья видных гранадских фалангистов, а приказ о его расстреле, как полагают, отдал убежденный республиканец, герой антимонархического переворота генерал Гонсалио Кейпо де Льяно. Этот экзальтированный антимонархист с садистскими наклонностями вообще несколько перестарался с расстрелами в городах и селах Андалусии и был «одернут» из Севильи, где находилась штаб-

квартира Франко. Командующий южной группировкой националистов предложил Кейпо покинуть армию и заняться гражданским управлением провинции.

Тема трагедии внутринациональной ненависти неисчерпаема. Она, эта ненависть, принесла много бед народу по обе стороны баррикад, и она же очень усложнила процесс послевоенного налаживания жизни. Что касается результатов войны, то они зависели, прежде всего, от степени организованности и подготовленности военных операций.

Новый 1937 год войска националистов встретили на своих позициях под Мадридом. Генералиссимус Ф. Франко в своей столице — Саламанке искал выхода из создавшегося тупика. Мадрид по-прежнему фигурировал в его планах в качестве главной стратегической цели. Слишком соблазнительна была мысль завершить войну одним-двумя ударами, захватив столицу. В начале января Франко вновь попытался овладеть городом, на этот раз нанеся удары в центре и с севера. Армиям Молы и Варелы удалось достичь успехов в тактическом отношении. Позиции националистов несколько улучшились, но главная задача так и не была выполнена.

В феврале итальянский экспедиционный корпус захватил крупный портовый город Малагу, но существенных изменений в ситуацию эта операция не внесла. Правда, стало очевидно, что республиканские фронты сильно различаются по своим возможностям: все лучшее — техника, интербригады, регулярные армейские части — сконцентрировалось на мадридском направлении. На других направлениях находились неорганизованные, малочисленные и плохо вооруженные части. В дальнейшем это будет учтено командованием националистов, но в начале 1937 г. в силе оставался прежний план войны.

Новая операций замышлялась Франко с целью отсечения Мадрида от остальной Испании. Националистам предстояло перерезать коммуникации, связывающие столицу с Левантом и Каталонией. Начавшееся 6 февраля 1937 г. наступление франкистов юго-восточнее столицы и последующие многодневные бои получили наименование «сражение на Хараме». Впервые в нем сыграла серьезную роль боевая техника, активно используемая противостоящими армиями. Особенно упорные бои развернулись за господствующую над всем бассейном высоту — Эль Лингарок. Ожесточенность сражения была обусловлена тем, что к наступлению в этом районе готовились обе армии, но, упредив назначенное на 12 февраля наступательную операцию республиканцев, Франко добился определенных успехов, однако замкнуть Мадрид в кольцо ему не удалось.

К 28 февраля обе стороны окончательно выдохлись, так и не добившись существенных стратегических преимуществ. Энергичные мероприятия по перегруппировке войск и наличие незадеисгвоеанных в предыдущей операции резервов позволили Франко сравнительно быстро подготовить очередное наступлекие. Ядром новой ударной группировки, сконцентрированной к юго-востоку от Мадрида, был итальянский экспедиционный корпус, которому предстояло прорвать фронт республиканцев и ворваться в столицу, одновременно окружив основные силы противника, задействованные на центральном фронте. Сектор предполагаемого прорыва был избран Франко совершенно верно — это был участок фронта к северу от Гвадалахары, лишенный серьезных укреплений и прикрытый слабой 12-й республиканской дивизией. Были сконцентрированы значительные силы и средства: около 60 тыс. человек, свыше 200 орудий и около 150 танков.

Однако в итальянском исполнении наступление провалилось. После удачного прорыва фронта 8-12 марта новых успехов достичь не удалось. Республиканское командование проявило оперативность и сумело подтянуть к прорыву лучшие части, технику, обеспечить авиационное превосходство в районе сражения. В результате после ряда безуспешных попыток продолжить атаки, итальянцы 12 марта вынуждены были перейти к обороне, а шестью днями позже республиканцы сами нанесли удар. Измотанные в боях итальянские масти дрогнули, началось их отступление. В самый критический момент сражения Франко не поддержал итальянцев. Итальянский представитель в Италии писал в эти дни Муссолини: «По мнению Роатты,[6] наши добровольцы больше не выдерживают. Франко до сих пор уклоняется от замены наших войск испанскими». Стабилизация фронта произошла лишь к 21 марта. Экспедиционный корпус Муссолини понес существенные потери в живой силе и технике. Сражение под Гвадалахарой стало крупнейшей, да, пожалуй, и единственной за всю войну серьезной победой республиканского оружия. Оно же стало последним в цикле националистических наступлений с целью захвата Мадрида.

Поражение итальянцев имело две основные причины — военную и политическую. Военная заключалась в следующем: наступление замышлялось без учета возросшего мастерства республиканского командования, которое на этот раз справилось с задачей быстрой перегруппировки войск на угрожаемом участке. На мадридском направлении сосредотачивались лучшие части республики и большинство боевой техники, прежде всего танков и авиации.

Вторая причина поражения под Гвадалахарой объяснялась слишком высокой активностью Муссолини, его стремлением хозяйничать в испанских делах, что Франко считал излишним. Муссолини успех итальянского корпуса был нужен для усиления собственной роли в Испании. Франко, со своей стороны, охотно принимал помощь от Италии, но становиться марионеткой в руках Муссолини не собирался. Операция под Гвадалахарой, таким образом, несла на себе большую политическую нагрузку.

В конечном счете, итальянским военачальникам пришлось самим пожинать плоды собственной авантюристичности (поскольку операция планировалась в обход штаба Франко), а также порочного принципа подчинения военных операций политическим расчетам. Итальянский замысел слишком отличался от военного «почерка» осторожного и осмотрительного испанского генералиссимуса. В результате Муссолини получил поражение, существенно дискредитирующее престиж фашистской Италии.

Поражение итальянцев было воспринято Франко и многими испанскими националистами почти с удовлетворением. Об этом свидетельствует тот факт, что «каудильо не мешал высмеивать своих фашистских союзников на страницах газет, в кабаре и даже на фронте». Во франкистской зоне в те дни распевали куплеты:

«Гвадалахара не Абиссиния,
Испанцы, хоть и красные, храбры».

Тем не менее Гвадалахара стала серьезным поражением и для испанских националистов. Именно в этот период республика, опираясь на военные успехи, предприняла попытки зондажа относительно возможности переговоров о мире, но никаких договоренностей о начале консультаций достичь не удалось. Война продолжалась, ее размах и интенсивность только возрастали.

После Гвадалахары Франко пришел к выводу, что овладение Мадридом — задача слишком затруднительная и не требующая немедленного решения. Другие направления были не менее перспективны, но значительно более достижимы. В Саламанке было принято решение перенести основной удар на север страны, чтобы покончить с Северным фронтом Республики.

Основные операции против республиканского анклава на севере происходили с апреля по октябрь 1937 г. Северный фронт проходил по территории страны басков, Сантандера и Астурии. В тылу этой позиции находились промышленные центры Бильбао, Сантандер, Хихон. Большинство населения Северной зоны

разделяли республиканские воззрения. Стремившиеся к широкой автономии баски видели единственную возможность ее обретения в существовании республики, ведь националисты совершенно определенно не собирались учитывать требования сепаратистов. Многие астурийцы, работавшие в горнодобывающей промышленности, считали себя республиканцами исходя из классового интереса, поскольку Республика декларировала свою приверженность интересам рабочих.

Было очевидно, что армии националистов предстояло решение трудной задачи. 30 марта 1937 г. Северная армия генерала Молы начала наступление на восточном участке фронта с целью захвата столицы Басконии города Бильбао. Бои велись с крайним ожесточением, и перелом в сражении наметился лишь к концу апреля. Измотанные войска республики были не в состоянии удерживать свои позиции. В небе господствовала авиация националистов, которой принадлежала в роль в сражении. Разрушение Герники было лишь одним из эпизодов в ряду множества воздушных операций на Северном фронте, удручающе действовавших на защитников Басконии.

В разгар боев на Северном фронте произошли события, вновь продемонстрировавшие слабость республиканского правительства. В глубоком тылу республиканцев, в Барселоне вспыхнул вооруженный мятеж. В течение недели (с 3 по 8 мая 1937 г.) столица Каталонии стала ареной вооруженных столкновений между несколькими группировками сторонников Республики. Левые «ультра» из ФАИ (Федерации Анархистов Иберии) и других подконтрольных анархистам рабочих организаций, таких, как НКТ и троцкисты из ПОУМ, выясняли с помощью артиллерии и бронетехники отношения с сепаратистами, верными автономистскому правительству Каталонии, а заодно со сторонниками общереспубликанского кабинета. Оружие и техника, которых так не хватало на фронтах, нашли применение в тылу.

Мятеж угас сам собой. Ларго Кабальеро, допустивший его возникновение и не проявивший должной оперативности и твердости при подавлении беспорядков, был отправлен в отставку, в новом правительстве, которое президент М. Асанья поручил сформировать Х. Негрину (ИСРП), не было представителей анархо-синдикалистов. Министром обороны в новом правительстве стал Идалисио Приэто. Республике удалось преодолеть политический кризис, но весь мир, включая франкистов, еще раз убедился в наличии серьезнейших разногласий внутри Народного фронта и слабой дееспособности власти.

В течение мая Северная армия националистов продолжала продвигаться вперед. 3 июня в авиакатастрофе погиб ее командующий Мола, бывший одной из ключевых фигур, стоявших у истоков националистского движения. На его место Франко назначил генерала М. Давила. В первой половине июня наступающие вели бои по преодолению укреплений «стального пояса» на подступах к Бильбзо, а 19 июня город был взят наваррскими дивизиями. Приобретение этого промышленно развитого города заметно укрепило военную экономику националистов.

Осознав опасность положения сложившегося на севере, командование республиканской армии осуществило операцию, призванную отвлечь силы националистов из-под Хихона Сантандера. В случае успеха этой операции можно было рассчитывать перехватить оперативную инициативу у противника.

5 июля 1937 г. крупная ударная группировка республиканцев на Центральном фронте в районе Мадрида прорвала фронт близ деревни Брунете. К участию в операции были привлечены два армейских корпуса 5-й и 17-й. Первоначально 5-му корпусу под командованием умелого командира коммуниста Х. Модесто удалось добиться существенного успеха: его соединения при поддержке авиации и значительного количества танков сумели продвинуться на несколько десятков километров.

Но успех оказался временным. Франко удалось избежать военного кризиса, используя свои традиционные преимущества: умение быстро реагировать на изменение обстановки и опираться на высокоподвижные, механизированные войска. Оценив складывающуюся обстановку, генералиссимус приостановил операции на севере, перебросил часть войск на Центральный фронт и обеспечил своим войскам постоянное и эффективное воздушное прикрытие. К 28 июля линия фронта стабилизировалась чуть-чуть южнее, чем проходила прежде. А несколько Аней спустя Северная армия националистов возобновила наступление в Астурии.

Сходным образом завершилась другая попытка республиканцев переломить ход борьбы в свою пользу. Широко задуманное с привлечением мощных боевых средств августовское наступление в Арагоне завершилось с результатами, весьма далекими от задуманного. Попытка овладеть Сарагосой вылилась в захват незначительных территорий и бои по ликвидации возникших очагов сопротивления националистов. По сути, наступление продлилось лишь один день 24 августа. Наступательный порыв угас в борьбе за ряд второстепенных

пунктов.

Франко в ходе этой операции нисколько не снизил своей активности на Северном фронте. Продолжавшееся в течение семи месяцев сражение на севере завершилось решительной победой националистов: им удалось заполучить в свое распоряжение богатый промышленный потенциал, сырьевые и сельскохозяйственные резервы северных провинций. С другой стороны, республика не просто понесла существенные потери, лишившись практически всего вооружения Северного фронта, но в значительной мере утратила свой международный престиж, а вместе с тем возможность приобрести новое оружие взамен утраченного. Для Франко, напротив, завершение операции на севере означало высвобождение крупных контингектов для действий на других фронтах.

Самое интересное, что в 1937 г., т. е. в период операции на севере, республика была в целом сильнее, чем лагерь националистов. В мае этого года численность армии националистов составляла 258 тыс. человек, республиканцы имели под ружьем 410 тыс. человек. По данным за июнь, в авиации националистов было 230 самолетов, а у республики — 270. По количеству и качеству бронетехники республиканцы превосходили своих соперников на протяжении всей войны. Однако использовать свои преимущества республика не смогла. Так, войска Северного фронта постоянно испытывали воздействие авиации противника, сыгравшей решающую роль в их разгроме, и не получали помощи от республиканских ВВС, дислоцировавшихся в основном нэ мадридском направлении. Такая позиция была бы оправдана при успехе ударов по националистам под Брунете и в Арагоне, но успехов достигнуто не было.

Франко широко применял возможности авиации, у него были грамотные, можно сказать, талантливые помощники, такие, как генерал Кинделан и генерал Г. Шперле, начштаба легиона «Кондор» Рихгофен. Франко постоянно требовал и добивался четкого взаимодействия между авиацией и сухопутными войсками. Этот фактор, являющийся залогом победы во всех вооруженных конфликтах, начиная с 30-х гг. XX в., каудильо осознал задолго до того, как он стал общепризнанным.[7] Заслуга Ф. Франко в том, что он оценил возможности авиации и создал систему оперативной связи, позволявшую осуществлять четкое взаимодействие между разными родами войск. Это не было его изобретением, но каудильо принадлежит пальма первенства в деле реализации этого метода. Националисты в Испании впервые опробовали те приемы, которые легли в основу «блицкригов»

вермахта.

Республиканцы подобной четкости достичь не смогли. У них были блестящие операции ВВС (точнее FARE),[8] такие, как разработанный Е. Птухиным и И. Сиснеросом план удара по аэродрому Гарпинильос, успешно осуществленный в ходе боев под Бельчите. Летчики республики опробовали многие новые тактические приемы и успешно применяли их в боях. Но в целом FARE оказались не в состоянии осуществить постоянную поддержку сухопутных армий и завоевать господство на решающих участках.

Сходная ситуация складывалась и во взаимодействии пехоты и танков или пехоты и артиллерии. Националисты слаженности добились, республиканцы пытались это сделать, но не смогли. Воспоминания участников войны полны эпизодов, подобных этому: «танки двинулись на высоту, но вынуждены были отойти обратно: пехота их не поддержала. Так повторялось трижды». В таких условиях не спасут никакие количественные и качественные показатели. Республиканцы пытались заимствовать советскую военную концепцию, упор в которой делался на использование больших количеств качественно превосходящей противника боевой техники, инициативность командиров любого уровня, находчивость и храбрость личного состава. Франко выбрал для себя немецкую концепцию ведения войны, где упор делался на высокое качество связи, гарантирующее четкое взаимодействие родов войск, совершенство полевой тактики, гибкость оперативного руководства и высокую воинскую дисциплину. В испанских условиях подход Франко оказался вернее.

Промышленность республиканцев не могла насытить войска многочисленными техническими средствами, которые превосходили бы аналогичные образцы противника. Не соответствовал требованиям и уровень подготовки большинства командиров. Бойцы-республиканцы в избытке обладали лишь храбростью, но ее в условиях войны XX века было явно не достаточно.

Принципы организации вооруженных сил и использование армии националистами более соответствовали испанским условиям и возможностям франкистского лагеря. Они основывались на отсутствии мощной индустриальной базы при наличии достаточно скромной помощи, оказываемой Италией и Германией. Техника, которой располагали франкисты, была хуже республиканской, ее далеко не всегда было больше, зато применялась она концентрировано и своевременно на важнейших направлениях.

Франко достаточно большое внимание уделял подвижности войск. Если республиканское командование старалось как можно больше грузовиков превратить в БА, то франкисты использовали грузовики по прямому назначению — для быстрой переброски войск. Это зачастую оказывалось решающим в исходе сражений.

Но главное состояло в том, что армия националистов располагала грамотными офицерскими кадрами, обученными руководить частями и подразделениями, и многочисленным младшим командным составом, обеспечивающим надлежащий уровень дисциплины в войсках. В республиканской армии капралы и сержанты замещали офицеров, которых явно недоставало. Многие из них не соответствовали занимаемым ими офицерским должностям. Низшее командное звено оказалось занятым волонтерами, не способными поддерживать должный уровень дисциплины. Таким образом, оказалась ослабленной вся вертикаль управления войсками.

Сказанное в полной мере может быть отнесено и к характеристике высшего командования воюющих сторон. Высшее военное командование националистов состояло из профессионалов, обладало практическим опытом и военной культурой. Военачальники республики оказывались на своих постах по инициативе политических партий, исходивших при подборе кандидатур не из военных способностей кандидатов, а из их политической позиции. Иногда, как в случаях с Х. Модесто, Э. Листером и некоторыми другими, выбор оказывался удачным, но чаще бывало наоборот.

Кроме того, следует учитывать, что окончательное решение о проведении тех или иных операций в лагере «синих» (националистов) принимал сам Ф. Франко, ставший генералом задолго до Гражданской войны, а в лагере «красных» (республиканцев) все определяла позиция гражданского руководства, обладавшего не военными знаниями, а политической властью. Таков далеко не полный перечень факторов, не позволивших республиканцам добиться перелома в ходе самого Удачного для них 1937 г.

В декабре Главный штаб республики надеялся еще переложить ситуацию на фронтах. В. Рохо имел несколько проектов наступательных операций в Эстремадуре, под Теруэлем и Уэской. Основательно задуманное наступление к западу от Мадрида в силу ряда причин не получило одобрения в правительстве. 8 декабря 1937 г. был выбран план, предполагавший захват Теруэля. Начиная операцию под Теруэлем, республиканцы рассчитывали заставить Франко отказаться от наступления на мадридском направлении.

Республиканское наступление началось 15 декабря силами трех армейских корпусов. Несмотря на сложную метеорологическую обстановку и трудности, связанные с ведением боевых действий в горах, фронт был прорван наступающими, и Теруэль был окружен. В городе завязались уличные бои, поскольку находившийся там гарнизон сумел создать сеть опорных пунктов сопротивления. Упорство защитников Теруэля лишний раз подтвердило, как правильно поступил в свое время Франко, поспешив на помощь националистам, оборонявшим толедский Алькасар. Националисты сражались до последнего в твердой уверенности, что помощь близка. Они оставляли обороняемые здания лишь после того, как те превращались в груды развалин. Например, по зданию военной комендатуры республиканская артиллерия выпустила около 1 000 снарядов. Но оборона этого пункта продолжалась, тогда как в новогоднюю ночь республиканцам хватило неподтвержденного слуха о прорыве противника, чтобы город был в панике оставлен. Республиканскому командованию с большим трудом удалось заставить бежавшие в беспорядке войска вернуться в Теруэль.

Обеспокоенный ситуацией под Теруэлем, Франко в спешном порядке перебросил часть войск на кризисный участок. По его указанию националисты несколько раз пытались прорваться к городу. Однако упорное сопротивление республиканцев, снегопад и сильнейшие (до 20 градусов) морозы помешали оказать помощь окруженной группировке. К 7 января сопротивление прекратилось. Остатки гарнизона националистов сложили оружие.

Серьезность поражения, как военного, так и морального, требовала от Франко немедленной реакции. Генералиссимус понимал, что наступавшие республиканцы измотаны сражением сильнее, чем националистские войска. 5 февраля франкисты осуществили удачную операцию к северу от Теруэля. Бои под Сьерра Паломеро и Альфомброй позволили начать операцию по возвращению Теруэля, что и было сделано 22 февраля. Республиканцы впоследствии стремились подчеркнуть значение зимних сражений 1937–1938 гг. как фактора, помешавшего Франко начать наступление на Мадрид. Эта зимняя компания расценивается как большая победа, одержанная республикой. С этим мнением трудно согласиться, учитывая последующее развитие событий.

9 марта 1938 г. Франко начал в Арагоне новое наступление против измотанных в зимних сражениях частей Восточной армии республиканцев. В течение марта-апреля войска националистов

практически разгромили части Восточной и Маневренной армий и достигли значительного продвижения на всем почти трехсоткилометровом фронте от отрогов Пиренеев до приморского района Леванта. Ситуация складывалась очень благоприятно для Франко: его механизированные части продвигались вперед, сопротивление республиканцев ослабевало. Казалось, падение Каталонии произойдет в течение нескольких дней.

В этот момент Франко перенес направление главного удара Южнее в сектор Винареса. Цель заключалась в достижении побережья Средиземного моря. Его войска успешно справились с этой задачей, разрезав территорию республики на две изолированные зоны — Восточную и Южно-Центральную. Такое развитие событий, с одной стороны, сделало общее положение республики крайне тяжелым, с другой — отсрочило падение Каталонии. В этом вновь проявился «почерк» каудильо, к осторожности и методичности в осуществлении своих планов. Летом 1936 г. он предпочел немедленному маршу на Мадрид из Андалусии возможность объединить армии мятежников. Весной 1938 г. вместо рискованного броска на Барселону выбрал беспроигрышный вариант, позволивший с минимальными потерями создать стокилометровый коридор между зонами, контролируемыми республикой.

На этом наступление не закончилось. Франко продолжал использовать результаты сражений под Теруэлем и в Арагоне. После того как колонны националистов, которыми командовал друг и однокашник генералиссимуса А. Вега, вышли к морю, Франко отдал приказ, перенацеливавшии войска на юг в направлении Валенсии. Таким образом, сражение за Арагон плавно переросло в наступление в Леванте, которое стало началом конца республики. Поражение в Арагоне и расчленение республиканской территории обеспечили необратимость победы националистов.

Зимой 1938 г. в разгар сражения за Теруэль Франко создал свое первое правительство, призванное заменить существовавшие прежде временные властные структуры. Состав правительства отражал весь спектр националистического движения: монархисты, фалангисты («старые» и «новые»), военные, технократы. Объединяло этих людей общее стремление скорее достичь военной победы. Возможность этого воплощалось в армии и ее успехах. Так что гарантом победы являлся командующий армией, глава государства и правительства, каудильо национального движения, генералиссимус Франсиско Франко Баамонде.

После поражения в Арагоне в республиканском лагере произошли изменения в руководстве. Острейший кризис власти был преодолен в апреле. Доктор Негрин сформировал свое второе правительство. Сторонники прекращения сопротивления, в том числе военный министр И. Прието, были выведены из правительства. По примеру своего предшественника Ларго Кабальеро пост военного министра Негрин решил оставить за собой. 30 апреля новый кабинет обнародовал программный документ, известный как 13 пунктов (или целей) ведения войны. В этом документе декларировалась решимость руководства республики продолжить борьбу.

Решительность формулировок не беспокоила Франко, он понимал, что общее состояние республики, ставшее почти катастрофическим после зимне-весенних поражений, имеет очевидную тенденцию к ухудшению. Каудильо мог рассчитывать на активизацию действий противников ведения военных действий, на сокращение поставок из-за рубежа, связанное с ужесточением итало-немецкой морской блокады, с изменением режима на границе с Францией. Должен был он принимать во внимание и разочарование Сталина в перспективах поддерживать безнадежное дело республики. Знал Франко и об усталости от войны в республиканской армии и в тылу, вызванной отсутствием военных успехов, трудностями со снабжением населения продовольствием и предметами первой необходимости. Налицо были сложности с призывом новых контингентов для возмещения потерь, недостаток сырья для промышленности, усилившийся в связи со всем этим раскол в рядах Народного фронта.

Для каудильо основная борьба за Испанию осталась позади. Как военный он понимал, что победа близка, нужно лишь не давать противнику передышки. Исходя из этого, он планировал весеннее наступление как перманентное, не дающее возможности республиканцам оправиться, перегруппировать силы, Дать войскам отдых. В рамках этого плана начались наступательные операции в Леванте.

Положение во франкистской зоне было отнюдь не легкими. Армия испытывала нехватку техники и людских ресурсов. Правда, в тылу ситуация была более стабильна, чем в районах, контролируемых республиканскими властями, поскольку националисты не прибегали к рискованным экономическим экспериментам. Однако недостаток самого необходимого ощущался и здесь. Усталость от войны была здесь заметно слабее, ощутимее влияла на людей перспектива скорого и успешного окончания войны.

Если в начале военного конфликта Франко был одним

(отнюдь не самым видным) из лидеров традиционал-националистического движения, то за годы войны его авторитет неизмеримо возрос. Этому в немалой степени способствовали военные победы руководимой им армии, успешное сотрудничество с Германией и Италией, признание его (пусть не юридическое, но фактическое) со стороны ряда государств, число которых к 1938 г. достигло 16. На руку ему было наконец, удачное стечение обстоятельств, избавившее его от перспективы соперничества с виднейшими лидерами националистического движения, такими, как Санхурхо и Мола. За годы Гражданской войны Франко сумел достичь консолидации всех политических сил, составлявших движение националистов.

Теперь он методично наносил удар за ударом по позициям республики. Однако его расчеты оказались несколько преждевременными. 25 июля 1938 г. южное крыло республиканского Восточного фронта пришло е движение. Два армейских корпуса «красных» форсировали реку Эбро и начали наступление с целью «оттянуть» войска националистов из Леванта. Первоначально эффект внезапности позволил республиканским войскам добиться успеха. Лучшие воинские части, возглавляемые коммунистами, сумели продвинуться к западу и захватить значительный плацдарм на правом Берегу, считавшемся франкистским. Но тем успех и ограничился.

Извещенный о положении дел на Эбро, Франко немедленно распорядился о переброске значительных сил из Леванта на угрожаемый участок. Эта операция планировалась и осуществлялась, исходя из политической необходимости. Ее проведение несколько отсрочило падение Валенсии, но приблизило конец войны. В ловушке между позициями националистов и течением полноводной реки оказались лучшие части Восточной армии, прикрывавшие цитадель республики — Каталонию. О такой ситуации Франко мог только мечтать.

Существует мнение, что наступление противника в излучине Эбро Было для генералиссимуса Франко полной неожиданностью, что он не обратил внимания на донесения генерала Ягуэ, наблюдавшего концентрацию войск республиканцев против его линий. Несомненно, так оно и было — Франко не мог предположить, что противник принесет ему в жертву два корпуса, составлявших красу и гордость республиканской армии. Он полностью использовал предоставленную ему возможность уничтожить армию Эбро. В течение 103 дней Франко с методичной неторопливостью громил подставленную Негрином под ливень снарядов и авиабомб лучшую армию республики.

Смысл происходившего остается малопонятным. Э. Листер-

младший, сын полковника Энрике Листера, одного из участников этого сражения, охарактеризовал действия республиканцев следующим образом: «Они шли умирать». Такой ответ справедлив по отношению к тем, кто, как Листер, находился вместе с войсками на передовой линии огня. Но приказ наступать отдал не Листер, а Негрин, которого на позициях не было. Для него операция сводилась к реализации программы 13 тезисов, для него наступление означало удар по его, Негрина, политическим противникам, а также тем, кто искал путей примирения с националистским лагерем. Жизни тысяч людей оказались подчиненными амбициозным притязаниям политика, стремящегося сохранить власть.

Другой военный и политический лидер страны, наблюдавший за происходящим через стереотрубу с противоположной стороны фронта, тоже не намеревался беречь жизни солдат обреченных корпусов. Франко, заявивший осенью 1936 г., что для наведения порядка готов расстрелять пол-Испании, на этот раз вел себя соответственно. Как правило, каудильо не стремился к уничтожению противника, а лишь к вытеснению его с территорий. Это поставлено П. Престоном в упрек Франко как свидетельство его полководческой бездарности. Такой упрек вызывает недоумение.

Стремиться к уничтожению живой силы противника в гражданской войне может лишь законченный человеконенавистник, каковым Франко не был. Оправдываясь перед таким обвинением со стороны представителей Италии и Германии, Франко заявлял: «Тактика в испанской войне является функцией политики. Я не имею права истреблять противника, разрушать города и деревни, промышленность и производство и именно по этой причине я не слишком тороплюсь. Если бы я все же так поступал, то не был бы патриотом».

Однако на Эбро генералиссимус изменил своим принципам. Он не сделал попытки окружить и лишить армию Эбро, хотя мог это сделать. По всей вероятности, он руководствовался следующими соображениями: 5-й и 15-й корпуса были сформированы в Каталонии и личный состав е значительной степени состоял из убежденных сторонников республики. Рассчитывать, что солдаты Модесто и Листера покорятся победителям, не приходилось, а значит решать проблему с ними предстояло бы уже в невоенной ситуации. Кроме того, война явно шла к концу, и чтобы его ускорить, требовалось проявить жесткость и последовательность, граничащую с жестокостью. Армия Эбро была обречена на физическое уничтожение, что и произошло.

Наступление, задуманное и осуществленное вопреки военной логике, без учета мнения советских военных советников, завершилось очередным поражением республики. За Эбро смогла вернуться лишь малая часть армии, совершенно недостаточная для обороны Каталонии. Франко учел и это обстоятельство. Спустя чуть больше месяца после окончаний битвы на Эбро 29 декабря Франко развернул новое мощное наступление в Каталонии, где, как и следовало ожидать, не нашлось сил, способных сдержать натиск шести армейских корпусов националистов. Вперед двинулись механизированные дивизии итальянцев. Предпринятая 25 декабря попытка республиканского наступления успеха не имела — в ходе десятидневных боев декабря-января измотанные еще на Эбро республиканские войска были окончательно разгромлены.

26 января в руки франкистов перешла Барселона. Вновь создаваемые республиканцами линии обороны разваливались одна за другой. Члены республиканского правительства, в частности премьер-министр, перебрались через французскую границу 7–8 февраля 1939 г. Спустя несколько дней через Пиренеи перешли последние части республиканской армии, оборонявшие опорные пункты у границы, за которой они были интернированы. 13 февраля 1939 г. все было кончено: Каталония и Восточная зона республики были полностью заняты войсками Франко.

На протяжении всего периода боевых действий в Каталонии войска Центрально-Южной зоны не проявили надлежащей активности. Правительство Негрина практически не имело возможности контролировать этот изолированный район, что позволило усилиться позициям сторонников мира. Вернувшееся в феврале из Франции в Валенсию правительство могло лишь констатировать всеобъемлющий развал, царивший в Центрально-Южной зоне.

Предпринятые попытки рокировок в армейском руководстве к этому моменту явно запоздали. Назначенные на ключевые военные посты коммунисты были уже не в состоянии справиться с нараставшим кризисом и стремлением большинства к прекращению кровопролития. Армия и флот перестали подчиняться правительству. 3 марта вспыхнуло восстание в Картахене в ходе которого республика потеряла военный флот, покинувший свою базу. Спустя два дня верная правительству бригада вернула Картахену, но мятежи начались в других городах, в том числе в Мадриде. Для подавления восстаний не хватало спецбригад, возглавляемых командирами-коммунистами.

Франко выжидал: его отдохнувшие войска были

перегруппированы и готовились нанести последние удары го республике. Каудильо вел переговоры с группой высших офицеров противника, готовых совершить переворот и добиться прекращения сопротивления. Смена власти в Мадриде произошла 5 марта. Вновь созданный Совет обороны во главе с полковникоы Касадо выступил под лозунгами «почетного мира» и «борьбы с коммунистическим переворотом». Опираясь на войска 4-го армейского корпуса С. Меры, Касадо, Лиана и Бестейро овладели Мадридом. 8 обстановке всеобщей неразберихи они вступили в переговоры с Франко, рассчитывая добиться приемлемых для республиканцев условий, но Франко жестко потребовал безоговорочной капитуляции, а чтобы ускорить события, 28 марта отдал приказ о наступлении на Мадрид. К тому моменту фронта практически не существовало, и войска националистов под командованием генерала Эспиносы без боя вошли в Мадрид.

Восемь дней победители занимали бывшую республиканскую зону. Франко в это время свалил тежелейший грипп. Явившихся с докладом об установлении полного контроля над страной генералиссиыус поразил краткостью реакции, которая свелась к одной фразе: «Очень хорошо. Большое спасибо». Война для него уже ушла в прошлое. На передний план выступили другие проблемы. Ему, как всей нации, предстояло пережить жестокое похмелье после «кровавой горячки».

В первый день апреля радио Бургоса передало сообщение, распространенное позднее всеми газетами франкистской зоны: «На сегодняшний день армия красных пленена и разоружена, национальные силы овладевают последними военными объектами. Война закончена. Бургос 1 апреля 1939 года — года победы. Генералиссииус Франко».

Свою битву за Испанию Ф. Франко выиграл. Это случилось в силу целого ряда причин. Во-первых, каудильо сумел сделать национальный лагерь единым монолитом, где все партийные программы и устремления были подчинены единой задаче военной победе. Франко предложил испанцам верные, всем понятные лозунги, основной смысл которых заключался в обращении к традиционным ценностям: родине, национальному единству, сильному государству, семье, религии. Причем он призывал к защите того, что именуется образом жизни, категории, не всегда поддающейся политической интерпретации, тогда как лозунги демократической республики сводились к абстрактным идеалам — свобода, равенство, братство, трактовавшимся каждым политическим движением на свой лад. Разное толкование этих понятий выражало глубокие противоречия внутри Народного фронта.

Фактически республика вела войну на два фронта: один разделял сторонников демократической республики и националистов, а другой проходил внутри республиканского лагеря, сторонники левых республиканцев и социалистов враждовали как с анархо-синдикалистами, так и с коммунистами. Из всех течений и партий, пожалуй, только испанская компартия способна была достаточно результативно противостоять движению националистов. Продолжительность сопротивления была обеспечена, в первую очередь, усилиями командиров, принадлежавших к коммунистам. Не случайно в ходе гражданской войны КПИ быстро набирала авторитет, не случайно также, что для анархистов казалась более приемлемой непрочная власть левых республиканцев, нежели усиление коммунистов.

Франкистский блок, организованный на принципе жесткого единоначалия, был не просто сильнее республиканского, он монолитно противостоял разобщенному противнику.

Вторая причина победы Франко заключалась в его чисто военном превосходстве. Главное было не в количестве и качестве техники — в этом отношении силы противников были вполне соизмеримы, а вопрос о перевесе в ту или иную сторону — спорным. Речь идет именно о военном превосходстве в широком значении этого слова: в Испании столкнулись два типа армии — национальная и профессиональная, с одной стороны, и народно-революционная, — с другой.

Исторические примеры подтверждают, что национальная армия, т. е. армия, являющаяся носительницей определенных общенациональных требований и традиций, эффективнее армии революционной, выражающей интересы преимущественно определенного социального слоя. Этот тезис был подтвержден в ходе гражданской войны 1936–1939 гг. Тому две причины. Первая: наибольшую стойкость солдаты проявляют не при защите тех или иных идей, а в случае, когда враг угрожает их пашне и очагу. Это означало для значительной части испанцев защиту своего образа жизни, способа хозяйствования, собственности и традиций. Второе: офицерская каста является не только носительницей военной культуры, но и патриотических настроений. Оба эти условия обязательны для создания боеспособных, дисциплинированных вооруженных сил. Франкистский лагерь имел в своем распоряжении большую часть испанского офицерского корпуса и активно опирался на него. Франкистские лозунги были ориентированы на традиционалистски настроенную часть населения, на рядового обывателя, желавшего быть испанцем, католиком, хорошим семьянином и собственником, чья собственность не пострадает от

различных экспериментов. Такие люди составили массовую опору армии националистов. Эта армия была лишена революционного порыва, зато отличалась дисциплинированностью и стойкостью. Она оказалась подготовленной к использованию новейших приемов, привнесенных немецкими военными советниками.

В то же время республиканцы зачастую просто не могли претворить в жизнь рекомендации советских специалистов. Усилия советских советников наталкивались или на принципиальное сопротивление их рекомендациям, или на невозможность их реализации из-за низкой профессиональной подготовленности республиканской армии.

Встречается мнение, что главную роль во франкистской армии играли не испанские части, а марокканские и итальянские корпуса и легион «Кондор». Эти соединения часто использовались на главных направлениях в качестве ударных частей. Ударные части, как правило, несут наибольшие потери, и такая возможность позволяла Франко поберечь жизни соотечественников. Сходную роль у республиканцев выполняли интербригады, формирования, выгодно отличавшиеся от испанских революционных войск устойчивостью, дисциплинированностью, наличием боевых навыков. Именно наличие хорошо организованной и хорошо управляемой, профессиональной по степени подготовленности и национальной по духу армии позволило франкистам выиграть гражданскую войну.

Проблеыа тыла решалась воюющими сторонами исходя из их основополагающих позиций. Националисты в экономической сфере придерживались точки зрения, что война не лучшее время для хозяйственных экспериментов. Возможно поэтому положение в промышленности и сельском хозяйстве во франкистской зоне было стабильнее, а недостатки снабжения населения, неизбежные в период войны, имели место, но ощущались не так остро, как у республиканцев. Таковы, в самых общих чертах, причины, позволившие националистам одержать победу.

ГЛАВА VI
МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

19 мая 1939 года. Военный парад в Мадриде. На высокой, капитально выстроенной трибуне, пилоны которой украшены шестикратно повторенным именем Франко, стоит маленький военный. Рука 46-летнего победителя «красной» Испании вскинута в фалангисгской приветствии, обращенном к проходящим мимо него войскам. Слева и справа на крыльях трибуны чуть ниже него соратники, копирующие приветственный жест вождя. Проспекты столицы, по которым нескончаемым потоком движутся батальоны и техника победителей, обильно расцвечены биколорными красно- желтыми знаменами традиционалистской Испании, Однако в этот триумфальный момент лицо генерала, являющегося центральной фигурой этого действа и наблюдающего происходящее, лишено привычной самоуверенной улыбки, присутствующей на многочисленных фотодокументах, относящихся к другим периодам его жизни.

Таким был запечатлен фоторепортерами Франко в один из первых дней своего правления. В самом деле, поводов для ликования и упоения победой у каудильо было не слишком много. Конечно, он мог быть, безусловно, уверен в поддержке традиционалистски настроенной части нации, разделявшей его триумф, и одновременно рассчитывать на непротивление большинства сограждан, сочувствовавших республике, для которых горечь поражения отчасти компенсировалась наступлением долгожданного мира. Опорой ему служила 800-тысячная армия, всецело преданная своему победоносному вождю. Церковь окружила его ореолом спасителя веры. За его спиной стояла многократно выросшая Фаланга, лидеры которой ожидали от диктатора мер, направленных на увеличение ее влияния в политической жизни страны. Его поддерживали монархисты, рассчитывавшие восстановить с помощью каудильо прежние институты королевской власти. На него надеялись многие другие общественные группы, мечтающие о достатке, стабильности и порядке.

Но Франко не мог не понимать, что за парадным фасадом торжеств громоздятся проблемы, разрешение которых остро необходимо и требует неимоверных усилий. Опустошенные города и деревни Испании, катастрофически низкое промышленное производство, развал на транспорте, значительные людские потери, — все это было налицо.

Количество человеческих жизней, унесенных войной, исследователи оценивают по-разному. Однако легендарная цифра в 1 млн человек большинству из них представляется завышенной. Согласно данным, приводимым Р. Саласом Ларасабалем, количество убитых с обеих сторон определяется в 300 тыс. человек. Из них более 100 тыс. погибло непосредственно в ходе военных действий, более 100 тыс. стали жертвами политических репрессий (причем республиканцы действовали в этом вопросе более энергично). К 300 тыс. следует добавить примерно 25 000 иностранцев, воевавших в составе обеих армий и около 160 тыс. испанцев, причиной гибели которых были сопутствующие войне факторы: эпидемии и голод. Кроме того, страну покинуло около 162 тыс. человек, бывших бойцами республиканской армии и им сочувствовавших, т. е. тех, кто мог ожидать преследований со стороны победителей.

Материальные потери полностью учесть не удалось, но очевидно, что они были весьма значительными и весомыми для небогатой страны. Самые общие цифры, дающие представление о масштабах послевоенной разрухи, содержат следующие данные: в 192 населенных пунктах было разрушено 60 % зданий; подвижной состав железных дорог уменьшился на 40 %, уничтожено множество мостов и прочих дорожных сооружений. Несколько меньше, но вполне сопоставимы, были разрушения в других отраслях народного хозяйства. Особенно глубоким и ощутимым был кризис в аграрном секторе, а ведь Испания оставалась сельскохозяйственной страной. Резко сократилось производство сельскохозяйственной продукции, дефицит которой немедленно сказался на жизненном уровне населения.

Ситуация усугублялась наличием в некоторых районах страны партизан-республиканцев, в силу различных причин не покинувших пределы Испании и готовых продолжать вооруженное сопротивление новыми методами.

Немаловажно было и то, что ослабло единство в блоке самих традиционалистов, прежде объединенных борьбой с общим врагом. Слишком уж пестрым был состав лагеря националистов, и слишком по-разному им виделось будущее страны. Такими были условия, в которых генералиссимусу-диктатору пришлось начать возводить здание новой Испании.

Совокупность вышеприведенных факторов несла в себе серьезную угрозу существованию режима. Франко завоевал Испанию, теперь надо было заставить ее примириться с этим. После того как эйфория первых мирных дней сменилась недовольством скудностью жизни, непомерной даже для непритязательных в быту испанцев, на первый план выдвигались

проблемы социально-экономические. Эти проблемы способны были взорвать общество изнутри.

Необходимо отметить, что в отличие от многих своих сподвижников Франко едва ли имел строго определенную концепцию государственного строительства. Абстрактное теоретизирование его мало интересовало, В отличие от большинства «вождей» своего времени он не стремился к созданию новой идеологии. Его политические воззрения не выходили за рамки, свойственные прагматичному обывателю и здравомыслящему военному. По мнению людей, его окружавших, «Франко был скорее человеком дела, чем догматиком, ему проще было решать проблемы повседневности, нежели менять мироустройство, однако впоследствии ему удалось справиться с самыми масштабными задачами».[9]

Юношеское увлечение национальной историей позволило каудильо составить собственное представление о том, что хорошо или плохо для страны. Он полагал, что испанская нация сформировалась и достигла своего могущества в период правления «католических королей» Фердинанда и Изабеллы, оказавшихся последними испанцами по крови на испанском престоле. Их образы и деятельность воспринимались Франко за образец национальных правителей. Поэтому он склонен был подчеркивать, что установленный его усилиями режим, называемый «интегральным национализмом», состоит в ближайшем духовном родстве с системой, сложившейся в те славные времена завершения Реконкисты. Собственную деятельность он воспринимал закономерным продолжением трудов королей Кастилии и Арагона, сумевших объединить под своей властью почти весь полуостров и создать сильную Испанию. Для своей страны Франко признавал право на существование лишь одного идеологического течения — кастильского национализма. Все прочее он в публичных выступлениях называл «прогнившей демократией», с которой боролся и над которой восторжествовал.

Наряду с культом национализма в массовое сознание активно должна была внедряться мысль о превосходстве общества, устроенного по принципам казармы. В своей военной практике Франко убедился в преимуществах такой модели, предельно простой, прочной, устойчивой и легко управляемой. Ему казалось, что в условиях острейшего и затяжного кризиса, переживаемого страной, максимальное внедрение в жизнь общества армейской ыодели поможет быстрее преодолеть трудности.

Надо заметить, что армейский стиль жизни в Испании имел

весьма самобытные черты, делавшие его более привлекательным, чем, к примеру, общеизвестный «прусский милитаризм». Национальные военные традиции в Испании зародились в ходе Реконкисты, когда военная деятельность, проявлялась прежде всего в борьбе против мавров и воспринималась как дело всей формировавшейся нации. Если в Пруссии (и в большинстве стран Центральной Европы) между дворянином-офицером и крепостным солдатом была пропасть, то в Испании рядовые были выходцами из свободных кастильцев, предки которых зачастую получили дворянство за участие в Реконкисте. Это наложило отпечаток на отношения между командным составом и нижними чинами в испанских вооруженных силах, проявившихся в некотором размывании межклассовых перегородок в армейской жизни. При полном соблюдении дисциплины и субординации отношения между начальниками и подчиненными меньше затрагивали личное достоинство солдата.

В жизни народа, выполнявшего историческую роль щита европейской цивилизации на юго-западе Европы, военные традиции имели большое значение в формировании национального самосознания. Их роль сопоставима с тем, что свойственно российскому менталитету, сформировавшемуся в аналогичных условиях «щита» восточного рубежа обороны «Старого Света».

В испанском обществе отход от культа защитника отечества наметился лишь с концом франкистской диктатуры, когда страна позаимствовала идеологию англосаксонской демократии, ориентированную на индивидуализм и материальные ценности. А прежде в стране, где даже анархизм носил ярко выраженные черты авторитарности, внедрение в общественное сознание армейского принципа «приказано — выполняй» не было особенно тяжким делом.

Не стоит думать, что, привнося в жизнь страны элементы армейского уклада, Франко калечил гражданское общество Испании. Скорее он, оказавшись во главе давно и глубоко больного общества, стремился мобилизовать в своем народе те качества, которые являлись неотъемлемой частью испанского менталитета и могли помочь нации выкарабкаться из этого состояния.

Сподвижник Франко генерал Аранда в беседе с представителем германского генерального штаба, состоявшейся вскоре после окончания войны, сказал следующее об основополагающем принципе официальной идеологии новой Испании: «необходимо посеять в испанском народе идею, способную объединить всех национально мыслящих испанцев, а

каждый испанец — националист, по крайней мере в своем отношении к заграница».

Однако помимо долгосрочных идеологических программ, направленных на преодоление кризиса, приходилось осуществлять мероприятия тактического характера, способные обеспечить немедленную стабилизацию обстановки. По завершении боевых действий по стране прокатилась волна репрессий. На всей территории страны вступили в действие специально подготовленные законы, касавшиеся прежней деятельности и позиции политических противников. Одним из главных документов стал закон «Об ответственности за политическую деятельность» от 9 февраля 1939 г., дополненный позднее законами, касавшимися масонов и коммунистов, а также о государственной безопасности, появившимися в 1940 и 1941 гг. Согласно этим законам предстать перед трибуналами «политической ответственности» должны были все, так или иначе причастные к организациям «красной, сепаратистской, масонской или либеральной тенденций».

Министерство внутренних дел, возглавляемое Р. Серрано, располагало широчайшими полномочиями в деле выявления и изоляции противников режима. Процесс судопроизводства был значительно упрощен. На всю страну было распространено действие законов, принятых на подконтрольных диктатуре территориях еще в период военных действий. Новое трудовое законодательство «Хартия труда», обнародованное в марте 1938 года, лишало рабочих права на забастовки.

Масштабы террора первых лет становления диктатуры были велики, и точных данных о его истинном размахе не существует. В основном в отношении приговоренных применялись четыре меры наказания: заключение сроком на 6, 12 и 20 лет или смертная казнь, которую в отдельных случаях заменяли пожизненным лишением свободы. Сколько людей прошло через франкистские тюрьмы и концлагеря, доподлинно неизвестно, и цифры в этом случае «плавают» в пределах от 200 тыс. до 2 млн человек. Число казненных в период деятельности скоропалительных чрезвычайных трибуналов также колеблется в пределах от 28 до 200 тыс. человек.[10] Безусловно, масштабы послевоенного террора трудно оправдать даже самой острой государственной необходимостью. Любые, как максимальные, так и минимальные цифры, характеризующие число репрессированных, дают основания упрекнуть франкистскую диктатуру в преступлении против испанского народа.

Тем не менее следует обратить внимание на ряд обстоятельств, отчасти корректирующих бытующее в нашей

историографии представление о первом периоде диктатуры Франко. Прежде всего отметим, что цифра в 2 млн человек, как, впрочем, и 1 млн, явно завышенная. Изъятие такого числа рабочих рук из экономики страны означало бы ее немедленный крах. Особенно если сложить эту цифру с приводимым в тех же исследованиях числом погибших в войне и эмигрировавших.

Более реалистичными представляются следующие данные относительно масштабов репрессий: 300 000 человек в 1939 г., из которых в последующие пять лет (с 1939 по 1944 гг.) был казнен примерно каждый десятый, около 28 000 человек, учитывая, что большую часть заключенных составляли пленные бойцы республиканских частей, в рядах которых к моменту окончания войны состояло около 500 000 человек, можно предположить, что гражданские лица сравнительно меньше были затронуты репрессиями.

Что касается содержания под стражей солдат армии, потерпевшей поражение, то это явление, распространенное в XX веке. Начинай со времен англо-бурской войны 1899–1903 гг., побежденные армии на оккупированных территориях находились в концентрационных лагерях в течение стабилизационного периода. Условия содержания политзаключенных под стражей во франкистских застенках были таковы, что наносили существенный ущерб государственной казне. В результате в марте-апреле 1940 г. к первой годовщине победы были условно освобождены около 200 000 тыс. человек. Заботы о государственном бюджете заставили Франко сделать частичные амнистии постоянной практикой. К концу 1945 г. в местах заключения оставалось около 43 000 человек.

Сравним это с отношением к политзаключенным в других странах, где существовали диктаторские режимы. В фашистской Германии или в СССР миллионы людей, находившихся в лагерях заключения, активно использовались в качестве дешевой рабочей силы и приносили немалые доходы государству.

Заботы об общественной стабильности требовали от каудильо обратить внимание не только на недавних врагов, но и на соратников. Противник любых крайностей, любых проявлений экстремизма, Франко пресекал его во всех разновидностях, как «левых», так и «правых». Еще в 1937 г. в период создания единой политической партии Фаланга и ХОНС с подачи каудильо фалангисгское руководство было фактически обезглавлено. Если вождь партии Х. Примо де Ривера был расстрелян республиканцами, то второй после него человек в Фаланге, М. Эдилья был осужден на пожизненное заключение в зоне, контролируемой франкистами. Франко опасался, что разногласия

между «старыми фалангистами», представляющими ортодоксальное направление в испанском фашизме, и фалангистами-военными могут привести к нежелательным трениям. Во избежание конфронтации М. Эдилья и ряд других фалангистов были приговорены к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

Нет оснований обвинять Франко в гибели двух других выдающихся фигур лагеря националистов генералов Санхурхо и Мола, погибших в авиационных катастрофах, но их уход с исторической сцены оказался для Франко чрезвычайно выгодным.

После победы большинство наиболее конкурентоспособных соратников каудильо были вежливо оттеснены на периферию власти. Кейпо де Льяно, Ягуэ, Аранда получили посты высокие, но не ключевые. Франко намеревался править страной по собственному усмотрению, без оглядки на мнение авторитетных друзей-соперников. Новое правительство, сформированное в августе 1939 г., состояло в основном из новых людей, чьи заслуги перед национальным движением были скромнее, нежели у прежних министров. Исключение было сделано лишь для Р. Серрано Суньеро, шурина Франко, получившего портфель министра внутренних дел. Очевидно, что лояльность этого человека не вызывала сомнений. В соответствии с укоренившейся испанской традицией родственники и друзья диктатора составили значительную часть высшего руководства страны. Такой подход в подборе кадров в глазах Франко должен был гарантировать правительству единодушие, прочность и уменьшить риск возникновения оппозиционных настроений.

Той же цели было подчинено стремление поддерживать безопасный баланс сил во властных структурах, где посты распределялись между представителями различных группировок победителей. Военные, монархисты, традиционалисты уравновешивали фалангистов в правительстве и на местах. Влияние одной группировки уравновешивалось присутствием других. Например, учитывая особую важность военного министерства, Франко на первых порах разделил его на три самостоятельных органа, ведающих раздельно армией, авиацией и флотом, и назначил министрами соответственно монархиста Х. Э. Варела, фалангиста Х. Ягуэ и аполитичного адмирала С. Морено. Каудильо умело извлекал выгоду из такого положения и повсеместно дозировал присутствие во власти людей с различными взглядами. Такие методы не только укрепляли личную Власть Франко, но и способствовали политическому равновесию в государстве.

Общее положение в испанском руководстве

регламентировалось декретом от 8 августа 1939 г., который закреплял за каудильо право на назначение всех сколько-нибудь значимых военных, гражданских и даже церковных руководителей. Пункты этого декрета дополнили закон от 29 января 1938 г. и окончательно закрепили право главы государства на полную свободу действий и ответственность лишь перед «Богом и Историей». Абсолютное единовластие вождя хорошо проиллюстрировал генерал Аранда, сказавший с изрядной долей горечи: «Франко все приходится делать самому, я не думаю, чтобы кто-либо из испанцев знает, кто же именно является министром».

Весьма решительно действовала диктатура в отношении каталонских и баскских сепаратистов. Закон об отмене автономии Каталонии, предоставленной республикой, был принят весной 1938 г. и вступил в силу сразу же после захвата ее территории. Франко усматривал в сепаратизме одну из главных причин гражданских войн вообще и ее испанского варианта в частности. Даже самые ограниченные автономные права для каталонцев и басков не вписывались в его концепцию Единой, Великой и Свободной Испании («Una, Grande, Libre» «Единая, Великая, Свободная» девиз на гербе франкистской Испании). Поэтому в сфере национальных отношений произошла полная унификация. Автономия Каталонии и Басконии безоговорочно упразднялись. Обучение и делопроизводство предписывалось осуществлять только на кастильском языке (Castilano). Национальные проблемы были объявлены несуществующими.

Активисты прежних правительственных и общественных структур, действовавших в автономных областях, подвергались суровому преследованию. Большую жесткость, чем к сепаратистам, националисты проявляли лишь по отношению к масонам. Террор был для каудильо важным, но не единственным инструментом для осуществления его начинаний на первом этапе существования диктатуры. В деле полного подавления инакомыслия особого рвения им проявлено не было. Исследователь, посвятивший несколько работ изучению франкизма, написал о каудильо следующее: «Франко не был человеком жестокого нрава, он проводил репрессии руководствуясь уверенностью в том, что они продиктованы лишь необходимостью». А такая необходимость объяснялась просто — той обстановкой, в которой он действовал Как отмечал один из его приближенных, «Франко не был революционером, хотя возглавлял самую революционную нацию».[11]

С точки зрения каудильо, ярого противника любых революций и сторонника поступательного развития общества и

государства, нация в первую очередь нуждалась в покое и средствах, способных обеспечить его. Применение террора он рассматривал именно с этой точки зрения и четко ограничивал то время, когда считал его допустимым. В этом он заметно отличался от своих коллег-диктаторов, видевших в терроре надежнейшую опору своей власти.

Верный своим принципам отрицания крайностей, Франко осуществлял репрессии, исходя из двух посылок. Согласно первой, виновные (с его точки зрения) в развязывании братоубийства должны понести наказание. Ради этого он хладнокровно, методично выполнял функции карательного инструмента. В этом отношении совершенно очевиден тоталитарный характер франкистского режима, для существования которого «нужна не только вера и энтузиазм верующих, но и непременно сознание своего бессилия неверующими». Характер Франко и его режима проявился в том, как был организован испанский террор, напрочь лишенный как немецкой изощренности, так и русского размаха. Уровень террористических действий не перешагнул критической отметки, за которой становилось возможным разрушение весьма хрупкой политической стабильности.

Невиданный экономический кризис в послевоенной Испании являлся следствием не только разрушительных военных действий. Его истоки находились гораздо глубже и относились ко временам вялой экономической политики либеральной монархии и решительных, но непродуманных экспериментов демократической республики. Война лишь довершила дело полного развала экономики страны. Требовалось немедленное и основательное реформирование, времени на раздумье и частичные эксперименты у диктатора не было. Испания ощущала острый дефицит всего — станков, средств транспорта, зерна, горючего, удобрений. Недостаток продуктов питания проявлялся в том, что в течение первой половины 40-х гг. большая часть населений систематически голодала.

Экономическая политика режима зиждилась на следующих основополагающих принципах. Прежде всего «экономический национализм» — автаркия, т. е. создание самообеспечивающей хозяйственной системы, не зависимой от ввоза из-за границы и международного разделения труда. Такой подход был вызван не только неопределенностью международного статуса послевоенной Испании, но и явственно ощутимыми симптомами близости глобального мирового конфликта.

Далее, предполагалась централизация экономики, т. е. подчинение перспективных планов ее развития интересам

государства и возможность жесткого контроля с его стороны за всеми процессами хозяйственной жизни страны.

И, наконец, корпоративность — единая форма экономической организации, подразумевавшей решение «рабочего вопроса» через создание вертикальных синдикатов. Рабочий и предприниматель рассматривались с общегосударственной точки зрения как составные части единого промышленного организма и получали одинаковое название — «производитель». Общее название как бы предполагало устранение классового антагонизма. Через провозглашение общности исходных позиций рассчитывалось обеспечить замену классового сознания национальным. Исходя из такой концепции новое государство провозгласило себя национал-синдикалистским. Формирование этой системы поручалось Фаланге, поскольку соответствовало идеологическим принципам именно этой политической группировки в лагере «правых».

Новая система одинаково далеко отстояла как от социализма советского образца, так и от классического либерального капитализма. У модели бескризисной социалистической экономики были позаимствованы следующие основные черты: государственный контроль над производством, потреблением и распределением продукции, ценообразованием, установлением пределов заработной платы. При этом государство гарантировало сохранение частной собственности и прибыли, являющихся непременными атрибутами «либерального капитализма». Однако роль рыночных отношений в целом была значительно уменьшена.

Значительная часть промышленных предприятий, представлявших отрасли, признанные основополагающими для государства, была национализирована или поставлена в условия, при которых имелась возможность контролировать направление и темпы их развития.

В сельском хозяйстве власти определяли размеры посевных площадей и реквизировали у производителя все сверх установленных пределов. Одновременно была предпринята земельная контрреформа, с целью вернуть бывшим владельцам земли, переданные республикой крестьянам. Такой шаг был продиктован не только стремлением режима выполнить свои обязательства перед своими сторонниками, но, вероятно, и желанием преодолеть острый недостаток продовольствия, запустив, пусть архаичный, но отработанный экономический механизм сельскохозяйственного производства. Однако, учитывая крайнюю важность «аграрного вопроса», в октябре 1939 г. был создан «национальный институт колонизации», призванный наделить землей беднейшие слои крестьянства.

Можно сказать, что в период франкизма была создана многогранная, сложнейшая и достаточно эффективная модель социально-экономического устройства государства, изучение которой — тема для отдельной большой работы. Основные компоненты франкистской системы: автаркия, регулируемая экономика, корпоративизм, дополненные гибкой политикой социального маневрирования, — сложно переплетаясь, привели к формированию экономики, способной пережить кризис и одновременно накопившей достаточно возможностей для дальнейшего динамичного развития.

Для данного исследования важны не столько те реальные шаги, которые предпринимались руководителями Испании для достижения целей в том или ином направлении, а скорее установление причин, заставивших Франко выбрать для страны именно ту социально-экономическую модель, которая очень кратко описана выше. Политика автаркии и все вытекающие из нее положения были приняты за основу с личной подачи Франко и диктовались насущной необходимостью.

В экономических вопросах каудильо был склонен придерживаться воззрений, свойственных фалангистам, предпочитая рассчитывать на собственные силы государства. Противоположную точку зрения представляли экономисты из более умеренных консервативных группировок, которые считали необходимым добиваться получения внешней помощи для реконструкции страны. Часто взгляды Франко расходились с мировоззрением фалангистов, но в этом вопросе он использовал их идеи. Это было вызвано не столько внутрииспанской расстановкой сил, сколько международной ситуацией. Он не хотел ставить Испанию в зависимость от воли заимодавцев в условиях, когда в мире все более остро ощущалось приближение новой войны.

Франко хотел сохранить за Испанией право свободно выбирать свою позицию в случае возникновения конфликта. Кроме того, в предчувствии серьезных перемен в мире рассчитывать на объемную поддержку не было оснований. Государства антикоминтерновского блока не располагали достаточными ресурсами, чтобы интенсивно помогать восстановлению Испании, а располагавшие большими возможностями «демократии» и США не торопились предоставить помощь режиму, тесно связанному с потенциальным противником. Таким образом, представляется что выбор со стороны Франко экономической политики — автаркии — диктовался по большей части трезвой оценкой мировых реалий, главной из которых стала назревавшая мировая война.

В 4.46 утра 1 сентября 1939 г. над Гданьским замком прокатился грохот артиллерийского залпа. Немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн» с «пистолетной» стометровой дистанции бросил 280-миллиметровые снаряды в расположение польского укрепления Вестерплатте. Взметнувшееся над польскими позициями пламя возвестило миру о начале Второй мировой войны.

Такое развитие событий не было неожиданностью для главы испанского государства. Франко был заблаговременно извещен о возможности подобного шага со стороны Германии, поскольку информация об этом содержалась в послании Муссолини от 17 августа 1939 г. Так что у Испании было время продумать свою позицию, но она была, по-видимому, изначально определена. Во всяком случае, в распространенном 4 сентября 1939 г. заявлении Франко объявил о нейтралитете своей страны. Текст широко распространенного меморандума содержал призывы к локализации конфликта и скорейшему восстановлению мира между народами. Общий миролюбивый тон заявления и недвусмысленные намеки на желание избежать участия в войне вызвали, как минимум, недоумение в Берлине, поскольку там полагали, что такая позиция Испании не соответствовала духу межгосударственного договора о дружбе от 19 января 1939 года. О том, что Франко намерен проводить самостоятельную политику, в Берлине тогда никто не думал всерьез. Однако именно так и произошло. Кэудильо выбрал свой путь во внешней политике, заключавшийся в предельно гибком маневрировании между позициями противостоявших блоков.

В отказе Испании от немедленного вступления в войну не было ничего особенного, если учесть, что сходным образом поступила Италии. Но в отличие от Италии испанское руководство начало поиск предлога, позволяющего несколько ослабить зависимость от Германии. Берлинское руководство неприятно поразили содержавшиеся в высказываниях Франко нотки неодобрения по отношению к двум фактам — нападения Германии на католическую Польшу и подписания советско-германского пакта. Свои симпатии к единоверцам-полякам, с одной стороны, и последовательный антикоммунизм — с другой, франкистская дипломатия обыграла как повод для некоторого ослабления слишком тесной связи и соответствующей зависимости от гитлеровского рейха.

Впрочем, ни порывать с Германией, ни слишком дистанцироваться от нее Франко не торопился, довольствуясь лишь некоторой свободой в выборе курса. Более того, при каждом Удобном случае он подчеркивал общность взглядов каудильо и

фюрера и особый характер отношений между Испанией и странами «Оси».

Разъяснения, предоставляемые союзникам по дипломатическим каналам, содержали указания на стремление Испании всеми средствами помочь Германии, а также демонстрировали ее нежелание допустить победу «демократий». Франко не отказывался от возможности вступления в войну, но настаивал на том, что сам должен выбрать наилучший момент для такого шага, учитывая тяжелое и нестабильное положение руководимой им страны. В условиях неясности первых месяцев войны Гитлер и Муссолини сочли благожелательный нейтралитет Испании достаточным вкладом в общее дело.

Франко получил возможность выжидать, наблюдать, анализировать. Не стоит думать, что он питал особые симпатии *к* Великобритании или Франции. Безусловно, победа «Оси» сулила его режиму лучшие перспективы. Однако в своей политике он придерживался одного принципа — Испания превыше всего. Рисковать страной и устойчивостью собственной власти он не собирался. Как поднаторевший в политике военный, Франко понимал — в глазах нации вступление в войну может быть оправдано лишь быстрой, решительной и выгодной победой, способной принести немедленные и ощутимые блага стране.

Другого сценария страна, еще не оправившаяся от последствий Гражданской войны, не простит. И хотя мечты о возрождении имперского величия Испании являлись одним из краеугольных камней франкистской идеологии, он сознавал, что достижение этой цели возможно лишь при самых благоприятных, идеальных условиях. А в 1939 г. таких не наблюдалось. Военная и экономическая мощь западных демократий вызывала у Франко достаточное уважение, чтобы предостеречь его от опрометчивых шагов. В открытом противоборстве с ними, даже при поддержке Германии и Италии, Испания могла надорваться ради гипотетических приобретений, которые принесут пользу лишь какое-то время спустя.

Война обещала быть длительной и трудной, а это обстоятельство могло стать приговором его, Франко, власти и созданному им политическому режиму. Поэтому нейтралитет Испании с самого начала был четко очерченным и неукоснительно выполнялся. Вместе с тем Франко не отказывался от торгового сотрудничества с Германией. Германия остро нуждалась в поставках стратегического сырья, которым располагала Испания. Вольфрам, железная руда, серный колчедан и многое другое, чем богат Иберийский полуостров, активно поставлялись в Германию в рамках товарообмена и как средство

погашения задолженности за военные поставки периода Гражданской войны. При этом Испания отнюдь не свертывала своих отношений с Великобританией и США, полностью используя права нейтрального государства, дающие возможность свободно выбирать торговых партнеров. В торговой политике Франко руководствовался желанием получить максимум выгод для своей разоренной страны и политические пристрастия не принимал в расчет.

Таким образом, нет оснований считать, что поставки сырья для германской военной промышленности являлись свидетельством нарушения нейтралитета. Испанская железная руда, обмененная на горючее, использовалась как в германском, так и в английском военном производстве. И вполне вероятно, что изготовленная из нее броневая сталь применялась для изготовления танков «Матильда» и «Валентайн», которые Англия поставляла в Советский Союз. Значит можно сказать, что Франко, презрев свой нейтральный статус, помогал Советам. Но эта версия почему-то у нас в стране распространения не получила.

Отношение Испании к своему нейтралитету несколько изменилось в 1940 г., когда в ходе весенне-летней кампании германский вермахт разгромил Францию. Эйфория от головокружительного успеха, охватившая гитлеровцев, проявилась и в Испании. В частности, изменилось отношение Франко к пониманию испанского нейтралитета. Правда, в отличие от итальянского дуче Муссолини, поспешившего присоединиться к победителю и в надежде на близкую конечную победу напрямую включившегося в вооруженный конфликт, каудильо и тогда проявил обычную осторожность. Испания лишь сменила дипломатический статус своего неучастия в войне: 12 июня 1940 г. был опубликован декрет, согласно которому руководимое им государство было объявлено «невоюющей стороной».

Такое уточнение статуса явилось «новым словом» в мировой дипломатической практике. Новшество оказалось полезным, поскольку позволило каудильо занять испанскими войсками Танжер, находившийся под международным управлением. Этот порт и прилегающий к нему район были включены в состав испанского Марокко. Эта акция, совершенная спустя два дня после публикации документа, «уточняющего» позицию Испании, прошла спокойно: в сложившейся ситуации дальнейшее совместное управление Танжером стало невозможным, поскольку из восьми комиссаров, управлявших «вольным городом», трое представляли враждовавшие государства — Италию, с одной стороны, Великобританию и Францию, — с другой. Учитывая эти

обстоятельства, можно допустить правомерность утверждения, что оккупация Танжера «невоюющей страной» способствовала сохранению его нейтрального статуса, а также то, что это делалось по согласованию с представителями западных демократий.

После разгрома Франции Франко занял более демонстративную позицию, свидетельствовавшую о поддержке стран «Оси». В своих контактах с германским руководством он старался дать понять, что его действия направлены на поддержку Германии и его страна готова к началу активизации такой поддержки. Он поспешил сформулировать условия, на которых Испания готова включиться в войну.

1Э июня испанский посол вручил в Берлине своеобразный «счет» за предполагаемое участие Испании в войне. Свою поддержку Франко оценивал высоко: Германии предлагалось гарантировать осуществление притязаний Испании на французскую часть Марокко, западный Алжир, французский Камерун и расширение Испанской Сахары до 20-й параллели. Поскольку согласно военным планам испанского генерального штаба первой военной операцией должен был стать захват британского Гибралтара, Франко требовал гарантий его закрепления за Испанией. В этом вопросе его претензии также не отличались умеренностью: представитель Франко в Берлине генерал Вигон запросил для осуществления захвата Гибралтара: 200 танков, 40 пикирующих бомбардировщиков, 100 орудий 155-миллиметрового калибра, 100 тяжелых минометов, да еще сверх того 800 тыс. тонн зерна, 100 тыс. тонн хлопка, 25 тыс. тонн каучука и 625 тыс. тонн химических удобрений и еще кое-что в столь же внушительных размерах. Точная дата вступления в войну, даже в случае принятия всех требований, не определялась.

Для удовлетворения запросов Франко Гитлеру предстояло вступить в серьезный конфликт с вишистской Францией, и что еще важнее — требовалось произвести основательные изъятия сырья и продовольствия из собственной немецкой экономики и запасов вооружения вермахта. Остается предположить, что каудильо, не горя желанием ввязываться в драку, вел беспроигрышную игру: в случае согласия Германии удовлетворить его запросы Испания при минимальных затратах могла приобрести очень много, а если его заявки не выполнялись, он мог отказаться от вступления в войну, ссылаясь на объективные трудности, переживаемые страной.

Подобный перечень испанских пожеланий ложился на стол Гитлера всякий раз, когда тот поднимал вопрос об обещании Франко вступить в войну. Чем очевиднее была

бесперспективность положения Германии, тем более трудновыполнимым был этот список. Стоит обратить внимание на один из пунктов, включенных в список желательных поставок, а именно — на запрос о предоставлении Испании 25 000 тонн каучука. Дефицит этого вида сырья непременно отмечался среди наиболее острых проблем германской военной экономики. Эта просьба Франко, очевидно, не могла быть удовлетворена, в противном случае вермахт просто остался бы без колес. Каудильо не мог этого не знать, но упорно настаивал на этом пункте. Подобные методы Франко красноречиво свидетельствуют, что он заламывал несоизмеримо высокую цену, будучи изначально не заинтересованным в реальном заключении сделки. И Гитлер всякий раз отступал, поскольку выполнить все заявки он не мог. Не мог он принудить Франко силой или угрозами оказать «друзьям» более действенную поддержку.

Впрочем, тогда, летом 1940 г., Гитлер, внимательно наблюдая за изменением позиции Испании и отдавая себе отчет в ее чрезвычайной слабости, предпочел оставить испанские предложения без конкретного ответа. Германское командование делало ставку на разгром Англии посредством воздушных бомбардировок. Средиземноморский театр считался второстепенным, а потому вступление в войну Испании не казалось остро необходимым.

Трудно судить, насколько серьезны и искренны были намерения Франко. Действительно ли он хотел попытать счастья в рискованной борьбе с Великобританией или его военные приготовления имели целью «замазать глаза» Гитлеру? Вероятно, в известной мере справедливо и то и другое предположение. На деле Испания по-прежнему оставалась нейтральной страной, наблюдающей мировую бойню со стороны.

Между тем военные действия развивались своим чередом. «Битва над Англией», развернувшаяся во второй половине 1940 г., шла с максимальным напряжением для обеих сторон, участвовавших в конфликте. Экономика Великобритании ценой невероятных усилий успевала восполнять потери, наносимые люфтваффе. Англичане доказали решимость сражаться до конца за свою свободу. Гитлеровское командование вынуждено было пересмотреть планы ведения войны. Средиземноморский театр военных действий приобрел для немцев новое значение, как регион, господство над которым могло разрушить экономические связи в рамках Британской империи и тем подорвать ее способность к сопротивлению.

Вопрос о стратегической роли Гибралтарской базы приобрел особый смысл, а значит, возросло значение позиции Испании.

Многое зависело от того, проявит ли Испания серьезную готовность поддерживать «Ось». Германское военное командование добивалось от Франко вступления Испании в войну и допуска немецких войск на территорию полуострова. Участились визиты в Испанию представителей вермахта и германских дипломатов, целью которых было выяснение возможностей испанских вооруженных сил, с одной стороны, и намерений каудильо, — с другой.

В августе 1940 г. Ф. Гальдер, начальник немецкого штаба ОКВ, отметил в своем «Дневнике» по поводу отношений фюрера и каудильо: «Намереваются запрячь Испанию… Теперь фюрер будет его обрабатывать, чтобы склонить к немедленному выступлению на нашей стороне…». Настойчивость германского руководства, намеренного вопреки очевидным и хорошо известным немцам фактам о трудностях, переживаемых франкистским государством, вовлечь Испанию в вооруженный конфликт, подтверждает чрезвычайную важность гибралтарской позиции грандфлига (британского ВМФ) и королевских ВВС.

Гитлер совершенно верно оценивал стратегическое значение Гибралтара и испанских владений в северной Африке, но свою способность повлиять на позицию каудильо он переоценил. Люди из окружения Франко, в первую очередь те, кому довелось быть министрами в его правительствах, знали, насколько обманчива «податливость» и «внушаемость» их начальника. Так, один из них, Л. де Аррессе и Магра, входивший в правительства в первой половине 40-х гг., отмечал: «Каудильо не был личностью легко управляемой, как некоторые предполагали». Эта мысль может быть прекрасно проиллюстрирована историей взаимоотношений Франко и Гитлера в ходе мировой войны.

Каудильо, внимательно наблюдая, как развивается «Битва над Англией», пришел к выводу о том, что английский народ будет бороться до конца. Надежда на возможность успешного для Германии исхода этого конфликта заметно поколебалась. Если позиция каудильо в первой половине 1940 г. была неопределенной и трудно поддается однозначному толкованию, то его намерения и действия в последующие полгода должны быть трактованы совершенно однозначно: Франко прочно встал на позицию невмешательства в войну, и Гитлер явно просчитался, надеясь, что испанский «союзник» пожертвует своей страной ради германских интересов.

Гораздо вернее был понят Франко У. Черчиллем, который определил политику испанского диктатора следующим образом: «Политика генерала Франко на всем протяжении войны была исключительно своекорыстной и хладнокровной. Он думал

только об Испании и испанских интересах… Этот тиран с ограниченными взглядами думал только о том, чтобы предотвратить участие своего обескровленного народа в новой войне».

Проведение такого курса Франко должен был тщательно маскировать именно от правительств стран «Оси», потому что положение в Европе 1940 г. не допускало возможности открытой конфронтации с Гитлером. Франко прибег к практике пустых обещаний и бесконечных проволочек, призванных закамуфлировать нежелание воевать. Многочисленные представительные делегации наносили визиты с той и другой стороны, но переговоры оканчивались безрезультатно. Зачастую в ходе этих встреч складывались ситуации, едва не переступавшие грань общепринятых дипломатических норм. Так, во время очередного визита Р. Серрано Суньера в Берлин в ходе тяжело проходивших переговоров им была брошена фраза, что Гитлер ведет себя как «мелкий еврейский торгаш».

Гитлер не собирался отказываться от своих планов втянуть Испанию в войну. Он возлагал надежды на личную встречу с Франко, рассчитывая решить эту проблему. Первая и единственная встреча двух диктаторов была назначена на 23 октября 1940 года. Местом проведения ее было избрано местечко Эндай, расположенное на франко-испанской границе. Рассказ об этом, несомненно знаменательном моменте в истории, стоит начать с описания «опоздания Франко», ставшего почти хрестоматийным: вместо запланированных 14 часов поезд каудильо прибыл к платформе Эндайского вокзала на час позже.

У большинства историков не вызывает сомнения преднамеренность опоздания каудильо, известного своей педантичной точностью. Подобная точка зрения существует издавна и в отечественной историографии. Мнение о сознательной задержке поезда подверглось сомнению в 1990 г. в интервью, которое дал Р. Серрано Суньер советскому журналисту. При этом было сказано следующее: «Франко даже не посмел бы подумать о подобной неучтивости! Мы опоздали по вполне прозаичной причине, из-за отвратительных железных дорог. Я хорошо помню как волновался каудильо, узнав, что поезд прибудет в Эндай позже намеченного срока». Мнение это принадлежит очень авторитетному политику, но… политику, который, был одним из столпов франкистского режима, убежденным гонителем «левых» и придерживался последовательной прогерманской позиции, а к началу 90-х стал убежденным защитником «демократических ценностей» и признал свои ошибки. Искренность такого свидетеля

сомнительна.

К версии о запланированном опоздании с целью «психологической подготовки» Гитлера можно относиться по-разному, это не самое важное. Гораздо важнее позиция, занятая Франко на переговорах, и их конечный результат. После взаимных улыбок, приветствий и стандартных клятв в вечной дружбе начались переговоры. Гитлер, излагая свои требования, хотел вырвать у Франко обещание в точно установленный срок объявить войну Великобритании и помочь осуществить намеченную операцию против Гибралтарской крепости.

План захвата Гибралтара, разработанный германским генштабом, носил название «Феликс». Он подразумевал пропуск Испанией через свою территорию 20 дивизий вермахта. Армии Испании в плане отводилась вспомогательная роль. Покончить с английскими силами в крепости предполагалось 10 января 1941 года. В тот же день Испании предлагалось объявить войну Великобритании. Речь Гитлера содержала также требования предоставления морских баз на Канарских островах.

Выслушав фюрера, Франко в ответ заявил, что изложенный план не пригоден, поскольку задевает национальные чувства испанцев. По его мнению, овладение Гибралтаром дело самой испанской армии. Чтобы Испания могла осуществить эту операцию, Германия должна предоставить современное вооружение, тяжелую артиллерию и многое другое. Это заявление каудильо подкрепил указанием на сложность преодоления пиренейских перевалов в зимнее время. Кроме того, он напомнил, что присутствие иностранных войск на территории Испании может вызвать партизанскую войну, сходную с антинаполеоновской герильей.

Эти экскурсы в историю и географию должны были предостеречь фюрера от опрометчивых шагов. Франко выразил сомнения в возможности быстрого сокрушения Британии и заявил о том, что в случае удами операции Германия должна будет компенсировать утрату английского источника поступления остро необходимых Испании зерна и нефти. По сути он свел переговоры к вопросу о поставках в Испанию вооружения и продовольствия. Испанский генералиссимус снова не назвал окончательной даты вступления своей страны в войну. Девятичасовые переговоры оказались безрезультатными. Франко уехал, не подписав заготовленных Суньером и Риббентропом документов и фактически отказавшись пропустить немецкие войска через свою территорию. Оценивая эндайскую встречу, Гитлер сказал, что предпочел, чтобы ему вырвали 3 или 4 зуба, чем снова пройти через все это. По другую сторону фронта У.

Черчилль так охарактеризовал позицию испанцев и их каудильо: «Они не хотели, чтобы иностранные войска ступали по их земле… Франко полностью разделял их чувства и умело их направлял».

Испанский диктатор проявил изрядную стойкость и хладнокровие, отстаивая интересы своей страны перед Гитлером. Неудача эидайских переговоров явилась, пожалуй, первым дипломатическим поражением Гитлера в диалогах с представителями стран Запада. Франко убедился в том, что отстоять свою точку зрения он может дипломатическим путем, избегая прямой конфронтации со странами «Оси». Средства массовой информации Испании продолжали твердить об общности интересов и духовном единении с Германией. В приватных беседах с представителями западных держав Франко подчеркивал свое настойчивое стремление избежать участия в вооруженном конфликте. Таким образом, вопрос об участии Испании в войне как бы завис в воздухе.

Ситуация, казалось бы, должна была измениться летом 1941 года. Франко неоднократно осуждал договор о ненападении между Германией и СССР. После 22 июня 1941 г. франкистское руководство Испанией выразило Германии свое удовлетворение и поддержку на словах, но уклонилось от объявления войны кому-либо из противников Германии, включая СССР. Впрочем, один шаг е направлении, желательном для Германии, Франко сделал, и этот шаг может считаться одним из немногих промахов осторожного политика. Речь шла о наборе е добровольческое формирование для отправки на Восточный фронт для участия в крестовом походе (crusada) против коммунизма.

В сложнейшем хитросплетении причин, подтолкнувших каудильо к созданию «Голубой дивизии», определенное значение имел его ярко выраженный антикоммунизм, который, очевидно, и помешал ему оценить всесторонне последствия этого шага. Он не учел, что в России он встретит совсем иного противника, нежели тот, что был знаком ему по событиям Гражданской войны 1936–1939 гг., что его легионерам придется столкнуться с солдатами народа, взявшегося защищать не абстрактные идеи, а независимость своей земли, свои «пашню и очаг». Слабое знакомство с русской историей не позволило ему предвидеть, что в борьбе с иноземными захватчиками русский народ сумеет сплотиться. Не смог он ожидать того, что в ходе войны русский коммунизм изрядно трансформируется, а русский диктатор будет говорить и действовать с позиций близкого самому Франко национализма.

Словом, вместо того чтобы реально взвесить перспективы борьбы против неизвестной русской величины, Франко попытался

разыграть русскую карту в своих тактических интересах. Посылка дивизии на Восточный фронт позволила ему отчасти оправдаться в глазах Гитлера. Но так как официального объявления войны не было, то и убедительного повода для ответных действий у стран формирующейся антигитлеровской коалиции не было. Каудильо использовал против Советов их собственный прием — вмешательство без объявления войны, путем отправки добровольцев, желающих бороться с мировым коммунизмом.

Напрашивается еще одно предположение: отправляя добровольцев в далекую Россию, Франко спроваживал из Испании цвет фалангистской партии, ортодоксальных фашистских ультра, которых не удовлетворял умеренный политический курс каудильо внутри страны. Ведь именно командира «Голубой дивизии» Муньеса Грандеса немецкий абвер прочил в испанские лидеры, если бы удался намеченный антифранкистский переворот. Таким путем Франко ослабил оппозицию своему режиму справа. Многие «старые фалангисты», поклонники идей Х.-А. Примо де Риверы, остались в России навсегда. Тех, кто вернулись избежавшими русских пуль, он отправил во «франкистские застенки», как это произошло с летчиками эскадрильи «Сальвадор».

Правда, решая ближайшие задачи, Франко не предусмотрел, что позже, когда державы-победительницы будут решительно и жестко перекраивать послевоенный мир, «Голубая дивизия» станет основным аргументом в пользу необходимости насильственного изменения режима в Испании и осложнит проблему выживания франкизма в рамках нового мироустройства.

«Голубая дивизия» была сформирована в июле 1941 г. в г. Ирун. Она состояла из 4 пехотных полков, 3 отдельных батальонов, артполка и кавалерийского эскадрона, насчитывающих в обшей сложности 1 генерала, 641 офицера, 2 272 младших командиров и 15 780 солдат, и была подготовлена к отправке в Германию с перспективой вскоре отправиться на Восточный фронт. 13 июля первый эшелон добровольцев был отправлен из Испании, несколько ранее, 30 июня, отбыли летчики авиаэскадрильи «Сальвадор». В Германии дивизия, сменив обмундирование, была включена в состав вермахта под № 250 и отправлена на северный участок фронта в район действий группы армий «Север», где 8 октября заняла предписанное дислокацией место в полосе 16-й немецкой армии.

Со временем дивизия заслужила восхищение немецкого командования за отчаянную храбрость ее солдат и офицеров и одновременно удостоилась славы формирования, совершенно

лишенного элементарной военной дисциплины. Дивизия принимала участие в боях под Великими Луками, на Ладоге и Волхове, под Красным Бором, зачастую на самых опасных участках. Данные о ее потерях различны, но, очевидно, они были велики.

Официальное присутствие испанских солдат на Восточном Фронте продолжалось до 1943 г., когда Франко, окончательно разуверившись в возможности победы Германии, решил отозвать «Голубую дивизию» домой. При этом он не вспоминал о своем публичном заявлении 14 февраля 1942 г. в Севилье о том, что в опасный для Германии момент на пути коммунистов к Берлину «окажется не одна дивизия, а миллион испанцев».

По мере того как изменялась ситуация, менялась и позиция Франко. Отчасти под давлением Англии и США, отчасти исходя из бессмысленности пребываний дивизии на фронте, где ее присутствие ничего не меняло, «Голубая дивизия» была возвращена домой, а те из легионеров, кто пожелал остаться, составили так называемый «Голубой легион» и вошли в состав вермахта, полностью утратив свой особый статус.

Для Гитлера присутствие на Восточном фронте «Голубой дивизии» имело скорее символическое значение. Одна или десять испанских дивизий не меняли здесь ситуации. Гораздо важнее в плане стратегическом было отношение Франко к вопросу о захвате Гибралтарской крепости. Однако из-за несговорчивости Франко германские разработки, известные под названием «Изабелла-Феликс», остались на бумаге. Такая же участь была уготована проекту «Илона-Гизела», возникшему в период поражений итало-немецких войск в Северной Африке.

Очевидно, что в 1942–1943 гг. Франко совершенно перестал причислять Испанию к союзникам «Оси», скорее, напротив. Во всяком случае, 13 ноября 1942 г. Черчилль писал Сталину, информируя его о ходе операции «Факел»: «Политическая реакция Испании и Португалии была в высшей степени удовлетворительной и опасность того, что порт Гибралтара и аэродром будут приведены в негодность, пока перестала причинять беспокойство».

Эпизод с полным непротивлением Франко союзной высадке в Северной Африке в очередной раз продемонстрировал миру «особую позицию» Испании. Оставаясь на словах сторонником Гитлера, каудильо не сделал ничего реально значимого ради своего союзника. Более того, закамуфлированная митинговым пафосом и газетными воплями перемена курса, очевидно, становилась реальностью.

Считавшееся прогермански настроенным правительство Р.

Серрано-Суньера было отправлено в отставку. Министром иностранных дел вместо «зятька» был назначен Ф. Гомес-Хордана, типичный аристократ-традиционалист, которого вполне обоснованно считали англофилом. Перестановка кадров предвещала окончательное закрепление курса лояльности к антигитлеровской коалиции и отказ от германского приоритета во внешней политике Испании. Новая позиция оформилась не в один день, но со временем перемены становились все более очевидны. 10 октября 1943 г. Франко заявил о переходе Испании от положения невоюющей страны к нейтралитету.

Возмущение Берлина по этому поводу генералиссимус оставил без внимания. Воевать, тем более на стороне терпевших поражение за поражением государств «Оси», он не собирался. Его занимали теперь другие проблемы. Ему удалось добиться от противников определенных гарантий для Испании. Англо-американцам он обещал не допускать на Иберийский полуостров немецкие войска, за что получил обещание союзников не вторгаться в Испанию. Перед Германией Франко обязался не допустить союзного вторжения, за что получил аналогичные гарантии от Гитлера. В те дни Франко неоднократно заявлял о готовности испанцев оказать сопротивление любому противнику, который вознамерится вторгнуться на Иберийский полуостров, будь то Германия или союзники.

Впрочем, надо признать, что не только решимости каудильо Испания обязана сохранением нейтрального статуса. Скорее, вовлечению Испании в войну помешало взаимное нежелание противоборствующих сторон открывать новый фронт в Европе. Франко верил гарантиям, потому что понимал ситуацию на Фронтах. Разгром итало-немецких войск и их изгнание из Северной Африки и последующее вторжение союзников в Италию не оставило немцам возможностей для вторжения в его страну. Стратегическое значение Гибралтара несколько снизилось. Хотя овладение им по-прежнему оставалось желательным для Германии, отвлекать с других направлений силы, достаточные для сокрушения испанской армии и взятия крепости, немцы были не в состоянии, потому что Восточный фронт по-прежнему поглощал подавляющую часть огромных германских резервов. Значительных сил требовал фронт в Италии. Наконец, угроза союзного десанта во Франции диктовала необходимость наличия на севере этой страны определенных бездействующих войсковых контингентов. В свою очередь, союзники, столкнувшиеся в Италии с серьезными трудностями и начавшие подготовку к высадке в Нормандии, также не имели сил и желания создавать фронт в Иберике. Потому в неприкосновенности Испании и

Португалии, связанных оборонным договором, Франко мог быть почти уверен.

Основной задачей главы испанского государства стал поиск путей сближения с союзниками, в победе которых он теперь, пожалуй, не сомневался. Стоит вновь подчеркнуть, что политические и экономические отношения между Испанией и союзниками существовали на протяжении всей Второй мировой войны. Даже когда франкистский режим демонстрировал антианглийский пыл и в стране нагнеталась прогерманская военная истерия, Франко дальновидно предоставлял возможность поносить большевизм и «прогнившие демократии» своим подручным фалангистам.

Как прагматик он избегал излишнего увлечения демагогическим словоблудием. Справедливости ради стоит отметить, что демагогия ему и не давалась. Франко не был оратором, сравнимым с Гитлером, и не обладал даром «зажигать» толпу. Его речи, как правило, отличались скучноватой академичностью, хотя он и умел подобрать подходящие слова и лозунги. Возможно, поэтому сам Франко оставался для Черчилля и Рузвельта достаточно предсказуемым партнером. Лидеры демократий отдавали должное его прагматизму и конструктивной позиции, нацеленной на получение максимальных выгод для своей страны. Политическая необходимость вынуждала расширять контакты, преодолевая взаимную неприязнь.

Влияние союзников на Франко росло прямо пропорционально военным поражениям Германии. В 1943 г. послы США и Англии были в состоянии предостерегать испанское руководство от резких нападок на СССР. От имени своего правительства полпред США в Испании советовал официальным лицам и СМИ франкистского режима «сменить тон в отношении СССР и немедленно перестать делать вид, что германская агрессия против России является „крестовым походом“». При этом напоминалось, что «любые атаки против России будут рассматриваться как нападение на основного союзника Соединенных Штатов». Подобные одергивания со стороны союзных лидеров в сочетании с трезвой оценкой развития обстановки возымели действие — антисоветская истерия если не угасла, то во всяком случае пошла на спад. Фалангистским демагогам нашлась другая работа — разъяснять и доказывать самобытную сущность испанской политической системы и ее независимость от германского нацизма.

Отношение к Франко со стороны союзников по антигитлеровской коалиции было различным. Наиболее

непримиримую позицию, по вполне понятным причинам, занимал Советский Союз. Позиция США была более лояльной, но настороженной. Особую полигику в отношении Испании проводил официальный Лондон. Свое отношение к Франко и судьбе Испании в послевоенном мире Черчилль выразил словами: «Следует делать различие между человеком, который сбил вас с ног, и тем, который вас не трогал».

Для него не имел знамения вопрос, почему Испания не вступила в войну — из добрых побуждений или в силу экономико-социальных трудностей. Он помнил, что в самые трудные годы борьбы с фашизмом Гибралтар оставался английским, что Франко не мешал союзной высадке в Северной Африке. «Бывший военный моряк», как любил называть себя сэр Уинстон, был благодарен испанскому пехотному генералу за то, чего Франко не сделал для Гитлера. Осторожный и предусмотрительный Черчилль видел грядущие перспективы новой расстановки сил в мире. Учитывая это, английский премьер желал иметь дружественную Испанию.

Различие подходов к испанской проблеме между США и Англией проявилась в период «вольфрамовой баталии», суть которой состояла в попытке госдепартамента США запретить испанцам продавать Германии вольфрам. Ф. Рузвельт, очевидно, переоценил свои возможности влиять на Франко, когда весной 1944 г. пригрозил Испании жесткими мерами в случае, если испанцы не прекратят поставки вольфрама Гитлеру. Желание президента США лишить противника ценнейшего для военной промышленности сырья понятно и обоснованно.

Однако в разгоравшийся конфликт вмешался Черчилль, имевший свой взгляд на данную проблему. Хитрый англичанин, очевидно, учитывал в данном вопросе больше факторов, чем американцы, в частности то, что за испанское сырье Гитлер по требованию Франко расплачивался готовой продукцией — вооружением, среди которого остродефицитные для Германии истребители, зенитные и противотанковые пушки. Таким образом, за вольфрам, который германской промышленности предстояло обработать в условиях нарастающих ударов союзной авиации по заводам и фабрикам рейха, Гитлер отдавал испанцам, т. е. выводил в нейтральное поле, те средства, которые могли помешать воздушному и сухопутному вторжению союзников на европейский континент. Очевидно, исходя из этих соображений, Черчилль добился от заокеанского союзника смягчения позиции. Он просил Рузвельта «прекратить заниматься глупостями» и добился компромиссного решения. Франко по-прежнему поставлял немцам вольфрам, а те, в свою очередь, отдавали ему

свое вооружение.

В конце войны генералиссимус решил использовать свои окрепшие отношения с западными союзниками и сохранявшиеся контакты с Гитлером для достижения определенных геополитических целей. Франко попытался взять на себя роль своего рода посредника, разъяснявшего противникам в войне их ошибки. Он искал способы довести до западных союзников, и в первую очередь до англичан, свой взгляд на войну. В своих речах и посланиях британскому руководству каудильо объяснял Черчиллю, в каком положении окажется Англия в случае поражения Германии и крушения системы национал-социализма. Он пугал англичан советизацией Европы и чрезмерным усилением позиций США. Всячески подчеркивал, что только сохранение мощной Германии способно сдержать русских. Он предлагал сласти европейскую цивилизацию от большевизма посредством заключения сепаратного мира на западе и создания новой коалиции на принципах антикоммунизма.

Эти идеи каудильо пронизывали все внешнеполитические мероприятия Испании, начиная примерно с 1943 года. К чести наших союзников стоит отметить, что потуги Франко вызывали, скорее, брезгливое недоумение, нежели конструктивный отклик. Черчилль не хуже испанского диктатора понимал, что может произойти с Европой, однако считал, что решит свои проблемы без Франко. На назойливые увещевания испанца отвечали холодно, порой вежливо, порой не очень. В целом каудильо четко давали понять, чтобы он знал свое место.

Под вопросом находилась сама возможность существования режима в послевоенном мире. Ни Рузвельт, ни Черчилль, ни тем более Сталин не желали видеть Франко за общим столом при решении вопросов нового мироустройства. Заявка каудильо на сотрудничество с Объединенными Нациями в деле восстановления мира, сделанная в ноябре 1944 г. в интервью агентству «Юнайтед пресс», получила резко отрицательный отклик во всем мире. Франкистская Испания вступила в новую эпоху в состоянии полной неопределенности. Режим ждала долгая и тяжелая борьба за выживание.

Рассмотрение некоторых аспектов, касающихся истории существования франкистского режима в период Второй мировой войны, позволяет сделать следующие выводы. Привычная оценка Испании как одного из верных сателлитов Германии вызывает сомнение. Вопрос о том, на чьей стороне был Франко в период Второй мировой войны, предполагает однозначный ответ — на стороне Испании. Его подчеркнуто эгоистическая позиция была направлена лишь на извлечение максимальных выгод для своей

страны. Проведение такой политики требовало непрерывного лавирования между противоборствующими коалициями. Основная цель этой политики состояла в сохранении мира для Испании любой ценой.

Политик, способный учесть состояние страны и избавить соотечественников от новых страданий, заслуживает, как минимум, одобрения со свое здравомыслие. Испанский нейтралитет периода войны оставался реальностью, хотя менялись «вывески», его прикрывающие. Участие «Голубой дивизии» в военных действиях на Восточном фронте имело характер добровольческого мероприятий и может рассматриваться как попытка Франко одновременно решить две проблемы (внешнеполитическую и внутриполитическую) — успокоить заимодавца — гитлеровскую Германию и избавиться от наиболее радикально настроенных сторонников фашизма внутри Испании.

Позиция Франко в отношении отдельных членов антигитлеровской коалиции проявлялась по-разному. Он демонстрировал верность (относительную) государствам «Оси» в действиях против СССР. Это объяснялось идейными соображениями (неприятие идей коммунизма) и, вполне возможно, личной обидой за то, что Советский Союз так активно поддерживал противников национал-традиционалистов в Гражданской войне.

Одновременно, в отношении западных членов антигитлеровской коалиции Франко вел себя подчеркнуто миролюбиво. Это особенно проявилось в ситуации, связанной с британским Гибралтаром, Итак, в одном случае «Голубая дивизия», затерявшаяся под № 250 среди других составляющих вооруженных сил вермахта, в другом — недопущение взятия Гибралтара. Именно в этих двух эпизодах сказалось испанское военное участие (точнее неучастие) в мировом конфликте.

Экономическое сотрудничество со странами «Оси» объяснилось как необходимостью выплатить долги, так и взаимной выгодой в торговле. Одновременно Испания поставляла стратегическое сырье и странам антигитлеровской коалиции.

Что касается идейной близости с фашистскими государствами, то она, во-первых, была поверхностной, а во-вторых, была порождена условиями, в которых сложился франкизм. Ведь франкистский режим возник как антикризисный в условиях преодоления той ситуации, когда бессильны оказались механизмы демократического общества, а идеи национал-традиционализма столкнулись с идеями интернационал-коммунизма.

Франко, оказавшийся во главе «больного» испанского общества, постарался подчинить свои симпатии и антипатии решению одной проблемы — извлечь максимум выгод для своей страны из реально существующего положения вещей. И надо отдать ему должное — он сумел упрочить свою власть внутри страны, избежать участия Испании в войне, обеспечить ей право на существование в послевоенном мире и даже заложить основы фундамента будущей государственности.

ГЛАВА VII
ОФОРМЛЕНИЕ РЕЖИМА

Вопрос о послевоенном статусе Испании представляет особый интерес. Осмотрительность политики Франко во время мировой войны принесла свои плоды сразу же после ее окончания: когда державы-победительницы определяли на Потсдамской конференции новую расстановку сил, ничего угрожающего для франкистской Испании решено не было.

Предложение И. Сталина разорвать дипломатические отношения с Мадридом не нашло поддержки у руководства союзных держав. У. Черчилль в своем выступлении критически отозвался о Франко и его режиме. Однако он подчеркнул, что чрезмерный нажим на Испанию может способствовать росту националистических настроений, а вместе с тем сплочению нации вокруг Франко как национального вождя и упрочению его власти в стране. Г. Трумэн, в свою очередь, уведомил коллег по конференции, что, несмотря на неприятие Соединенными Штатами франкизма как политической системы, его страна не намерена участвовать в новой испанской гражданской войне. Он подчеркнул, что изменение политического режима — это внутреннее дело испанского народа.

И. Сталин, будучи политиком-прагматиком, не настаивал на своих предложениях в отношении Испании. «Испанский вопрос» сравнительно мало волновал советскую сторону на переговорах в Потсдаме, что лишний раз указывало на спокойное отношение к франкистскому режиму. Это необходимо отметить, поскольку обычно И. Сталин умел добиваться от союзников желательного результата, если этот результат представлялся ему действительно желательным.

Пассивная позиция в войне, дававшая в глазах победителей определенное «право на существование» для франкистского режима, была дополнена очень важным обстоятельством, использованным Франко непосредственно в дни Потсдамской конференции. Для понимания этого эпизода необходим небольшой экскурс в историю предшествовавших лет. Франко прекрасно сознавал со времени своего прихода к власти, что его режим не имеет легитимного статуса. Для него, убежденного традиционалиста, такое положение было крайне нежелательным. Поэтому вопрос о том, чтобы придать своей власти легитимный характер и, что не менее важно, уберечь Испанию от новых экстремальных ситуаций, занимал его с самого начала.

Но пока весь мир находился в экстремальной ситуации глобального военного катаклизма, а внутри страны не были преодолены последствия внутренней распри, вопрос об изменении формы власти казался каудильо преждевременным. Однако, постепенно, уже с начала 40-х гг., он начал осуществлять внутреннюю перестройку своего режима. 14 июля 1942 г. было объявлено о восстановлении кортесов, традиционного испанского представительного органа. С одной стороны, кортесы существовали в Испании издавна (первые упоминания о них относятся к концу XII в.) и возрождение их было данью традиции, с другой — факт их созыва указывал на то, что Франкистская Испания начала изменяться в духе, соответствующем требованиям новейшего парламентаризма.

Конечно, это был парламентаризм, регулируемый и дозированный соответственно потребностям диктаторского режима, но важен был сам факт отступления от принципа, согласно которому власть стоит выше закона. К политической жизни была допущена лишь небольшая часть политических сил и движений, из числа тех, которые были преданы или относительно лояльны режиму, но даже это открывало возможности для существования различных позиций, мнений для возникновения конструктивной оппозиции.

Свой главный козырь каудильо выложил в день открытия Потсдамской конференции, обнародовав 17 июля 1945 г. проект конституции, названный «Хартией испанцев». Проект основного закона государства признавал многие права человека, присущие демократическим обществам. В частности, в Хартии провозглашались неприкосновенность и свобода личности, уважение к семье, а также право на образование и участие в жизни государства, свободу выбора места жительства и свободу переписки. Однако в статье 35 указывалось на право правительства приостанавливать действие данных свобод.

Обнародование проекта «Хартии испанцев» давало каудильо лишний шанс на снисходительность и понимание со стороны тогдашних вершителей судеб мира, заседавших в Потсдаме, на то, что франкизм получит возможность спокойного существования. А это, в свою очередь, означало, что Испания может спокойно и органично развиваться, подчиняясь внутренним потребностям. Одновременно Франко в очередной раз изменил состав правительства, куда в ущерб фалангистам (ортодоксальным испанским фашистам) были введены представители более умеренной организации «католическое действие». Режим приобретал такие формы, при которых его тенденция к легитимности была очевидна, а значит отпадали основания для

постановки вопроса о его насильственном изменении.

И западные державы, и СССР мыслили тогда иными критериями, чем в более поздний период «холодной» войны. Летом 1945 г. в Потсдаме союзники еще с уважением относились к границам намеченных сфер влияния, а Испания находилась в зоне влияния Запада. Сталин предоставил решение испанской проблемы на усмотрение союзников, а те отказались от вмешательства в политическую жизнь Испании. Резолюция держав по Испании содержала лишь договоренность не поддерживать просьбы франкистского режима о принятии его в члены ООН.

Безусловно, такое решение больно задевало престиж франкизма и Франко. Однако каудильо (согласно предвидению Черчилля) даже из такой ситуации сумел извлечь определенные выгоды. Любая демонстрация со стороны держав-победительниц неприятия франкизма преподносилась им и средствами массовой информации как проявление вмешательства во внутренние дела Испании, что вызывало бурную (хотя отчасти организованную «сверху») реакцию со стороны испанцев, всегда отличавшихся повышенным чувством национальной гордости. Всякий раз, когда ООН принимала какие-нибудь запретительные решения в отношении Испании, многие тысячи испанцев выходили на улицы с лозунгами типа: «Богатый или бедный — не забудь, что ты испанец». Это было составной частью «интегральной политики» каудильо «сей Испании» Ф. Франко Баамонде.

Наиболее четко позиция «навязанной консолидации» проявилась в момент очередной попытки Объединенных Наций форсировать перемены в Испании. В апреле 1946 г. польский представитель в Совете Безопасности ООН инициировал возврат к испанской теме. Результатом этого стала резолюция от 13 декабря 1946 г., предлагавшая всем странам отозвать из Мадрида своих представителей и вообще отказать Испании в праве на любую форму участия в делах ООН. О таком подарке Франко и мечтать не мог. Реальная опасность принятого решения была для него весьма сомнительна. Зато оскорбленное чувство национального достоинства испанцев сделало их союзниками каудильо, готовыми вне зависимости от политических взглядов вместе с ним противостоять угрозе натиска извне.

Резолюция Генассамблеи косвенно нанесла удар по позициям органов республиканской эмиграции. Премьером эмигрантского правительства в то время был Хиль Хираль, тот самый, который в свое время стал олицетворением неспособности республики раздавить в зародыше восстание в армии. Очевидно, лишь острейшая «кадровая недостаточность» и непрекращающееся

интриганство заставило функционеров эмиграции поставить этого человека во главе движения. Он вновь оказался политическим неудачником, с излишним оптимизмом расценившим способность «наций» влиять на ситуацию в Испании. Своим сотрудничеством с Советом Безопасности, принявшим фактически антииспанские решения, эмигранты растеряли остатки, и без того скромные, своего политического авторитета на родине. Франко и иже с ним получили возможность привязать их позицию к международному «масонскому заговору», поддержанному «мировым большевизмом» и направленному против Великой, Единой и Свободной Испании. Любимая схема каудильо сработала: испанцы оказались сплоченными как никогда, а репутация любых оппозиционных движений резко упала. Пострадал как престиж «левых», так и положение претендента на престол Хуана Барселонского, ориентировавшегося в своей деятельности на поддержку западных демократий. В целом для франкистской системы резолюция ООН оказалась незначительным неприятным эпизодом. В день ее оглашения Франко держался подчеркнуто спокойно. Он сказал своему министру, что «всю вторую половину дня предавался любимому хобби — он рисовал».

Значительно серьезнее, чем политическая изоляция, ударила по франкистскому режиму экономическая блокада. Администрация Г. Трумэна, следуя духу резолюции ООН, приняла решение о нераспространении на Испанию «плана Маршала». Кредитование Испании крупными державами, которое продолжалось даже в разгар Второй мировой войны, было приостановлено. Экономике страны пришлось вновь искать пути решения проблемы самообеспечения.

Впрочем, полная изоляция франкистской Испании не удалась. Часть государств, преимущественно латиноамериканских, сохранила свои представительства в Мадриде и торговые контакты с бывшей метрополией. Несомненно, именно льготные кредиты правительства Аргентины позволили избежать очередного обострения продовольственной ситуации и, как следствия, — усиления социальной напряженности. Аргентинское зерно и консервы, приобретенные на выгодных условиях, помогли большинству населения Испании прокормиться в самые кризисные годы. Голод оставался повседневной реальностью, но не достиг того предела, чтобы стал угрозой существования режиму.

Международная изоляция и ее следствие — экономическая блокада, не достигли цели, ожидавшийся кризис режима не наступил. Франкистская система устояла и, пожалуй, даже

укрепилась. Большинство испанцев, оскорбленных бестактной неуклюжестью ООН и возмущенных последствиями блокады, ударившей по простому народу, лишь теснее сплотилось вокруг каудильо.

Эмигрантская оппозиция получила сильнейший удар, от которого остатки разгромленных республиканцев уже не оправились. Автаркичная экономика страны кое-как справлялась с удовлетворением самых насущных потребностей нации. В особо трудных ситуациях Франко компенсировал недостатки собственной хозяйственной системы заимствованием дефицита в странах, ставящих необходимость помочь Испании выше резолюции ООН.

Каудильо и его режим, несомненно, одержали победу, причем, совсем не сопоставимую по значению с победоносным окончанием гражданской войны. Испания оказалась одной из немногих стран, избегавших «потсдамской коррекции». Однако Франко не мог не понимать, что эта победа была достигнута лишь в результате весьма благоприятного стечения обстоятельств и нуждается в срочных мероприятиях по ее закреплению.

Каудильо бодро поругивал на многотысячных митингах и на страницах газет масонов и коммунистов, доказывал преимущества испанской политической системы, подчас — оправданно, но чаще — не очень, восхищался успехами экономики своей страны. Но при этом внимательно приглядывался к происходящему в мире.

Он сознавал, что гарантией общественной стабильности и, следовательно, укрепления его власти может стать только значительное улучшение социально-экономической ситуации. А для этого требовалась отлаженная мощная экономика. Создать ее можно было двумя путями: либо, как прежде, рассчитывая на свои силы, либо добившись серьезных стимулирующих капиталовложений из-за рубежа.

У генералиссимуса было золотое правило: никогда не уповать на единственный вариант, каким бы многообещающим он не был. Сам Франко в силу образа мыслей, разумеется, тяготел к автаркии, но апеллируя к опыту европейских соседей, чье ускоренное восстановление за счет иных методов заставляло задуматься. Впрочем, в середине 40-х гг. особой свободы для маневра у Франко не было — и Хуан Перон, и Оливейра Салазар и прочие немногочисленные друзья каудильо инвестировать испанскую экономику были не в состоянии. Потому автаркия пока оставалась единственной возможностью до обретения оных, предстояло подготовить почву и, в первую очередь, вырваться из политической изоляции.

Предугаданные Франко изменения в международных отношениях становились очевидны, суля его режиму новые возможности. Геополитическое и идеологическое противостояние сверхдержав обрело реальные черты. СССР и США ускоренными темпами превращались из союзников по общей борьбе в противников, рассматривающих друг друга как препятствие на пути к гегемонии. Причем политическое противостояние, по мере ужесточения, все больше обрастало военными аспектами. И чем чаще в Европе рокотали разогреваемые для возможного боя танковые двигатели, тем менее значимыми становились соображения политических приличий в подборе сверхдержавами новых союзников. Именно на такой поворот событий и рассчитывал Франко.

Анализ боевых действий завершающего этапа Второй мировой войны привел испанского главнокомандующего и комитет начальников штабов США к одинаковым выводам, плачевным для демократий. В случае возникновения новой войны в Европе остановить Советскую армию не смогут никакие географические препятствия, равно как и слабые заслоны армий европейских стран и военных контингентов США. В таких условиях, гипотетически, Европа становилась советской задолго до переброски в Старый Свет американских войск. Атомная монополия США также мало что меняла, поскольку в случае стремительного продвижения советских танков в Западную Европу, предстояло либо применять атомные бомбы по территории союзников, либо пытаться весьма ограниченным ядерным потенциалом нанести максимальный вред колоссальной индустриальной базе СССР, рассредоточенной на необъятных российских просторах при наличии крепкой советской системы ПВО.

Думается, ни то, ни другое успеха не сулило. Во-первых, примитивные, тактически не гибкие ядерные средства того времени было просто не целесообразно применять против наступающих советских войск, потери которых носили бы ограниченный характер, при том, что могли серьезно пострадать мирное население и инфраструктура европейских союзников США. Во-вторых, даже предположив, что удары возмездия по объектам СССР будут достаточно эффективными и частично ослабят военный потенциал страны, взамен, как очевидно предполагалось, Советы расширят экономическую базу за счет промышленности Западной Европы, пусть изрядно обескровленную предшествующей войной, но вполне дееспособную.

В случае советизации Старого Света промышленные

возможности СССР, и без того обладавшего мощью, сопоставимой с американской, делали борьбу с ним если не невозможной, то, во всяком случае, крайне затруднительной. В таких условиях мечтать о высадке где-либо в Европе не приходилось, поскольку кто-кто, а американцы хорошо понимали, что сложнейшая операция в Нормандии удалась благодаря наличию Восточного фронта. Оставалось одно: отыскать на европейском материке позицию, которую можно удерживать в течение сколько-нибудь долгого срока на период мобилизации США и переброски американских армий на этот возможный плацдарм.

Желательно, чтобы такая позиция подкреплялась какими-либо естественными препятствиями, затрудняющими ее преодоление — полноводными реками, а еще лучше горами. Реки не подходили, потому что только отгремевшая война показала — русские способны на их быстрое и успешное преодоление. Форсирование советской армией Днепра, Вислы и Одера были тому наглядным примером, да и сами союзники имели такой опыт, прорвав оборону немцев на Рейне. Оставались горы. Подобных позиций в Европе было три. Три полуострова — Скандинавский, Апеннинский и Иберийский. Скандинавские горы отгораживали Норвегию от остальной части полуострова. Альпы потенциально затрудняли прорыв на Апеннинский полуостров. И, наконец, Пиренеи перекрывали сравнительно узкий перешеек между Бискайским заливом и Средиземным морем, изолируя Испанию от прочей Европы. Однако Норвегия и Италия явно уступали Испании по ряду положений. Швеция не собиралась расставаться с традиционным нейтралитетом, Финляндия проводила весьма взвешенную политику, нацеленную на достижение такого нейтралитета. А Норвегия, которую можно было привлечь к союзу, не отвечала географическим требованиям и не обладала необходимым стратегическим плацдармом: узкая и длинная полоска гористой земли, изрезанная глубокими фьордами, могла удерживаться лишь с колоссальным напряжением сил при постоянной угрозе расчленения.

Италия в географическом смысле была значительно более подходящим объектом, но политическая ситуация там не отличалась стабильностью, поскольку компартия этой страны в 40-х г., пожалуй, могла обеспечить неустойчивость гипотетического тыла «демократий». По той же причине, кстати, не подходила Греция, которая к тому же располагалась слишком близко к исходным позициям потенциального противника. У американских военных не было выбора. Палец штабиста неизбежно должен был указать на карте Испанию и Португалию. Думается, по-другому и быть не могло.

Но над картой любил постоять-поразмышлять и испанский генералиссимус, который был не менее способным к военному анализу, чем его заокеанские коллеги, и неизбежно должен был прийти к тому же выводу. А вывод его был прост и лаконичен: Испания и он сам очень скоро понадобятся одной из сверхдержав. Всегда мысливший военными категориями, он знал, что в выборе союзников щепетильность должна уступить место точному расчету стратегических выгод. Сомнений у него не было. На весах, взвешивающих его политические возможности в качестве правителя, географические возможности Испании и подчеркнутый антикоммунизм ее элиты, — эти качества легко перетянут отдельные одиозные для демократий черты режима.

Однако понимание тонкостей психологии лидеров противостоящих военнополитических блоков, готовых ради стратегических приобретений дружить хоть с фашистами, хоть с князьками-людоедами, хоть с «чертями лысыми», не помешало Франко подумать о возможных шагах навстречу будущим союзникам, заключавшихся в придании его режиму возможно большего благообразия.

Одной из наиболее уязвимых для критики черт испанской системы было отсутствие волеизъявления нации, обеспечивающее легитимность нахождения у власти Франко и элиты национального движения. Такое положение, собственно, и создавало возможность определить франкистский режим как некомпетентный в резолюции ООН. Дабы упрочить систему, каудильо предпринял демонстративный маневр. Весной 1947 г. была завершена подготовка так называемого закона о наследовании, который был оглашен 31 марта 1947 года. Испании предстояло снова стать монархией. Первая статья закона объявляла испанцам, что Испания, следуя традициям, объявляет себя королевством. Правда, уже вторая статья напоминала гражданам, что главой государства является Дон Франсиско Франко Баамонде. Далее следовали параграфы, в которых разъяснялось, что именно каудильо предстоит выбрать себе наследника, «уважающего принципы национального движения», и в определенный, по своему усмотрению, момент либо в случае смерти передать этому наследнику престол и страну.

Главное — закон не носил формы обязательного к исполнению декрета главы государства, а был вынесен на всенародный референдум. Следовательно, испанцам предстояло проголосовать как за грядущую форму правления, так и фактически подтвердить нынешнее положение главы государства, официально возведя его в ранг регента местоблюстителя. Не случайно левая оппозиция охарактеризовала прямую

консультацию с нацией следующим образом: «Голосуешь — да: голосуешь за Франко, голосуешь — нет: голосуешь за Франко, не идешь голосовать: проголосуют за тебя». Анархисты, изложившие таким образом свое видение референдума, были, пожалуй, правы.

Референдум стал блестяще спланированным триумфом Франко. Из немногим более 17-ти миллионов, имевших право голоса, 6 июля 1947 г. на участки для голосования пришло порядка 89 %, или около 15 200 тыс. человек. За проект закона высказались 93 %, т, е. свыше 14 млн. человек. Причем, иностранным наблюдателям не удалось отыскать серьезных нарушений демократической процедуры. Все походило на то, что результат показывает реально существующее положение вещей. Испанцы проголосовали за стабильность и, очевидно, против резолюции ООН и против угрозы нового противостояния внутри общества. Франко торжествовал. Мало кому удавалось одним выстрелом убить столько зайцев. По весу залпа референдум можно было приравнять к установке залпового огня — такое количество пушистых политических грызунов добыл каудильо.

Отныне результаты народного волеизъявления можно было представить международному общественному мнению как безотказное доказательство легитимности режима, пользующегося всеобщей поддержкой. Оппозиция внутри страны оказалась лишенной почвы под ногами, а зарубежная, выступая против диктатуры, теперь, по сути, выступала в роли соотечественников. Беспокойный претендент на монаршую должность Хуан, граф Барселонский, по новому закону был поставлен в условия, при которых его права на трон определялись лично Франко и могли быть аннулированы по любой причине, изложенной нынешним главой государства.

Теряющая былой вес Фаланга должна была проститься с революционными идеями и функцией движущей силы национального движения, поскольку допустила ретроградную, с их точки зрения, перспективу будущего государственного устройства. Наконец, сам Франко не только ничего не потерял, но, напротив, приобрел новые полномочия в качестве главы регентского совета. Теперь он мог лично определить будущего преемника, исходя из собственных взглядов на целесообразность той или иной кандидатуры. Наличие перспективного плана развития свидетельствовало о дееспособности режима и его прочности, а, кроме того, диктатор мог сам определить изменение режима в стране.

Можно с полным основанием считать, что именно в 1947 г. Франко окончательно завершил формирование режима. Его власть отныне существовала не только «де факта», но и

юридически.

Убежденность многих членов мирового сообщества в моральном плане добиваться изменения существующего положения вещей в значительной степени поколебалась. Зато те, кто намеревался вовлечь испанцев в назревающее геополитическое противостояние, получили возможность доказать общественному мнению, что франкистский режим угоден испанцам. И потому может рассматриваться как субъект международного права. Франко сделал удачный шаг навстречу западному блоку. Определение «фашистский» в отношении его режима стало менее употребляемым. Его использовали теперь в основном представители Восточного блока, где уже гоняли, что «демократии» легко поступятся принципами ради военно-политической целостности Западной Европы.

Осенью 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН отказалась от подтверждения необходимости экономических санкций в отношении Испании. Положенных две третьих голосов не удалось набрать, поскольку против новых мер выступили США и с некоторыми оговорками Великобритания.

Блокада практически закончилась. С 1947 г. началось восстановление отношений Испании с другими странами. Этот процесс завершился в 1950 г., когда с началом войны в Корее Генассамблея под давлением США и НАТО отменила резолюцию 1946 года. В Мадрид возвращались послы, а вслед за ними начали прибывать военные миссии, изучавшие возможный вклад Испании в дело противостояния с Востоком.

Еще в 1949 г. администрация Трумэна предписывала не принимать Испанию в НАТО, но затем ситуация изменилась. Американцам так хотелось иметь аэродромы и ядерные стоянки на Иберийском полуострове, что теперь уже Франко мог позволить себе медлить и торговаться, когда речь заходила о возможном двустороннем оборонительном договоре между США и Испанией. Фактическая интеграция Испании в военную структуру Североатлантического пакта началась в 1952 г., когда Франко и Салазар подтвердили традиционный оборонительный союз иберийских государств. Тот факт, что Португалия как член НАТО обязана была получить согласие союзников, прямо свидетельствовал о скором включении Испании в оборонительную систему Запада. Впрочем, генералиссимус в НАТО не спешил, предпочитая пока ограничиться прямым договором о взаимопомощи с американцами, заняв позицию, сходную с той, что придерживалась Югославия, оставшаяся вне структуры ОВД.

Американо-испанский договор был подписан в 1953 г.

Причем три полученных американцами аэродрома и 7 площадок под РЛС и военно-морская база в г. Рота, вопреки желанию Пентагона, не передавались в аренду, а лишь отводились для совместной эксплуатации вооруженными силами обоих союзников. Обиженный упрямством Франко, Эйзенхауэр в ответ существенно урезал обещанную финансовую помощь на перевооружение испанской армии и флота. После вышеизложенных и ряда других мероприятий оспаривать участие Испании в международной жизни становилось бессмысленным.

В 1955 г. ООН предложил Франко делегировать в Нью-Йорк постоянных представителей. В декабре того же года Испания в ряду еще тринадцати государств стала новым полноправным участником Объединенных Наций. Страна избавилась от ярлыка изгоя и обрела равные с другими возможности развития.

Безусловно, значительное влияние на успех каудильо в деле достижения страной равноправия, несмотря на специфику испанской действительности, оказала конъюнктура «холодной» войны. Однако признание Западом военной ценности Испании в качестве «последней траншеи» было отнюдь не единственным условием, сделавшим режим приемлемым для мирового сообщества.

Франкистская Испания 1955 г. разительно отличалась от той, что существовала в 1939 году. В этот период Франко проявил недюжинные способности в деле государственного строительства и поразительную политическую дальновидность, соединив ее с гибкостью, достойной высочайшей оценки. Он медленно и верно осуществлял превращение своего режима из «чрезвычайного» в стабильно функционирующий, направленный на модернизацию страны. За период с 1939 по 1955 гг. в стране был восстановлен институт представительной власти, принята, пусть урезанная, но все же конституция, посредством референдума был уточнен политический статус государства.

Фаланга, эта наиболее одиозная составляющая национального движения, к началу 50-х гг. была, практически отстранена от власти. Правда, потенциал правых реформаторов Франко продолжал использовать в социальной сфере. На долю видных представителей Фаланги достались руководство синдикатами и министерство труда, где они добились некоторых успехов.

Претворяя в жизнь положение Хартии труда 1938 г., был создан ранее не существовавший в Испании институт социальных гарантий. Сменявшим друг друга министрам-фалангистам удалось обеспечить медицинское и пенсионное страхование, профилакторное лечение и недорогие дома отдыха для

трудящихся, развернуть мощную систему профессионального образования, а также целый ряд других нововведений, позволивших отладить трудовые отношения. Тем не менее фаланга и франкистское государство по-прежнему запрещали стачку, как форму борьбы рабочих за свои права. Впрочем, забастовки в Испании случались, и власти, как правило, избегали особой жестокости при их подавлении, хотя зачинщиков наказывали по всей строгости франкистских законов. Однако при внимательном изучении испанского трудового законодательства невольно приходишь к выводу, что правовые ограничения косвенно способствовали экономическим успехам страны. Принудительный государственный арбитраж, жесткая трудовая дисциплина и фиксируемый уровень невысокой зарплаты создали благодатный климат для иностранных инвестиций.

Внедрение зарубежного капитала (даже в тех долях, что ограничивались принципами автаркии) в промышленность Испании, действовавшую в условиях искусственно организованной бесконфликтности на предприятиях, было делом выгодным. Тем более, когда во второй половине 60-х новая экономическая политика технократов, направленная на постепенный отказ от экономической автаркии, позволила расширить сектора размещения иностранного капитала. Такое положение вещей, в немалой степени, способствовало формированию феномена «испанского чуда», о котором говорили в 60-х гг.

Испанское общество, несмотря на идеологические разногласия с соседями, никогда не отгораживалось от них какими-либо занавесами, что оказало положительное влияние на темпы развития страны. Сотни тысяч туристов, любуясь памятниками блестящей архитектуры, пополняли валютные резервы государства, обеспечивали испанцам массу рабочих мест в сфере обслуживания туристической инфраструктуры. Открытое общество и свобода перемещений для граждан позволили контролировать безработицу, безболезненно расходовать излишки рабочей силы, созданные урбанистическими тенденциями. Испанцы, недовольные своим положением в рамках национальной экономики, могли попытать счастья в других странах, причем заработанные ими марки, фунты и франки, направляясь домой семьям, способствовали укреплению испанской экономики.

Франкистское государство, имея возможность избирать и стимулировать важнейшие отрасли промышленности, значительно осовременило структуру Испании. Страна покрывалась густой сетью автобанов, оросительных систем.

Вырастали плотины электростанций и предприятия технологичных отраслей промышленности. Причем, это происходило, начиная с предельно тяжелых первых послевоенных лет, когда масштабные общественные работы были, пожалуй, единственным средством дать населению работу и нищенский заработок, достаточный для частичного утоления голода. Вообще масштабы сделанного режимом впечатляют. Автора этих строк, как любого нашего соотечественника, трудно удивить размахом индустрии, но вот любимое детище Франко — дороги вызывают восхищение и зависть. Качество автотрасс превосходит среднеевропейский уровень, учитывая, что специфика ландшафта делала их строительство более трудоемким, чем где-либо.

Интересно, что в беседах с испанцами стоило похвалить коммуникации страны, как польщенные собеседники вспоминали 50-е и Франко, оценивая вклад его режима в грандиозное строительство. Впрочем, люди пожилого возраста неизбежно припоминают и то, что лишь в 1951 г. были отменены продуктовые карточки, что экономический рост приводил к экономическим злоупотреблениям всесильных государственных чиновников, что зарплаты были многократно меньше, чем в среднем по Европе. Одна уважаемая умудренная поклонница находившихся у власти в 1995 г. социалистов даже пожурила генералиссимуса за то, что в 1960 г. у нее не было ни одного видеомагнитофона, тогда как ныне она располагает двумя такими приборами. Она была очень смущена тем обстоятельством, что в те годы столь сложная бытовая электроника вообще не имела широкого распространения.

Демократическое правительство Ф. Гонсалеса спустя 20 лет после смерти Франко не получило большинства и отправилось в отставку, во многом потому, что погрязло в коррупции и не нашло средств обеспечивать дальнейший рост среднедушевого дохода. А сменил его у власти Х. М. Аскар, которого предвыборная агитация социалистов именовала неофранкистом. На основании вышеизложенного можно предположить, что наличие столь серьезных проблем имеет корни более глубокие, нежели просто та или иная форма политического устройства.

Возвращаясь к политическим реалиям периода окончательного оформления франкистского режима, стоит сделать один, но очень существенный вывод. Уже в 1949 г. У. Черчилль имел все основания заявить: «Невообразимо иметь посла в Москве и не иметь в Мадриде. Жизнь отдельного испанца намного счастливей и свободней жизни отдельного русского, поляка или чеха».

Не стоит думать, что только морозы «холодной» войны

вынудили Запад принять испанский режим и смириться с его легитимностью. Испанская политическая система по ряду параметров объективно соответствовала требованием к государству быть способным к членству в ООН и западном блоке. Ни один из факторов, сам по себе, не был решающим, но в совокупности военная необходимость и относительное соответствие позволили Франко ввести Испанию в международное сообщество как составляющую одной из соперничающих геополитических группировок.

Именно период с 1945 по 1955 гг. стал для франкистского режима решающим для определений его общего облика. На этом этапе курс Франко позволил стране избежать угрозы новых потрясений, созданные условия позволили диктатуре уцелеть, а испанцам выжить, пусть в крайне тяжелых, но все же приемлемых условиях. В этот период была создана пусть не совершенная, далекая от идеалов гуманности, но все же довольно эффективная антикризисная система, достоинством которой стала способность совершенствоваться, с целью обеспечить условия для последующего переустройства общества, сохраняя национальную самобытность, не пренебрегая заимствовать чужой полезный опыт.

По мере приобретения диктаторской власти каудильо необходимой легитимности завершался процесс складывания системы, которую можно назвать «авторитарной военной диктатурой 8 рамках режима модернизации». И вот почему франкизм, несмотря на все недостатки, обеспечивал стране возможность развиваться в условиях мира и порядка. За это время был преодолен перманентный кризис государства и общества, переживаемый Испанией на протяжений XIX и первой половины XX веков. Приостановив кризис, каудильо и генералиссимус Ф. Франко Баамоиде и его советники смогли направить страну на путь поступательного развития и придать ей ускоряющий импульс, позволивший преуспеть в погоне За ушедшими далеко вперед европейскими соседями. Залогом успеха Франко было, как представляется, обстоятельство, блестяще сформулировэнное Х. Г. Дамсом: «… он усвоил доктрину, которая не была известна ни одному из испанских политиков трех или четырех последних поколений, — нужно создать богатство прежде, чем раздавать его». Этот принцип он и претворял в жизнь настойчиво и последовательно, заслужив если не любовь, то, во всяком случае, уважение большинства соотечественников.

Осталось только сказать несколько слов о человеке, по чьей воле и разумению совершались все значительные события в Испании середины XX века.

Постаревший, но по-прежнему бодрый и работоспособный, глава испанского государства пожинал заслуженные плоды. Возглавив в 1947 г. регентский совет вновь провозглашенного королевства, Франко ничуть не беспокоился об отсутствии короля. Пока шла торговля относительно наследника, генералиссимус решил сам побыть в этой роли. Ом жаловал дворянским достоинством любимых соратников и необходимых партнеров. Его профиль чеканили на монетах, окружая крепкую мыслящую голову девизом, без ложной скромности гласившим, что изображенный не кто иной, как «каудильо господней волей». Его появления на публике обставлялись помпезными ритуалами. От избранного им в той или иной ситуации костюма зависела политическая ситуация в стране. Так было, когда в 1955 г. он явился на ежегодную мессу в память Хосе Антонио в армейском мундире вместо традиционной фалангистской формы. За этим последовало окончательное отстранение фаланги от реальной политической власти. Наконец, подобно фараонам, он возводил себе впечатляющую гробницу в Долине Павших — пантеон, в который перенесли останки испанцев, павших в гражданской войне, невзирая на их принадлежность к враждебным лагерям.

И хотя возведение базилики в Долине Павших начали осужденные республиканцы, которым предлагалось таким образом искупить свои политические грехи, тем не менее совместное погребение жертв братоубийства воспринималось как первый шаг к национальному примирению, чего, собственно, и добивался Франко, которому заранее отвели почетную нишу на будущее. Однако до его помещения в усыпальницу оставалось достаточно времени.

Каудильо не спешил, верно оценивая свои силы. Он выбрал молодого преемника, сына графа Барселонского — Хуана Карлоса Бурбона и, не торопясь, между делами, занялся воспитанием юного принца, который согласно договоренности прибыл в 1955 г. в Испанию, дабы получить под надзором регента подобающее королю образование. Возраст восемнадцатилетнего юноши, которому предстояло многому научиться, как бы подчеркивал, что Франко никуда не торопится.

Состояние здоровья бравого вояки в ту лору было более чем удовлетворительным. Лишь самые рутинные, с его точки зрения, дела, от решения которых мало что зависело, он перекладывал на своих министров. Он по-прежнему предпочитал как можно больше делать сам, благо работоспособность это позволяла. Рабочий день был строго регламентирован и продолжался в общей сложности около двенадцати часов. Каудильо лично возглавлял продолжительные изматывающие заседания

правительства и многочисленные трудоемкие церемонии. Досуг Франко, если он не предавался любимому занятию живописью, бывал активен. Он много охотился, рыбачил в море, совершал прогулки на яхте или просто занимался спортом, как правило, теннисом либо верховой ездой. В конце 40-х увидел свет его роман «Раса», который, впрочем, не привел в восторг независимых критиков, оставшись лишь примером типичной, добротной испанской словесности.

Характер Франко мало изменился. Он по-прежнему был доброжелательно скрытен и оправдывал данную ему характеристику «человека, лучше всех в Испании умеющего молчать». Улыбчивый и демонстративно открытый на публике, в реальной жизни он доверял лишь узкому кругу удержавшихся вблизи друзей молодости и родственников. Он по-прежнему ненавидел коммунистов и масонов и презирал либералов, считая, что демократия открывает двери ультралевым. Однако в пятидесятых годах ранее употребляемые филиппики против «прогнивших демократий», которые он любил произносить, более не звучали, поскольку он, с одной стороны, демонстрировал лояльность избранному лагерю, а, с другой — убедился в наличии у демократических обществ способности и желания противостоять левацкому экстремизму. Впрочем, в тот же период он, очевидно, начал осознавать и некоторую разницу между советским социализмом и знакомыми ему по испанскому опыту левацкими доктринами. Во всяком случае, его высказывания о СССР стали более спокойными и взвешенными. Подслеповатая ненависть, заставившая его совершить самую большую в жизни ошибку с «Голубой дивизией», отступила, оставив место прагматизму и трезвости.

Вообще период, о котором сам каудильо сказал, что наполняющая его политика состоит в следующем: «десять лет никакой свободы, а затем можно немного отпустить вожжи», подошел к концу. Крепкая и незыблемая, а главное, признанная всем миром власть, олицетворением которой был Франко, стала окончательной реальностью. Он мог перейти и начал переход к новому этапу, который недостаточно метко и красиво назвал периодом «остывания режима». Умеющий заглянуть вперед прагмвтик готовился совершить, пожалуй, самый серьезный переворот в судьбе страны со времени безоблачного июля 1936 года. Поредевшая когорта заслуженных борцов национального движения должна была поделиться властью с молодыми, без особых заслуг, технократами, достоинства которых заключались лишь в профессиональной подкованности и свежем взгляде на стоящие перед страной проблемы.

Каждый может иметь свое мнение, но автору представляется, что человек, способный в зените власти и славы использовать то и другое для начала реформ, отчасти идущих вразрез с его собственными представлениями об общественной пользе, но сулящих улучшение положения соотечественников, достоин благодарности нации и уважения соседей. Франко, политик и человек, был далек от идеала, но его благоразумие, гибкость и практическая сметка, очевидно, принесли испанцам больше пользы, чем вреда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт истории нового и новейшего времени показывает — каждая социально-политическая революция заканчивается диктатурой. Тоталитарные режимы, возникшие после периода революционных потрясений в целом ряде стран, стали одной из характерных особенностей XX века. По своему историческому месту тоталитарный режим может быть охарактеризован как переходный этап, следующий за временем бурных перемен, время своеобразной подготовки общества и государства для функционирования в относительно нормальных условиях. Период функционирования тоталитарной системы, как правило, характеризуется активными мероприятиями по «умиротворению» общественной нестабильности и профилактикой ее возобновления.

Каждый из тоталитарных режимов предоставляет богатейшие возможности для изучения общего и особенного в его развитии. Испанский франкизм может быть отнесен к числу «долгожителей» среди тоталитарных режимов. Он представляет собой такой вариант диктатуры, который на заключительном этапе своего внутреннего развития плавно и достаточно безболезненно трансформировался в правовое, демократическое государство, избежав как насильственного насаждения демократических порядков силами извне, так и внутренних катаклизмов.

Думается, что произошло это е немалой степени благодаря тому, кто находился в течение сорока лет во главе Испании. Каждая эпоха вызывает на авансцену истории своих «героев», людей, способных решать проблемы своего времени. Вполне справедливой представляется мысль Г. В. Плеханова о том, что отличает великого человека: «у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени». Оставим в стороне вопрос о том, насколько Ф. Франко Баамонде соответствует критериям, предъявляемым к «великим людям», но согласимся, что по результатам его деятельности он оказался именно тем человеком, который сумел вывести свою страну из состояния затяжного и всестороннего кризиса. Попробуем выявить, какие качества позволили ему добиться этого.

В те годы, когда Франко начал готовить себе замену на посту главы государства, принц Хуан Карлос Бурбон спрашивал у него советов, как вести себя в той или иной ситуации. Нередко он слышал в ответ: «Не знаю, Ваше Высочество. Во всяком случае, Вы не сможете поступать так, как это делаю я. Когда Вы станете

королем, времена сильно изменятся»… В этой незначительной на первый взгляд фразе содержится основа позиции Франко как политика, умевшего чутко реагировать на потребности времени и признавать неизбежность перемен.

Эти качества были присущи Франко, и они проявились 6 полной мере в период его нахождения у власти. Созданный им режим носил весьма заметные черты, присущие ему как личности. Как представляется, дело тут не в исключительности его личности, а в его типичности. Рядовой представитель испанского «среднего класса», т. е. среднезажиточнои части испанского общества, того социального слоя, который можно отнести к числу «служилых» людей, Франко ощущал себя и являлся типичным испанцем.

Испанское офицерство привыкло считать себя «солью нации». Оно было наиболее организованной и наиболее активной частью населения. Более столетия испанское офицерство корректировало политическую жизнь страны с помощью военных переворотов. Однако большая часть офицеров, в силу своего относительного имущественного благополучия, была далека от радикальных идей и настроений. Она ощущала себя отчасти движущей, отчасти сдерживающей силой испанской истории. Франко по происхождению и положению принадлежал к этому социальному слою.

Он был неплохо образован, не чуждался творчества (пробовал писать стихи и прозу, был художником-любителем), но не стремился к теоретизированию. Ему был свойственен прагматизм, умение трезво и Здраво оценивать ситуацию. Его отличала напористость и бешеное честолюбие. Он был блестящим офицером, умевшим проявить в нужный момент инициативу и энергию. Его военная карьера была стремительной, все свои звания (кроме первого, лейтенантского, присвоенного по выходе из училища) он получил досрочно и заслуженно. Вместе с тем он не считал зазорным хлопотать о наградах и, исходя из чисто практических соображений, прикидывать, что лучше выбрать: почет получения высшего ордена Испании или повышение по службе, сулящее увеличение жалованья.

Все его хорошие и дурные человеческие качества проявились в его карьере, сначала военной, а затем политической. Совершенно очевидно, что первоначально он не стремился в «большую» политику, его вполне удовлетворяло успешное продвижение по служебной лестнице. В рамках привычного и традиционного он реализовал сеои возможности и устремления. Сила исторических обстоятельств, изменивших ситуацию в Испании, вынудила Франко выйти за пределы обжитой

социальной ниши. Лишившись многих благ, приобретенных в ходе успешной карьеры, и оказавшись перед угрозой слома привычного жизненного уклада, привычной системы ценностей, Франко естественно оказался в лагере противников перемен, а со временем и возглавил этот лагерь.

В ходе Гражданской войны 1936–1939 гг. со всей очевидностью проявилось политическое и военное бессилие руководства Второй республики, которое оказалось не в состоянии объединить и мобилизовать имеющиеся в его распоряжении силы. В частности, изначально была отвергнута попытка использовать возможности старой армии. Влиятельные политические группировки республики ревниво наблюдали друг за другом, опасаясь, как бы усилия соперника не привели к реальным военным успехам, а следовательно, к увеличению его влияния. Результатом стало поражение и разгром всех составляющих Народного фронта.

Традиционалисты во главе с Франко, напротив, сумели добиться политического единства, устойчивого положения в тылу, овладения инициативой на фронтах. Они декларировали приверженность простым и понятным основной массе населения (прежде всего испанской провинции) идейным ценностям: родине, католицизму, испанскому образу жизни, прочности семьи. Они сумели сплотить весьма разнородные течения консервативной направленности. Это было трудной задачей, поскольку цели правых группировок были разными. Франкисты победили в силу консолидации, а не благодаря подавляющему военному превосходству, которого они, вопреки расхожему мнению, не имели. Единственное их превосходство заключалось в более грамотном военном руководстве и целеустремленности. Итало-германские поставки имели определенное значение, но вряд ли большее, чем аналогичные мероприятия СССР и других государств, которые поддерживали республиканцев.

После завершения войны победителям предстояло создать государство, основанное на тех принципах, которые казались им единственно верными. Авторитарным лидером страны, ее вождем (каудильо), ответственным перед Богом и историей, стал генералиссимус дон Франсиско Франко Бэамонде. В этом бросающееся в глаза сходство франкизма с гитлеровским нацизмом и фашизмом Муссолини. Однако более внимательное сравнение позволяет выделить существенные различий в том положении, которое занимали три авторитарных лидера в структуре своих государств, В Испании Франко — глава государства, занял пост вождя политического объединения, находящегося у власти, «по совместительству», в то время как в

Германии и Италии лидеры партий фашистского толка встали над государством. В этих странах партийная идеология активно внедрялась в массовое сознание и становилась официальной идейной основой государственной и частной жизни.

В Испании было иначе. Франко пришел к власти внепарламентским, насильственным путем, опираясь на военную силу. Он гораздо меньше своих коллег-диктаторов нуждался при общении с населением в услугах партии-посредника. Это обеспечило его независимость от идеологии фашистской партии Испании — Фаланги. Такая независимость позволила избежать замены традиционной для страны идейно-религиозной платформы — католицизма — партийными догмами. А это существенно расширяло общественную базу режима за счет поддержки со стороны католической церкви и огромной массы верующих-католиков.

Иной выглядела роль, которую играла Фаланга в структуре общества и государства. Она никогда не была не только единственной, но и единой политической силой. Она не была единственной, потому что на протяжении своего существования режим опирался на армию, церковь, систему вертикальных синдикатов и Фалангу.

Не была Фаланга и единой силой, поскольку Франко, отчасти искусственно, свел в ее рядах представителей различных политических течений консервативного толка: фашистов, монархистов, представителей католических организаций и даже правых республиканцев. В таких условиях единство Фаланги сохранялось прежде всего под давлением личного авторитета каудильо.

Не была Фаланга и единственной политической опорой франкистского государства. Франко сумел занять такое положение, при котором «он авторитарен — по своим представлениям об Испании, а также по декларируемому им учению о законности. Он приемлет организованные группы — Фалангу, церковь, армию, профсоюзы — но ни одна из них не рассматривается в качестве исключительной опоры»…

Испании очень повезло в том, что победителем в противостоянии с радикальными искателями социальной справедливости оказался убежденный консерватор, равно отвергавший идеи революции как слева, так и справа. Благодаря этому разгром поклонников левацких утопий не превратился в триумф правого экстремизма. Подчиненные Франко штурмовики в опереточной форме из синих рубашек и красных беретов не получили свободы рук, сопоставимой с той, которой располагали их европейские единомышленники в коричневом и черном.

Террор победителей не стал прерогативой масс, а остался функцией государства, где традиционная консервативная элита и ее идеология оказались сильнее декоративных штурмовиков с их фашистской доктриной. К счастью для страны, она досталась не пламенным борцам типа Пассионарии и Х.-А. Примо де Риверы, а суховатому, педантичному Франко и его исполнительным, дисциплинированным генералам.

Самой надежной опорой франкистского режима в момент его утверждения была армия. Тем интереснее отметить, что франкизм отличало отсутствие амбициозно-агрессивной внешней политики, приведшей к краху германский и итальянский режимы.

На протяжении примерно первых четырех лет существования франкистского режима проводились репрессии против побежденных республиканцев. Эта политика репрессий во многом определила характер отношения во всем мире к франкистской Испании. Однако террор победителей не был только мстительным торжеством. Скорее он носил характер общенациональной вакцинации от недавнего припадка революционного бешенства с последующей вакханалией братоубийства. Франко не был патологической личностью, заинтересованной в разгуле насилия. В критический момент он удержал террористическую машину в руках и, используя ее, ограничивал ее размах. Едва только завершился процесс определения вины побежденных перед режимом и избраны соответствующие наказания, механизм устрашений значительно снизил обороты. Система подавления была сохранена, но впредь Франко использовал не столько ее самое, сколько страх перед угрозой ее возможного применения. Можно сказать, что в рамках традиционалистского государства террор не обрел всеохватывающего размаха, его роль не была гипертрофированной. Он оставался одним из методов функционирования государства, но не более.

В Испании времен диктатуры полностью отсутствовал постулат о расовом превосходстве. Преследования осуществлялись по политическим признакам, а не по принадлежности к тому или иному антропологическому типу. Диктатура создала мощный аппарат подавления инакомыслия, урезала свободы, которыми наделила население страны Вторая республика. Подобное всегда происходит в странах, переживших бедствие гражданской войны.

Франкистская Испания, которую принято относить к вассалам стран «Оси», оказалась практически вне Второй мировой войны. Испанский диктатор постарался внести минимальный вклад в участие в военных действиях на Восточном фронте и сумел избежать всякого участия своей страны в развитии событий нэ

Западном фронте. Наиболее показательным в этом смысле является то, как сумел Франко повернуть вопрос о Гибралтаре.

Можно скорее говорить о последовательности позиции Франко, который упорно отстаивал право Испании на сохранение нейтралитета, прибегая при этом к хитростям, жалобам, просьбам — методам не слишком эффектным, но эффективным. Покровители из государств «Оси» вынуждены были оставить Франко в покое, а испанский народ избежал опасностей, связанных с вступлением в войну.

В результате страны-лобедительницы не тронули политическую систему, созданную Франко. Франкистское государство получило право на существование. Необходимо отметить несколько не слишком бросающихся в глаза фактов, таких, как восстановление каудильо еще в 1942 г. деятельности кортесов — испанского парламента, а к началу открытия Потсдамской конференции обнародование «Хартии испанцев», основного закона, содержащего многие положения, присущие современным конституциям. Тем самым нелегитимный по происхождению политический режим обзавелся институтами, свойственными большинству демократических государств.

Желание придать легитимность испанской государственности сочеталось у Франко со стремлением максимально возродить традиционные государственные формы. На референдуме 1947 г., проведенном по инициативе диктатора, Испания высказалась за конституционную монархию (с условием, что она будет воссоздана после смерти или отставки каудильо). Факт наличия перспективного плана государственного строительства, предполагающего изменение формы власти, не имеет аналогов в истории тоталитарных режимов.

В экстремальной ситуации времен войны франкистский режим мог существовать, опираясь прежде всего на право силы. В послевоенном мире, когда юридически обосновывались изменения, произошедшие в результате победы атигитлеровской коалиции, проведенные Франко меры по обоснованию законности созданного им режима были чрезвычайно своевременны и созвучны общему настроению. Именно в эти годы (вторая половина 40-х) режим начал обретать формы внешнего соответствия тому, что представляет собой современное государство, а его создатель мог претендовать на положение правителя, чья власть обоснована законом. Завершился определенный этап в существовании франкистского режима, завершился определенный этап в деятельности его создателя. Франко не только пришел к власти, но и нашел возможность придать законность своему положению.

В период франкизма Испания совершила мощный рывок в экономическом и социальном развитии. Был создан фундамент экономики, приближающейся по уровню к наиболее развитым странам мира, возник многочисленный «средний класс», главная опора стабильности в обществе. Возникли условия, при которых стало возможным достижение политической стабильности без применения насильственных методов.

Роль франкизма в испанской истории наилучшим образом охарактеризовал преемник каудильо король Хуан Карлос, сказавший; «Я унаследовал страну, которая познала 40 лет мира, и на протяжении этих 40 лет сформировался могучий и процветающий средний класс… опыт испанского короля не экспортабелен в страны экономически разрушенные… В стране с ослабленной экономикой ни один король не может совершить великие дела в короткое время». Эти слова могут быть расценены как лучшая эпитафия Ф. Франко и созданному им государству.

notes

Примечания

1

Три первых брака короля Фердинанда были бездетными. Наследником считался младший брат короля дон Карлос. Четвертая жена Фердинанда Мария Кристина родила ему дочь Изабеллу. По старому кастильскому праву дочери имели право наследовать корону. Когда в начале XVIII в, испанский престол перешел к Бурбонам, была введена французская система наследования («Салический закон»), исключавшая дочерей из права наследования короны. В конце XVIII в. при Карлосе IV кортесы восстановили кастильскую традицию престолонаследия, но принятый акт не был опубликован. После рождения первой дочери Фердинанд воспользовался решением кортесов 1789 г. Однако правомочность этого закона была признана далеко не всеми как в Испании, так и вне ее. Дон Карлос начал борьбу за свои права, а большинство европейских государств поддержали его и разорвали дипломатические отношения с Испанией.

2

Военный переворот

3

Во всяком случае так оценивает его генерал Касас де ла Вега (см.: *Casas Cfe la Vega Я.* Franco, mifutar. P. 96.

4

Так написал о Франко его первый биограф Хоакин Аррарэс. Цит. по: *Preston P.* Franco. P. 40.

5

Наиболее достоверными представляются такие цифры: 3 100 повстанцев и 1 100 солдат сил охраны правопорядка (Historia de Espana. T. IX. P. 201).

6

Генерал Роатта командовал итальянским экспедиционным корпусом Италии. Цит. по: Война и революция в Испании. С. 574.

7

В романе Э. Хэмингуэя «По ком звонит колокол» есть эпизод, повествующий об уничтожении партизанского отряда Эль Сордо. Этот эпизод прекрасно иллюстрирует как националисты использовали возможности своей авиции (*Хэмингуэй Э.* Собр. соч. Т. 3. С. 386–401).

8

FARE — Fuerzas Aereas Repubiicanas Espanolas (Силы Воздушные Испанской Республики).

9

Эти слова принадлежат Р. Фернандесу-Гуэста и Мирило, бывшему министром в правительствах Франко 30-50-х годов (см.: Franco wisto por sus ministros. Barcelona, 1981. P. 17).

10

Цифра 28 000 приводится в работе: *Salas Larrazabal ft.* Tiempo de silenoo, carcel y muerte. Histona del franquismo Madrid, 1985. P 18. O 150–200 тысячах казненных говорится в советской историографии.

11

Слова эти принадлежат Х. А. Гирону де Веласко, министру труда в нескольких правительствах Франко 40–50 х годов (см. Franco visto por sus ministros P 44).